

56
Л.Р.

1892
✓

НАШЪ ПУТЬ

№ 1

АПРѢЛЬ

1918

Литературно-политическій
ЖУРНАЛЪ РЕВОЛЮЦІОННАГО СОЦІАЛИЗМА

НАШЪ ПУТЬ

издается при Центральномъ Комитетѣ
Парти Лѣвыхъ Соціалистовъ-Революціонеровъ (интернационалистовъ).

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Р. В. Иванова-Разумника, Б. Д. Камкова, С. Д. Мстиславскаго.

НКВФ

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	СТР.
1. <i>Александръ Блокъ.</i> —„Двѣнадцать“	1
2. <i>Андрей Бѣлый.</i> —Два стихотворенія	13
3. <i>Алексѣй Чапыгинъ.</i> —„Одна душа“, романъ	15
4. <i>Сергѣй Есенинъ.</i> —Три поэмы:	
Пришествіе	38
Октоихъ	43
Преображеніе	47
5. <i>А. Терекъ.</i> —„Поголовщина“, разсказъ	51
6. <i>Э. Верхарнъ.</i> —„Толпа“, стих., перев. Б. Ф.	70
7. <i>Свенъ.</i> —„Толпа“	74
8. <i>Александръ Блокъ.</i> —„Скифы“, стих.	78
9. <i>Александръ Блокъ.</i> —„Интеллигенція и революція“	81
10. <i>Ж. Рони.</i> —„Красный валъ“, романъ, перев. съ франц.	92
11. <i>Евг. Лундбергъ.</i> —„Пути новой критики“	115
12. <i>Ивановъ-Разумникъ.</i> —„Испытаніе въ грозѣ и бурѣ“	131
13. <i>А. Герценъ.</i> —Неизданная страница изъ дневника	159
—	
14. <i>Б. Камковъ.</i> —Двѣ тактики	1
15. <i>М. Стиридонова.</i> —Письма въ деревню	14
16. <i>Ал-овъ.</i> —Бѣглыя замѣтки по основнымъ вопросамъ социализаціи земли	18
17. <i>В. Трутовскій.</i> —Равенство въ голодѣ или социализмъ?	23
18. <i>В. М. Левинъ.</i> —Организаціонное строительство рабочихъ въ первый годъ російской революціи	31
19. <i>М. Самохваловъ.</i> —Октябрьская революція и социальное страхование	48

20. Критика и библиографія. *Скальдъ*. — Книга безсильнаго плача. *И. Оксеновъ*. — „Война и миръ“ В. Маяковскаго. *В. Трутовскій*. — Н. Ленинъ, „Империализмъ, какъ новѣйшій этапъ капитализма“. *В. Трутовскій*. — Ник. Сухановъ, „Интересы Россіи въ войнѣ и мирѣ“. *М. Самохваловъ*. — М. Лурье, „Германское профессиональное движеніе и война“. *М. Самохваловъ*. В. Майскій, „Въ мирѣ германскаго профессиональнаго движенія“ 54

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

Статья *С. Метиславскаго*, изъ его постояннаго отдѣла „Свое и чужое“, запоздала присылкой для настоящаго номера и будетъ напечатана въ слѣдующей книжкѣ „Нашега Пути“. Въ виду того, что размѣры настоящаго номера значительно превышаютъ предполагаемый средній размѣръ книжки (10—12 печ. лист.), пришлось отложить до № 2-го статью *М. Брагинскаго* по иностранной политикѣ, „Хромику Интернационала“ и др.

Д В Ъ Н А Д Ц А Т Ь.

1.

Черный вечерь.
Бѣлый снѣгъ.
Вѣтеръ, вѣтеръ!
На ногахъ не стоить человѣкъ.
Вѣтеръ, вѣтеръ—
На всемъ Божьемъ свѣтъ!

Завиваетъ вѣтеръ
Бѣлый снѣжокъ.
Подъ снѣжкомъ—ледокъ.
Скользко, тяжело—
Всякій ходокъ
Скользить—ахъ, обдняяжка!

Отъ зданія къ зданію
Протянуть канатъ.
На канатѣ—плакать:
„Вся власть Учредительному Собранію“!
Старушка убивается—плачетъ,
Никакъ не пойметъ, что значить,
На что такой плакать,
Такой огромный лоскутъ?
Сколько бы вышло портянокъ для ребятъ,
А всякій—раздѣтъ, разуть...

Старушка, какъ курица,
Кой-какъ перемотнулась черезъ сугробъ.
— Охъ, Матушка-Заступница!
— Охъ, большевики загонятъ въ гробъ!

Вѣтеръ хлесткій!
Не отстаеъ и морозъ!
И буржуй на перекресткѣ
Въ воротникъ упряталъ носъ.

А это кто?—Длинные волосы
И говорить вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россія!
Должно быть, писатель—
Витя...

А вонъ и долгополый—
Сторонкой—за сугробъ...
Что нынче невеселый,
Товарищъ понъ?

Помнишь, какъ бывало
Брюхомъ шелъ впередъ,
И крестомъ сіяло
Брюхо на народъ?..

Вонъ барыня въ каракулѣ
Къ другой подвернулась:
— Ужъ мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И—баць—растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Вѣтеръ веселый
И золь. и радъ,
Крутитъ подола,
Прохожихъ косить,
Рветъ, мнетъ и носитъ
Большой плакатъ:
„Вся власть Учредительному Собранию“...
И слова доносить:

...И у насъ было собраніе...
...Вотъ въ этомъ зданіи...

...Обсудили—
Постановили...
На время—десять, на ночь—двадцать пять...
И меньше—ни съ кого не брать...
...Пойдемъ спать...

Поздни вечеръ.
Пустѣеть улица.
Одинъ бродяга
Сутулится,
Да свищеть вѣтеръ...

Эй, бѣдняга!
Подходи—
Поцѣлуемся...

Хлѣба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипить въ груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищъ! Гляди
Въ оба!

2.

Гуляетъ вѣтеръ, порхаетъ снѣгъ,
Идутъ двѣнадцать человѣкъ.

Винтовокъ черные ремни,
Кругомъ—огни, огни, огни...

Въ зубахъ—цыгарка, примать картузь,
На спину-бъ надо бубновый тузь!

Свобода, свобода,
Эхъ, эхъ, безъ креста!
Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

- А Ванька съ Катькой—въ кабакѣ...
- У ей керенки есть въ чулкѣ!
- Ванюшка самъ теперь богатъ...
- Былъ Ванька нашъ, а сталъ солдатъ!
- Ну, Ванька, сукинъ сынъ, буржуй,
Мою, попробуй, поцѣлуй!

Свобода, свобода,
Эхъ, эхъ, безъ креста!
Катка съ Ванькой занята—
Чѣмъ, чѣмъ занята?..
Тра-та-та!

Кругомъ—огни, огни, огни...
Оплечь—ружейные ремни...

Революционный держите шагъ!
Неугомонный не дремлетъ врагъ!

Товарищъ, винтовку держи, не трусь!
Пальнемъ-ка пулей въ Святую Русь—

Въ кондовую,
Въ избяную,
Въ толстозадую!

Эхъ, эхъ, безъ креста!

3.

Какъ пошли наши ребята
Въ красной гвардіи служить—
Въ красной гвардіи служить—
Буйну голову сложить!

Эхъ ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всёмъ буржуямъ
Мировой пожаръ раздуемъ,
Мировой пожаръ въ крови—
Господи, благослови!

4.

Снѣгъ крутить, лихачъ кричить,
Ванька съ Каткою летить—
Електрическій фонарикъ
На оглобелкахъ...
Ахъ, ахъ, пади!..

Онъ въ шинелишкѣ солдатской
Съ физьноміей дурацкой
Крутить, крутить черный усъ,
Да покручиваетъ,
Да пошучиваетъ...

Вотъ такъ Ванька—онъ плечистъ!
Вотъ такъ Ванька—онъ рѣчистъ!
Катку—дуру обнимаетъ
Заговариваетъ...

Запрокинулась лицомъ,
Зубки блещутъ жемчугомъ...
Ахъ ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденъкая...

5.

У тебя на шеѣ, Катя,
Шрамъ не зажилъ отъ ножа,
У тебя подъ грудью, Катя,
Та царапина свѣжа!

Эхъ, эхъ, попляши!
Больно ножки хороши!

Въ кружевномъ бѣльѣ ходила—
Походи-ка, походи!
Съ офицерами блудила—
Поблуди-ка, поблуди!

Эхъ, эхъ, поблуди!
Сердце екнуло въ груди!

Помнишь, Катя, офицера—
Не ушелъ онъ отъ ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свѣжа?

Эхъ, эхъ, освѣжи,
Спать съ собою положи!

Гетры сѣрыя носила,
Шоколадъ Миньонъ жрала,
Съ юнкерьемъ гулять ходила—
Съ солдатьемъ теперь пошла?

Эхъ, эхъ, согрѣши!
Будетъ легче для души!

6.

...Опять навстрѣчу несется векачь,
Летить, вопить, ореть лихачь...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзади забѣгай!..

Трахъ-тарарахъ-тахъ-тахъ-тахъ-тахъ,
Вскрутился къ небу снѣжный прахъ!..

Лихачь—и съ Ванькой—на утекъ...
Еще разокъ! Взводи курокъ!..

Трахъ-тарарахъ! Ты будешь знать,
Какъ съ дѣвочкой чужой гулять!..

.....

Утекъ, подлецъ! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я съ тобой!

А Катька гдѣ?—Мертва, мертва!
Прострѣленная голова!

Что, Катька, рада?—Ни гу-гу...
Лежи, ты, падалъ, на снѣгу!..

Революционный держите шагъ!
Неугомонный не дремлетъ врагъ!

7.

И опять идутъ двѣнадцать,
За плечами—ружьена.
Лишь у бѣднаго убійцы
Не видать совсѣмъ лица...

Все быстрѣе и быстрѣе
Уторапливаетъ шагъ.
Замоталъ платокъ на шеѣ—
Не оправиться никакъ...

— Что, товарищъ, ты не весель,
Что, дружокъ, оторопѣлъ?
— Что, Петруха, носъ повѣсилъ,
Или Катьку пожалѣлъ?

— Охъ, товарищи, родные,
Эту дѣвку я любилъ...
Ночки черныя, хмѣльныя
Съ этой дѣвкой проводилъ...

Изъ-за удали бѣдовой
Въ огневыхъ ея очахъ,
Изъ-за родинки пунцовой

Возлѣ праваго плеча,
Загубилъ я, безтолковый,
Загубилъ я сгоряча... ахъ!

— Ишь, стервецъ, завель шарманку,
Что ты, Петька, баба что-ль?
Вѣрно, душу наизнанку
Вздумалъ вывернуть? Изволь!
Поддержи свою осанку!
Надъ собой держи контроль!

Не такое нынче время,
Чтобы няньчиться съ тобой!
Потяжеле будетъ бремя
Намъ, товарищъ дорогой!

И Петруха замедляетъ
Торопливые шаги,

Онъ головку вскидываетъ,
Онъ опять повеселѣлъ...

Эхъ, эхъ!
Позабавиться не грѣхъ!

Запирайте этажи,
Нынче будутъ грабежи!

Отмыкайте погреба—
Гуляетъ нынче голытьба!

8.

Охъ ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужъ я времячко
Проведу, проведу...

Ужъ я темячко
Почешу, почешу...

Ужъ я сѣмячки
Полушу, полушу...

Ужъ я ножичкомъ
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышкомъ!
Выплю кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, Господи, душу рабы твоя...

Скучно!

9.

Не слышно шуму городского,
Надъ невской башней тишина,
И больше нѣтъ городского—
Гуляй, ребята, безъ вина!

Стоитъ буржуй на перекресткѣ
И въ воротникъ упряталъ носъ.
А рядомъ жметъ шерстью жесткой
Поджавнѣй хвостъ паршивѣй песь.

Стоитъ буржуй, какъ песь, голодный,
Стоитъ безмолвный, какъ вопросъ.
И старѣй мѣръ, какъ песь безродный,
Стоитъ за нимъ, поджавши хвостъ.

10.

Разыгралась, чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой вьюга!

Не видать совсѣмъ другъ друга
За четыре за шага!

Снѣгъ воронкой завился,
Снѣгъ столбушкой поднялся...

— Охъ, пурга какая, Спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
Отъ чего тебя упасъ
Золотой иконостасъ?
Бессознательный ты, право,
Разсуди, подумай здраво—
Али руки не въ крови
Изъ-за Катъкиной любви?
— Шагъ держи революцiонный!
Близокъ врагъ неугомонный!

Впередъ, впередъ, впередъ,
Рабочи народъ!

11.

...И идутъ безъ имени святого
Всѣ двѣнадцать—вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Ихъ винтовочки стальные
На незримаго врага...
Въ переулочки глухіе,
Гдѣ одна пылить пурга...
Да въ сугробы пуховые—
Не утянешь сапога...

Въ очи бьется
Красный флагъ.

Раздается
Мѣрный шагъ.

Вотъ—проснется
Лютый врагъ...

И вьюга пылить имъ въ очи
Дни и ночи
Напролетъ...

Впередъ, впередъ,
Рабочи народъ!

12.

...Вдаль идутъ державнымъ шагомъ...
— Кто еще тамъ? Выходи!
Это—вѣтеръ съ краснымъ флагомъ
Разыгрался впереди...

Впереди—сугробъ холодный,
— Кто въ сугробѣ—выходи!..
Только нищи песь голодный
Ковыляетъ позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыкомъ пощечочу!
Старый мѣръ, какъ песь паршивый,
Провались—поколочу!

...Скалить зубы—волкъ голодный—
Хвостъ поджалъ—не отстаетъ—
Песь холодный—песь безродный...
— Эй, откликнись, кто идетъ?

— Кто тамъ машетъ краснымъ флагомъ?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто тамъ ходитъ бѣлымъ шагомъ,
Хоронясь за всѣ дома?

— Все равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мнѣ живьемъ!
— Эй, товарищъ, будетъ худо,
Выходи, естрѣлять начнемъ!

Трахъ-тахъ-тахъ!—И только эхо
Откликается въ домахъ...
Только вьюга долгимъ смѣхомъ
Заливается въ снѣгахъ.

Трахъ-тахъ-тахъ!
Трахъ-тахъ-тахъ...

...Такъ идутъ державнымъ шагомъ—
Позади—голодный песь,
Впереди—съ кровавымъ флагомъ,
И за вьюгой невидимъ,
И отъ пули неведимъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ—
Впереди—Исусъ Христосъ.

Александръ Блокъ.

Январь 1918 г.

* * *

Вѣстью овѣяны
Души простремъ
Въ свѣтомъ содѣянный
Радостный громъ.

Въ неописуемый,
Въ огненный годъ,—
Духомъ взыскуемый
Голубь сойдетъ.

Андрей Бѣлый.

М Л А Д Е Н Ц У .

Играй, безумное дитя,
Блистай, летающей стихией:
Вольнолюбивымъ свѣтомъ „Я“—
Явись: осуществись,—Россія!

Ждемъ: гробовая пелена
Падетъ мелькающими мглами.
Уже небесная Жена
Нѣжнѣй звѣздѣтъ глубинами.

И,—оперяясь изъ весны,
Въ лазури льются іерархii;
Изъ легкихъ крылий ликъ Жены
Смѣется радостной Россii.

Андрей Бѣлый.

ОДНА ДУША ¹⁾.

РОМАНЪ.

Марью Васильевну, темнорусую высокую, дѣвушку подруги портнихи прозвали Замарочкой-недотрогой за то, что она не дѣлилась съ ними своими мыслями, уединялась. Не любила слушать о любовныхъ затѣяхъ. Мужчинамъ Замарочка тоже не позволяла за собой ухаживать. Вскорѣ послѣ выхода изъ ученья отказалась работать.

У знакомой прачки, одинокой старухи, была свободная комната,—сняла ее и перебралась. Тѣ же заказчицы, которымъ она носила примѣрять изъ мастерской платья охотно стали заказывать ей, такъ какъ Марья Васильевна была хорошая работница. Замарочка одѣвалась въ черное, какъ будто бы носила трауръ.

Въ безсонныя ночи Марья Васильевна лежала на спинѣ съ закрытыми глазами; тогда она раздѣвалась совсѣмъ. Время отъ времени гладила себя руками по груди, по тонкимъ бедрамъ и мечтала. Ей представлялся особенно красивый юноша съ русыми кудрями. Лежала до тѣхъ поръ, бѣлая во мракѣ вытяну-

---

¹⁾ Старый Петербургъ не богатъ былъ положительными типами, и потому мнѣ, при изображеніи его жизни, пришлось остановиться только на отрицательныхъ людяхъ, а изъ положительнаго выбрать одинокую, любящую душу работницы.

Моя работа была начата задолго до революціи и окончена за полгода до нея. Отсюда то мрачное, которое преобладаетъ надъ веселымъ и яркимъ. Не надо говорить—извѣстно всѣмъ, что было до революціи; только она распахнула двери новымъ художественнымъ возможностямъ.

Асторъ.

тымъ тѣломъ, пока не дѣлалось совсѣмъ холодно; тогда она покрывалась одѣяломъ и всегда почти подь утро засыпала. Днемъ отчего-то болѣла голова и не хотѣлось работать.

Въ ростепель зимой или весной, въ ясные дни къ ея окну съ улицы подходили, стучались клювами голуби, въ ожидани топтались, топорщились, смѣло заглядывая въ окно маленькими глазами, отбѣгали, когда кто-либо шелъ по панели. Марья Васильевна бросала въ форточку голубямъ куски хлѣба или булки. Иногда пробѣгали собаки; остановясь, встряхивались, нюхали окно, и если собаки были тощи, жалки Марья Васильевна имъ тоже бросала чего-нибудь. Въ свое чисто промытое окно Замарочка не любила глядѣть на улицу, когда мимо окна проходили женщины—она всегда замѣчала въ женскомъ нарядѣ, что нибудь некрасивое: то оборка болталась, то на чулкахъ были дырки или заплаты.

— Это все соперницы...—Но тутъ же кто-то какъ будто говорилъ въ ней: „Зачѣмъ тебѣ?“

— Увижу его... хорошаго... ночью.

Часто къ Марьѣ Васильевнѣ приходила ея подруга, перерѣлая, высокая дѣвица, безъ единой морщинки на блѣдномъ какъ мраморъ лицѣ съ яркими подкрашенными губами. Марья Васильевна какъ-то вся холодѣла, когда приходила подруга: она боялась ея страстныхъ ласкъ и не могла имъ противиться. Подругу звали Липой. Липа чаще всего ложилась на ея кровать, сильными жесткими руками съ холодными пальцами тянула ее къ себѣ, сгибала нѣжную дѣвичью шею Марьи Васильевны и начинала цѣловать. Нацѣловавъ ея лицо до пятенъ, говорила нараспѣвъ:

— Ма-ру-у-ся... напудри меня.

Марья Васильевна брала съ комода, заставленнаго рядомъ маленькихъ слоновъ „на счастье“, изъ-за зеркала на точеныхъ столбикахъ,—пудреницу—пудрила Липу, а та, не мигая, ласково глядѣла ей въ лицо сѣрыми и свѣтлыми глазами. Поворачивала на подушкѣ, то одну щеку, то другую.

— Дай—теперь я!

Липа увѣсисто, но ловко вскакивала на ноги, пудрила лицо Марьи Васильевны, цѣловала, дѣлая поцѣлуями темныя пятна, и процѣлованныя мѣста вновь пудрила. Иногда Липа приносила свою серебряную пудреницу, и когда Замарочка пудрила Липу, Липа тоже пудрила ее.

Марья Васильевнѣ казалось порой, что Липа мужчина, когда она отодвигалась—внимательно съ испугомъ разглядывала мраморное лицо подруги, ей дѣлалось тоскливо, а Липа спрашивала:

— Что съ тобой? Ахъ, Марка, ты не любишь меня! ты мнѣ измѣнишь... измѣнишь—берегись, я злая!

Липа всегда ругала мужчинъ.

— Трусы—грязные! Смѣлыхъ нѣтъ ихъ...

— Но развѣ всѣ такіе?

— Конечно, всѣ!

Марья Васильевна вздыхала и говорила:

— Всѣ на свѣтѣ несчастны—мужчины и женщины.

— Не люблю ихъ за то, что всѣ мужики! баринъ мужикъ и мужикъ то-же... какъ обмануль, то и убѣжалъ, не догонишь... фу!

— Слушай, Липа, а ты влюблялась?

— Ни-и-когда! но за мной не мало мужиковъ бѣгало, уже покажу, сколько ихъ бѣгало.

— А какъ ты покажешь?

— Кипяточку принести, барышня?

Спрашивала за дверью старуха хозяйка.

— Неси, Петровна!

Липа сердилась.

— Всегда тутъ эта пьяница!

— Пускай, придетъ,—говорила Марья Васильевна: она была довольна, когда хозяйка вмѣшивалась. Отъ разговоровъ о мужчинахъ и поцѣлуевъ Липы ей не хотѣлось ночью мечтать, а мечтами дорожила Замарочка. Прачка не любила Липу. Она торопливо приносила кипятокъ въ старыхъ чайникахъ; заваривала чай, гремѣла чашками и первой себѣ наливала чаю—такъ приучила сама Марья Васильевна. Липа чаю не пила. Она садилась на стулъ у рабочаго стола Замарочки спиной къ окну и строго колола старуху сѣрыми глазами. Прачка дѣлала видъ, что въ комнатѣ, кромѣ ея и Марьи Васильевны, никого нѣтъ. Неторопливымъ, слегка хмельнымъ голосомъ рассказывала:

— Сегодня тотъ-то, швейцаръ, противъ насъ... ну тотъ, изъ лечебницы-то, съ круглой лупеткой, мухту чужую въ закладъ снесъ—гуляющія крали забыли, а третьеводнисъ тѣ-же шкурехи шелковые чулки оставили—татарину продалъ бѣсъ!

— Врешь ты все!—рѣзко говорила старухѣ Липа.

— А, молчи-ко, тарань, ты, рыба сушеная!

Липа вскакивала и кричала:

— Я тебѣ не ты!

Марья Васильевна знала, что Липа уйдетъ и не удерживала.

Утромъ вымытая, причесанная Замарочка садилась у окна и раньше, чѣмъ приняться за работу, подпирала руками подбородокъ, глядѣла въ окно и жадно слушала звуки улицы.

Мѣшали слушать, глядѣть на улицу, шаги прохожихъ, иногда проходившихъ мимо ея окна, было такъ много, что въ окнѣ сѣрѣлъ свѣтъ. Тогда она досадливо думала:

— Проходите, да не ходите больше!

Что-то тяжелое чаще и чаще стало нападать на Замарочку весной... Что-то внутри ея сгорало почти осязательно: сосало въ груди, по утрамъ и ночью хотѣлось кашлять звонко и долго, а кашля настоящаго не было и, дыша тяжело, она иногда лежала часами, открывъ глаза, какъ рыба на мели. Хотѣлось днемъ, когда свѣтло горѣли отъ солнца стѣны и окна противоположнаго дома, бросить работу, уйти куда-нибудь въ паркъ, лечь надъ водой, глядѣться и не видѣть себя въ водѣ, но видѣть лишь то, что задумаешь. Она часто съ тоской шептала:

— Какъ хорошо бы видѣть все, что задумаешь!

Весной много было неприятнаго, пыльнаго шума и стука. Гдѣ-то близко перебивали тяжелыми молотами желѣзо, оно длительно, до боли въ ухахъ звонко звенѣло—городъ починалъ местовыи, замѣняли старые, деревянные дома многоэтажными, каменными. Противъ дома, гдѣ жила Марья Васильевна, черезъ улицу выросали одинъ за другимъ за деревянными, временными заборами великаны изъ рыжаго кирпича. Улица была узкая. Совсѣмъ противъ—окно въ окно—остался одинъ двухъ-этажный, штукатуренный, деревянный домъ. Этотъ домъ, въ которомъ было двѣ лѣстницы, всегда привлекалъ и почему-то былъ ей пріятенъ. Она такъ привыкла его видѣть такимъ, какой онъ есть, что про себя условилась:

— Какъ только поставятъ заборъ ломать домъ, уѣду!

— Давно было... въ такомъ старомъ домѣ родилась я.

Вспомнивъ дѣтство, Марья Васильевна, лѣзла подъ кровать, вытаскивала маленькій сундукъ и открывъ, его, перебирала вещи родителей.

— Платокъ... маминъ... платокъ—родная!

Прижимала платокъ къ лицу, нюхала знакомый запахъ волосъ и еще чего-то и всегда представляла комнату, гдѣ они жили: сѣрая, низкая, со сводами въ углахъ, мокрое окно съ пятнами облупившейся краски на подоконникѣ. Съ кривыми пожарами, уродливая, но чистая кровать, столъ, какъ теперь у ней передъ окномъ, образъ на стѣнѣ... Когда вспоминала Марья Васильевна, отца, то помнила только пьянаго: трезвый онъ забыть ея.

Лицо матери она помнитъ отдѣльно, по портрету. Къ той фигурѣ лицо портрета она не можетъ приложить. Эту фигуру, сутулую и тощую, пьяный отецъ всегда водилъ по комнатѣ за волосы, лицо ея было закрыто растрепанными волосами. Вспоминающая мать, Замарочка крѣпилась, чтобы не заплакать.

— Ахъ, мама, мама!

Ярче всего вспоминается ей лѣтний, пыльный день. Пьяный отецъ гоняется за матерью по комнатѣ, она кричитъ, машетъ руками, суется родителямъ подъ ноги... До прихода отца маленькая Замарочка играла въ куклы, разложила на полу игрушки и забыла ихъ, когда началось. Иногда бросалась, хватала игрушки, но не тѣ, и вновь кидалась родителямъ подъ ноги. Ея любимая кукла лежала, раскинувъ ручки. Отецъ, проходя, наступилъ на голову куклѣ. Захрустѣло.

— Папочка! папка—страшно... — Сказать надо было, что больно, Замарочка не нашла слова. Марья Васильевна кажется, что до сихъ поръ она помнитъ, какъ въ головѣ у ней что-то колынуло, какъ бросилась она цѣловать раздавленное личико куклы. Помнить, какъ она закутала игрушку въ свое платье и убѣжала. Что долго, до темноты, сидѣла на дворѣ у полѣнницы дровъ—тамъ нахло березой, а Замарочка горько плакала, и первый разъ ей пришло въ голову желаніе умереть. Перебирая вещи, Марья Васильевна старую фуражку отца держала въ рукахъ и крестила. Куклу съ раздавленнымъ лицомъ никогда не трогала—чего-то боялась...

Напротивъ въ домѣ одинъ подъѣздъ занимала вывѣсками по черному бѣлымъ „лечебница накожныхъ болѣзней“. У парадной на деревянномъ, немного косомъ крыльцѣ, къ десяти утра появлялся швейцаръ высокій, безусый парень. Онъ курилъ, поглядывалъ въ окно Замарочки; кланялся ей, снявъ фуражку съ желтымъ околышемъ. Марья Васильевна на его поклонъ не отвѣчала. Про него всегда рассказывала хозяйка, что швейцара каждый вечеръ навѣщаютъ „кralи“.

— Вышелъ опять... нахальный!

Изъ другого подъѣзда часовъ въ одиннадцать, рѣдко позже или раньше, выходилъ сѣдой, высокій, немного сгорбленный человекъ, всегда въ одномъ и томъ же сѣромъ пальто демисезонъ, въ измятомъ цилиндрѣ, порыжѣвшемъ и дырявомъ. Туда и оттуда черезъ день-два проходила горбатая дѣвушка съ нѣжнымъ дѣтскимъ лицомъ и длинными руками. Тамъ же проживалъ во второмъ этажѣ, въ комнатѣ, рядомъ съ сѣдымъ господиномъ въ цилиндрѣ, русый, краснощекий парень. Его Замарочка прозвала „вѣчнымъ шаферомъ“. Этотъ выходилъ то рано, то поздно; приходилъ домой тоже не одинаково. Остальные жильцы Замарочку не интересовали. Отъ квартирной хозяйки она про многихъ изъ нихъ знала, но кто была горбатая дѣвушка не знала ни хозяйка, ни Марья Васильевна.

— Кто это горбатая? она не живетъ, а только ходитъ въ домъ...—думала иногда Замарочка.

Старуха прачка про господина въ цилиндрѣ говорила насмѣшливо:

— Пуцай-ко нашихъ знаетъ! хи, хи... этотъ, барышня, богатъ былъ... прожилъ капиталъ съ нашимъ братомъ, теперь самъ ходитъ по богатымъ, беретъ ради Христа... что дадутъ. Княземъ прозываютъ. Эхъ, люблю за то нашу сестру бабочку, умѣетъ мужцинку по міру пустить!

Часто по утрамъ, какъ разъ противъ окна Марьи Васильевны, вертѣлся „вѣчный шаферъ“. Поставивъ на подоконникъ правую ногу русый парень одной рукой на колѣнѣ держалъ небольшое зеркало, другой причесывалъ свѣтлые, слегка вьющіеся волосы или завязывалъ галстухъ. Прихорашивался онъ медленно, но непремѣнно правой рукой, а потому эта его рука казалась ей длиннѣе лѣвой. Онъ всегда напѣвалъ, говорилъ что-то или съ досадой махалъ зеркаломъ въ сторону другого окна, въ которомъ не разъ Марья Васильевна видѣла сѣрое лицо князя съ сѣ-

дыми, длинными волосами. Оба эти окна, какъ въ барскихъ домахъ, были въ одно стекло; только окно молодого было промыто и ясно, а у князя стекло въ окнѣ почти не блестѣло, мутное, тусклое. Марья Васильевна казалось, что оба эти, князь и русый парень, жили въ одной комнатѣ.

Завязавъ галстухъ, пригладивъ старательно волосы русый фронтъ прикрѣплялъ къ лацкану пиджака цвѣтокъ или вставлялъ въ переднй карманъ какой-либо цвѣтной лоскутъ.

— Вотъ и шаферъ! вѣчный шаферъ... милый...—думала Замарочка. Иногда сзади „вѣчнаго шафера“ появлялась женщина. Марья Васильевна, не вглядываясь знала, что женщина непременно другая, не та, которую въ томъ же окнѣ она видѣла въ прошлый разъ.—Дряни... несчастныя!—и Замарочка отводила глаза на работу. Прачка каждый почти день рассказывала про „вѣчнаго шафера“ новое.

— Вчера гляжу, а этотъ вашъ „шаферъ“ у Аннеты въ магазинѣ молоденькой бабочкѣ шляпку покупаетъ... бабсчка вертится у зеркала и такъ и сякъ, губу закусилa, шляпку прищипливаетъ, а онъ, что твой пѣтухъ, знай, чертитъ штиблетомъ по полу да кругомъ бѣгаетъ—пѣтухъ! Деньги водятся, а беретъ гдѣ? Кажись, мастеровой, ни што заработаетъ! Вотъ этотъ, барышня, поди, нашего брата обираетъ—естъ, естъ дуры! иная всю жисть утыпаетъ на милаго...

— Ахъ, Петровна! тебѣ-то что?

— Какъ что. милая? вѣдь п я была бабочкой—теперь стара, мухи засидѣли, а въ молодости и—и, тоже что было! Вонъ Тимофеевна приходитъ, съ ней вмѣстяхъ канителили... пьяпенькия иной разъ вспоманемъ да попрекнемъ одна другую старыми грѣхами. Да, какъ што, барышня? Занятно, когда ихній братъ за нашими хвостами скется...

— Ахъ, нашъ-то братъ лучше? сама-же говоришь! одна даетъ деньги, а онъ эти деньги на другую тратить.

— Вѣрно! да вѣдь деньги-то хи, хи... мимо насъ не проскочать... я думаю, и горбатая къ нему же ходитъ, больше не къ кому.

— Да, полно ты, Петровна! неужели?..

— У меня глазъ на эти дѣла! вотъ вы, хорошенькая барышня, базенькая, только время то погонялкой гонить лишнюю морщину на лицо, въ волоса сѣдой клокъ... погляжу на васъ и вижу, безпокойтесь вы; какъ-то и думаю—пришло время, сми-

репницѣ моей завести экого бѣлокураго, аль по шерети черненькаго... ужъ что не говори, а безъ мужщинки жисть не солена—прѣсна одинокая жисть—все молочкомъ пахнетъ.

— Ты слышала, Петровна, какъ Липа бранится?—„Грязные, мужики“,—я ей вѣрю.

— Ужъ ваша Липа! самой не удалось, другимъ мѣшаетъ. А вы не бойтесь—пока мяско молодое на костяхъ плотно держится, гуляйте съ Богомъ... не поздно... у Липы теперь что осталось? Кости въ мѣшкѣ, какъ у меня старой,—поди, гляди, платье модное носить, тѣсное, мѣшокъ шелковый. Ужъ лучше бы надѣвала размахай широкий! Тоже перчатки на лапы нялить, а у самой ручищи, какъ у дровеника; и чего она къ намъ привязалась? Богачка, чужой человекъ. Вотъ мнѣ съ тобой, какъ съ родной. Она вонъ, небойсь, въ гости лѣзеть, а работу—платья да кофты—не тебѣ, французинкамъ отдаетъ... Бѣлокураго противъ насъ „шафера“ Мазикомъ прозываютъ.

— Будетъ, Петровна! работать надо.

— Работай, базенькая, Христось съ тобой! Только все-то покашливаешь. Въ баньку-бы тебѣ ходить чаще да не купить-ли молочка?

— Не люблю молока!

Уходя старуха прибавила:

— Въ любви на оманѣ, барышня, все держится, такъ повелось отъ того, что на свѣтѣ фальшивыми да пьяными людьми кишмя-кишитъ, и не сердись—тебя оманули, а ты въ отместку сама оммани... поплачь, ежели горько станеть, и оммани.

Въ квартирѣ, гдѣ жилъ Мазикъ, только четыре комнаты и всѣ онѣ выходили окнами на улицу. Въ средней изъ нихъ жилъ онъ—„вѣчный шаферъ“, по опредѣленію Замарочки. Мазикъ служилъ старшимъ полотеромъ у одного изъ крупныхъ хозяевъ по этому дѣлу, но послѣднее время хозяинъ сталъ сердиться на Мазика и говорить:

— Пропалъ! отъ рукъ отбился парень...

Мазикъ часто кончалъ съ полудня...

— Надоѣло своимъ-же братомъ распорядиться—кричать, избедничать тоже... я высшими этакими, господскими дѣлами занять, почтениѣйшіе!—отвѣчалъ онъ, если спрашивали: „почему не работаетъ?“ Переборка комнаты Мазика съ одной стороны

далеко не доходила до потолка. За ней жилъ старый „князь тьмы“—такъ когда-то прозвалъ Мазикъ обѣднѣвшаго богача въ деми-сезонѣ. За то, что старикъ, часто въ темнотѣ съ кѣмъ-то спорилъ, но изъ его споровъ и бреда онъ ничего не понималъ, Мазикъ и рѣшилъ, что спорить старикъ и приказываетъ нечистой силѣ. Другая стѣна комнаты Мазика была хотя сплошная, но очень гулкая и подѣ прорванными кое-гдѣ обоями замѣчались щели. За ней жили угловые жильцы. Угловики часто мѣнялись, но Мазикъ и князь жили давно, оба пользовались у глухого квартирнаго хозяина почетомъ. Мазикъ и „князь тьмы“ вели себя тихо. Къ князю изрѣдка заходилъ лишь одинъ пріятель, будущій художникъ. Къ Мазику ходили только женщины. Съ женщинами, стѣсняясь сосѣда, Мазикъ говорилъ либо шепотомъ или въ полъ голоса. Иногда Мазикъ спрашивалъ:

— Сясяска! скоро-ли гости твои придуть?

— Ты, думаешь, Сухаревъ, что умнѣ станешь, когда увидишь лишняго человѣка?

— А ты, почтеннѣйшій, сидишь дома, да споришь съ нечистой силой!

— Кы-ы-хъ! кашлялъ „князь тьмы“:—по необходимости съ тобой говорю, математикъ, и всегда знаю, что послѣ того глушѣю...

— Почему это я математикъ?

— Ты Сухаревъ, рѣдкій день не помножаешь одну любовную исторію на пять другихъ. Обираешь бѣдныхъ, а богатыхъ женщинъ не видишь—оглянись, черезъ улицу въ подвалъ, къ портнихѣ, прѣзжаетъ на рысакахъ богатая.

— Къ черту ее, сясяска! видалъ—старовата...

Ученикъ рисовальной школы, который заходилъ къ „князю тьмы“ одѣтъ былъ плохо, но съ признаками профессиональнаго франтовства. Ходилъ въ манишкѣ съ широкимъ, мягкимъ воротничкомъ, въ черномъ, бархатномъ, испачканномъ красками пиджакѣ и мягкой шляпѣ. Глаза у художника, сѣровато-голубые, оживляли блеклое, сѣрое лицо, темные волосы его были спутаны и въ пуху отъ подушки. „Князя тьмы“ онъ называлъ „пасторомъ“. На прозвища „князь тьмы“ не обижался и не замѣчалъ, имени своего не говорилъ, а если допытывались, отвѣчалъ одно и то же:

— У мертвыхъ одно имя—общее...

Съ полъ дня Мазикъ шабашиль работать. Онъ вернулся домой приплясывая и что-то напѣвая—на улицѣ ему подмигивали женщины да и самъ онъ присталь къ двумъ; обѣихъ проводиль и познакомиль. Снявъ старое пальто, внимательно оглядѣль его и проворчалъ:

— Все платье валять въ кучу, не поглядишь пойдешь, а скотина по воротнику ползеть. Кстати не забыть...

Онъ повѣсилъ пальто и, уперевъ одну руку въ бедро, прошелся легко по комнатѣ, какъ балерина вскидывая вывернутыми наружу ступнями ногъ. Вся его фигура, молодая и гибкая, такъ и стремилась къ плясѣ. Легко скользя по крашенному охрой, полу подошелъ, отодвинуль кровать отъ стѣны.

— До стола много еще мѣста—лучше такъ... по стѣнѣ тоже клопы...

Не далеко отъ дверей стоялъ крашенный грубо комодъ. Мазикъ взялъ съ него зеркало, и глядясь, поправиль сбитую прическу. Въ волосахъ уже бѣлѣла лысына. Онъ закинулъ на лысину прядь волосъ и подумалъ:

— Конечно, Никаша, волосъ еще охапка—ничего!

Прислушался, по собачьи пригнувъ голову, къ шагамъ и голосу князя: слышно было, что князь посмѣивался; онъ чаще кашлялъ. Мазикъ догадался, что князь не одинъ.

— Баба придетъ, а тутъ чужой. Э, чортъ съ ними! Ежели художникъ, то скоро разойдутся—поспорять. А что онъ мелеть, кашлюнь?

— Кы-ы-хъ! покашливая, смѣялся „князь тьмы“.

— Кѣмъ-бы вы хотѣли быть, Филиппъ Петровичъ: множителемъ живыхъ существъ или художникомъ?

— Хочу, пасторъ, жить, творить, ни въ чемъ себѣ не отказывая!.. хочу отъ жизни взять все.

Въ этомъ голосѣ Мазикъ узналъ художника.

— По моему, надо подождать очень увлекаться: въ человѣкѣ постоянно борется животное съ духовнымъ... надо опасаться, чтобы животное не побѣдило и не увлекло—особенно въ раннемъ возрастѣ... надо умѣть развивать какое-то чутье въ сторону духовнаго. Наука не можетъ слѣдить за этимъ, слѣдятъ часто родные, но они бессильны уберечь—у нихъ свои думы и пожеланія; а если побѣдитъ животная сторона—всему конецъ!.. Семья же требуетъ всѣхъ силъ, будить въ человѣкѣ растительную жизнь, враждебную искусству... кы-ы-ы! не вѣрите?

— Не вѣрю! не первый разъ слышу васъ и все то-же.

— Не забудьте того, что женщина умѣло и правильно мститъ мужчинѣ, вы ее не купите ласками. А мститъ за то, что мужчине ее до сихъ поръ держитъ по „Домострою“...

— Съ меня, кромѣ любви, нечего взять, пасторъ!

— Филиппъ Петровичъ! съ васъ женцинѣ кое что можно взять—отнять хотя-бы беззаботную ясность души, замѣнить ее заботами о женскихъ шляпкахъ и дѣтскихъ чулкахъ, кы-ы-хъ!

— Вы не хотите признать, что любовь къ женцинѣ питаетъ искусство, иногда только она вдохновляетъ—Рафаэль и еще...

— Я знаю только одно, Филиппъ Петровичъ! что любовь, какъ алкоголь, возбуждаетъ и ослабляетъ въ одно и то же время... Рафаэль? да гениальный, но не въ моемъ признаннн. Я люблю мрачныхъ: Рембрандтъ, Сальваторъ-Роза.

Шаги художника раздались по комнатѣ, и онъ вскричалъ:

— Ахъ, полюбить! къ чорту этотъ вымыселъ, пустое одиночество—одно сумасшествн!

Голосъ „князя тьмы“ измѣнился и какъ-то сталъ хрипло пищать:

— Да, да—васъ зоветъ природа! то, что сказали вы, слышалъ мнръ тогда, когда появился въ немъ первый человекъ... теперь мы все фальшивы... мы уходимъ все дальше отъ законовъ природы, а она неизмѣнно манитъ къ прежнему: „полюби, дай себѣ подобныхъ“. Но зло въ томъ, что мы стали иные, чѣмъ первобытные люди, нашъ разумъ заставляетъ все понять видимое и невидимое, мы хотимъ заглянуть за границы мнра, хотимъ создать красоту свыше Божеской... усилия мозга раньше времени ослабляютъ тѣло, и нѣтъ выхода—нѣтъ! надо выбирать намъ... кы-ы-ы...

— Я съ вами согласенъ, почтеннѣйшн художникъ!—вскричалъ за своей переборкой Мазикъ.—Оч-чень хорошо говорите, я всегда влюбленъ безъ памяти!

— Ты, математикъ, не горишь, тлѣешь, а сгоришь не жаль—не кричи! лучше иди сюда.

— Не пойду, сясяска, я бабу жду-у!

— Отъ твоей лавки любовной мы недалеко... Позвонять и уйдешь..

Мазикъ вошелъ въ комнату „князя тьмы“, сырую и мрачную, всю увѣшанную по стѣнамъ листами пожелтѣвшей исписанной бумаги. Замѣтивъ на стѣнахъ свѣжіе листы, Мазикъ сказалъ:

— Прибавилось, почтеннѣйшій. А какъ не пиши, ваяса, твоимъ сочиненіямъ противъ моихъ не бывать.

— Vraiment?—улыбнулся князь.

— Не лай! всегда прошу... теперь я написалъ драму, монологъ тамъ—эхъ, ты ну! Знакомыхъ подберу, сыграемъ... Живописецъ есть, актеръ, съ нимъ уговорился, зайдти-тъ просить, сочинитель самъ, а вотъ хвалить, зоветь...

Мазикъ подошелъ, пожалъ художнику руку.

— Наше нижайшее! вотъ кто декорация напишетъ, правда? Красокъ купимъ, бумага есть, а декорации простыя.

— Напишу!—сказалъ юноша, тряхнувъ волосами.—Люблю того, кто старается, работаетъ... я самъ затѣялъ, да писать не привыкъ, а какъ легко казалось—пиши! иллюстраціи готовы, текстъ завязъ, не надоѣло еще...

— Кы-ы-хъ! вы сдѣлаете, Филиппъ Петровичъ! Когда я видѣлъ ваши рисунки къ „Принцессѣ“, они не были готовы, но и такъ были хороши—свѣтотыя пятна, прелесть. Если текстъ не выйдетъ, надо сдѣлать... даже я сдѣлаю... помогу, а Сухаревъ—онъ не настоящій.

— Я не настоящій? Врешь, сясяска! завсегда, чортъ, меня ругаетъ, а хоть палкой гони, не уѣзжаетъ въ другое мѣсто.

Художникъ засмѣялся:

— Правда-ли, пасторъ?

— Правда, Филиппъ Петровичъ! Очень ужъ въ его нелѣпой жизни много такого, что меня интересуетъ—онъ и спать не даетъ и нервы портить, глупѣю я, живя съ нимъ рядомъ, но то, что у него происходитъ съ женщинами меня очень занимаетъ, даже волнуетъ... Умеръ я,— правда! Но я просыпаюсь! меня кое-что волнуетъ, увѣряю васъ... меня интересуетъ и радуется чужой талантъ и еще, можетъ быть, патологическое нѣчто: хочу познать непознаваемое, а именно—въ чемъ, больше всего, заключено человѣческое страданіе? Я вижу въ васъ талантливаго и люблю васъ! Даже не васъ, какъ единицу, а то Божественное, которое исходитъ отъ васъ на полотно... мнѣ это нужно.

— Ну, его къ чорту!—сказалъ Мазикъ и, пожавъ руку художнику, ушелъ къ себѣ.

— Я тоже пойду, пасторъ!

— Погодите! вы садьте, нѣтъ, не туда—стулья хромые, можно на кровать или на столъ.

— Эхъ, пасторъ! Окончу поэму, все будетъ у меня—полюблю, весело заживу—къ чорту голодъ!

— Не скоро это будетъ, Филиппъ Петровичъ! и, можетъ быть, къ лучшему: въ подвалахъ, на чердакъ, въ нищетѣ искусство чаще уживается, чѣмъ въ богатой жизни.

— Эхъ, ну васъ!

— Кы-ы-хъ! Какъ ваши родители?

— Я не знаю какъ! меня, пасторъ отецъ, почти выгналъ изъ дому... мать, сестренки, тѣ любятъ, приглашаютъ, а отецъ всегда оретъ: „ты куда, мазилка, пришла? не хотѣлъ конторщикомъ быть, ходи голодомъ!“ Ха, ха! Я бывало, ему на выпискѣ изъ домовой книги закачу либо пейзажъ, а нѣтъ и собачью морду... ну, прощайте.

— Заходите, маэстро! а то лучше я самъ зайду, погляжу, что подѣлываете...

Художникъ, нахлобучивъ шляпу на глаза, шагнулъ къ двери и вернулся. Приблизивъ лицо къ лицу „князя тьмы“, онъ сказалъ чуть слышно:

— А все таки истинная любовь гениальна,—горитъ, свѣтится, радуется и сжигаетъ. Хочу ее!

— Кы-ы-хъ! можетъ быть, любовь, но о любви нѣкоторыхъ гениальныхъ людей я знаю—мрачныя истории...

Художникъ ушелъ, а „князь тьмы“, приблизивъ очень близко къ столу лицо, писалъ на клочкѣ бумаги. Написавъ, скомкалъ, бросилъ и взялъ листъ:

„Безграничная возможность пользоваться физическими удовольствиями ведетъ къ притувлению душевныхъ эмоцiоновъ, къ ослабленiю задерживающихъ дурныя поступки центровъ сознательнаго я“,—писалъ онъ.

„Безграничная возможность уйти въ достиженiе законовъ техники наукъ и искусствъ ведутъ къ раннему притувлению пронозисоновъ тѣла человѣческаго, но пусть лучший изъ мудрецовъ укажетъ границы и путь смертной души человѣческой. какъ лучше грѣшить, безъ книги или съ книгой въ рукѣ? Не грѣшить человѣкъ не можетъ“.

„Князь тьмы“ подошелъ къ стѣлѣ съ грязными обоями, повѣсилъ бумагу на гвоздь, но снялъ и вновь сталъ писать:

„Извѣстно многимъ, что плавиковый инатъ вмѣстѣ съ сѣрной кислотой вызываютъ изъ небытiя, аки дымъ фдкiи—фтористоводородную. Сей кислотой при желанii можно дѣлать узоры на

стеклахъ и спорить въ выдумкахъ ихъ съ морозомъ. Это нами эмпирически закрѣплено, ибо оно наглядно и материально. Къ эмпирикѣ человѣческой души наука идетъ давно. Путемъ разъединенія сознательнаго и подсознательнаго, въ душѣ человѣка слитаго воедино,—истолкованія сновидѣнн научнымъ путемъ. Известно также слѣдующее. Препаратъ щитовидной железы, вспрыснутой юной особи съ предположеніемъ къ сумасшествію, долженъ быть въ своемъ дѣйствіи строго контролируемъ врачомъ, ибо безъ онаго работа будетъ во вредъ больному. Абсолютная или токсическая амнези должны быть прослѣжены не только умнымъ, но еще и талантливымъ психиатромъ... Изъ всего выше-сказаннаго вывожу заключеніе: чтобъ быть здоровымъ, человѣчество должно воспитать и содержать талантливую массу ученыхъ опекуновъ, должныхъ опекать почти каждую человѣческую единицу, а талантовъ мало. Хромой Гефестъ куетъ міру сѣть, и міръ въ нее годъ отъ году все больше запутывается, жизнь становится петлей, она все туже на шеѣ человѣка—ученые не имѣютъ силы отнестись къ наукѣ честно, они живутъ не на лунѣ, а ѣдятъ тотъ же хлѣбъ. Самозабвенныя единицы изъ нихъ считать нельзя.. Изъ сего заключаю: отъ эмпирики человѣческой души мы еще далеко, отъ познаванія дѣлать души на цѣнныя и не цѣнныя—далеко очень! По сему и не укажемъ: кѣмъ долженъ быть отдѣльный человѣкъ—художникомъ, ученымъ или трутнемъ, пригоднымъ для обновленія ослабѣвшаго роя, а въ этомъ дѣленіи не малая выгода человѣчеству. Мнѣ люди не вѣрятъ, но по моему душа міра въ рукахъ женщины—въ ея душѣ, хорошей или дурной, душа всѣхъ“...

Мазикъ въ своей комнатѣ стоялъ, глядѣлъ въ окно. Черезъ улицу, въ подвалѣ, за рабочимъ столомъ лежала подбородкомъ на блѣдныхъ рукахъ женская голова. Темные глаза глядѣли на него любопытно.

— Захочу, и будешь моя—чертовка!—Мазикъ поманилъ рукой Марью Васильевну. Она встала и, чтобъ лучше разглядѣть его, какъ всегда дѣлала, открыла форточку, но онъ думалъ другое и глядѣлъ выше ея окна.—Хватитъ съ меня на хозяина работать, въ чужіе шкапы да рояли носомъ тыкаться, плясать на щеткѣ верхомъ... Али я у людей не человѣкъ?—щенокъ борзой, чтобъ меня на съѣденіе бабамъ да старымъ дуракамъ оставить! Нѣтъ,

Никаша Сухаревъ, пришло время старую работу по боку, да на новой себя вознести—пущай видять! Бывало, дочери хозяйскія наядбедничаютъ, хозяйка за волосья. Можетъ она, кикимора, мнѣ лысину надрала? Хозяинъ стоитъ покуриваетъ, да приговариваетъ: „волочи хорошенько!“ ни отъ кого столько, сколько отъ бабъ,—малымъ былъ,—бѣды принялъ: баба дойдетъ, хоть тараканомъ обернись да въ щель залѣзь, она тебя оттудова огнемъ выжгетъ! себѣ волосья, рожу опалить, а выжгетъ... ничего, теперь поиграю, почувствуютъ...

Мазикъ отошелъ, сѣлъ прислонясь спиной къ стѣнѣ, но вскочилъ и вынулъ изъ пальто булку, сталъ жевать. Онъ ѣлъ осторожно, хотя ѣсть ему хотѣлось. Всегда во время ѣды садился къ стѣнѣ и подслушивалъ за углами, иногда ввязывался въ разговоръ. Его крѣпко ругали, но Мазикъ каждый разъ дѣлалъ тоже.—„Надо подглядывать за людьми, подслушивать, а то и сочинять не о чемъ... время упускать нельзя, надо толкомъ!“ Булка трещала на зубахъ.—Горѣлую, проклятая нѣмка, продала... Онъ пересталъ по многу забирать булку въ ротъ.—Экъ, вретъ нескладно!—За стѣной кто-то пьяный что-то безсвязно говорилъ и повторялъ снова.—Дуракъ, лошадь!—крикнулъ Мазикъ, стукнувъ въ стѣну кулакомъ. Ему не отвѣтили. Вдругъ Мазикъ спохватился и тревожно подумалъ.

— Не обманула-бы? денегъ нѣтъ... заработанныя прожилъ... не обманетъ! въ могилу урода пошлю—пойдетъ... поплачетъ, а поидетъ...

На стрѣлкахъ будильника стояло четыре часа, темнѣло у порога и въ углахъ комнаты. Онъ рѣшилъ зажечь лампу. Ваглянулъ, не подходя къ окну, и отложилъ спички. Въ окнѣ черезъ улицу Мазикъ увидалъ молодую женщину съ голой грудью въ красной распахнутой кофтѣ. Женщина мѣрно качала головой, иногда что-то кусала. Онъ не сразу понялъ, что она шила. Мазикъ любилъ подглядывать разныя сцены, больше всего драки и меньше всего поцѣлуй.

— Экъ, ихъ, сколько портнихъ! Дура-а...

Онъ снялъ колпакъ съ лампы, зажегъ ее, придвинулъ плотно къ стѣнѣ столъ, чтобъ не дребезжало о колпакъ стекло. Расправилъ темную, вязаную салфетку, подарокъ женщины, и подумалъ: „гдѣ—эта?“. Заслышавъ въ корридорѣ почти бѣгушіе шаги, Мазикъ быстро легъ на кровать лицомъ къ стѣнѣ. Дверь въ комнату царпнули вскользь, и безшумно, быстро открыли. Онъ слы-

спаль, какъ вошедшая отшпилила шляпу, что-то сунула въ бумагѣ на столъ, слегка зацѣпивъ лампу. Почувствовалъ запахъ помады... Вслѣдъ за легкимъ поскрипыванемъ корсета теплыя губы коснулись его лица. Губы жадно шарили по его щекамъ.

— Какая... горбунья... чортъ!—мелькнуло въ головѣ. Сбросивъ ноги съ кровати, онъ сѣлъ и строго векинулъ глаза на ея фигуру. Она стояла, не смѣя прикоснуться къ нему, опутивъ дѣтскую голову, свѣсивъ тонкія, длинныя руки. На ней былъ голубой лифъ, отъ вечерняго свѣта лифъ зеленѣлъ и зеленѣла матовая кожа на блѣдномъ лицѣ. Темная юбка, подъ ней лакированные носки модныхъ туфель глядѣли концами внутрь.

Мазикъ размашисто, какъ пѣтушиное крыло, закинулъ на лысину прядь густыхъ волосъ и жестко спросилъ:

— Ну, какъ?

Она еще ниже опустила голову, у ней задрожали руки и неуклюже-торопливо оцупывая, какъ слѣпой, бокъ кровати сѣла съ нимъ рядомъ.

— Ну-у?

— У хозяйки гости... именины... комодъ запертъ...—прошептала она. Онъ откачнулся головой къ стѣнѣ, и поднявъ ногу, пнулъ ее въ спину въ шелковій лифъ пониже горба. Она вскочила, отбѣжала, ткнулась въ кромку стола, уронила банку съ вареньемъ только что принесенную... Отъ толчка въ столъ ярче вспыхнула лампа и задрезжала. Горбатая дѣвушка схватилась за грудь.

— Не ходи ко мнѣ...—зашипѣлъ онъ полусшепотомъ, мелькомъ оглянувшись на переборку въ сторону князя,—ты знаешь, кто я? Думаешь—простая дрянъ, какой много? Захочу, меня озолотитъ любая женщина... въ каретахъ возить будутъ! А ты уродъ—и ничего не понимаешь!

Мазикъ чувствовалъ, что не выходитъ того, что хотѣлъ сказать. Въ головѣ сидѣло:

— „Пицій, халатникъ, слушаетъ...“—и косился на переборку. Всхлипывая, голубымъ комкомъ она осѣла къ полу.

— Чего хнычешь? Уродъ! Пошла... ну... Врешь, тебѣ боязно для меня у богатой хозяйки, которая сидитъ на твоей шеѣ, денегъ взять.

— У-у-украсть!—сквозь всхлипыванія услышалъ Мазикъ. Онъ вскочилъ, почти забѣгалъ по комнатѣ, умышленно громко стуча каблуками, и, проходя мимо ея, нагнулся, торопливо спрашивалъ:

— Боязно? Ну, хоть украсть! Еще смѣешь говорить, что любишь меня. Смотри! Аль забыла, какой я теленокъ?—Онъ растегнулъ широкии воротъ сатиновой рубахи и обнажилъ грудь.

— Лю-ублю! божусь, клянусь Никаша-а...—все еще всхлипывала она.

— Не вѣкъ мнѣ хозяину кланяться да барскимъ добромъ себя дражнить, а тебѣ? Али не охота, чтобъ на меня люди зарились въ новомъ пальто? Пальто заложено, выкупать время. Это еще что?—Мазикъ остановился у стола.

— Варенье... извини бруснич...

— Не ѣмъ брусничнаго—къ чорту!—онъ швырнулъ подъ порогъ банку вмѣстѣ съ бумагой.—Иди и берегись! безъ денегъ не ходи, да скорѣ неси, не то заведу другую—та привесетъ.

Онъ неожиданно, безрадостно улыбулся, раскрывъ зубастый ротъ, обнялъ ее, погладилъ по головѣ и, помогая встать, толкалъ къ двери. Снялъ ея накидку, заботливо тряхнулъ и ласково заговорилъ:—Пойми, милѣйшая, буду еще красивѣе. Новое пальто, перчатки куплю... шляпу... потомъ не попрошу долго, ей Богу!

Торопливо прищипывая шляпу на густые волосы и задѣвая длинными руками то за дверь, то за стѣну, она искала зонтикъ. Неожиданно быстро подпрыгнувъ, повисла у него на шеѣ.

— Зачѣмъ ты-и?—Онъ отдернулъ голову, но горбатая усѣбла наскоро клюкнуть его въ губы и поцѣловала въ ухо.

— Принесу... не надо уродомъ! милый, не надо!—И выбѣжала изъ комнаты. Мазикъ, не отходя отъ двери, нагнулся, поднялъ разбитую банку съ вареньемъ, поставилъ на столъ на блюдце, полизалъ пальцы сладкіе и липкіе. Взялъ изъ угла съ пыльной этажерки, на которой лежалъ „Письмовникъ“, гребенку и зеркало. Зеркало поднесъ къ лампѣ, выпятилъ языкомъ одну щеку когтищами...

— Уродъ! да, оцарапано, ничего... — Онъ причесался одной рукой и, сунувъ зеркало обратно, застегнулъ распахнутый воротъ рубахи. У этажерки, ближе къ окну, стоялъ шаткій столъ, покрытый зеленой бумагой. Съ него Мазикъ взялъ тетрадь въ голубой обложкѣ и, стоя, вслухъ прочелъ:

„Дома великаны сердито молчатъ, поглядывая въ даль улицы слѣпными очами окнами и, погрузившись въ тревожную дремоту, хранятъ угрюмое молчаніе“.

— Можетъ быть спать нищій?..—подумалъ онъ.

— Кы-ы-хъ!—послышалось за переборкой.

— „Князь тьмы“, ты слышишь?

— Кое чего не хотѣлъ бы, но все слышу.

— Чортъ съ тобой—слушай!.. „Все окрестъ безцвѣтно, сѣро, невылазной тоской вѣетъ отъ этой городской картинки“...

— Comment?

— Говорю тебѣ: не лай по собачьи! Слушай дальше: „но вотъ вдругъ разверзлись хляби небесъ и лучъ солнца, прыгая, крутясь и играя, брызнулъ изъ темноты ночной“.

— Кы-ы-хъ! должно быть, что не въ этомъ твое призваніе...

— Задавись! „И все окрестъ, какъ по мановенію перста какого-либо угодника Божья, засуетилось и проснулось: снѣгъ, какъ алмазныя розсыпи занескрился золотомъ и покраснѣли, золотясь, сѣрые дома, весело защебетали птички-пѣвуньи на зеленыхъ съ сочной листвою кудреватыхъ деревьяхъ“.

— Какъ?

Мазикъ не слушая продолжалъ съ паѳосомъ:

„Прочь свалилась съ мрачной моей душеньки тяжелая дума, и теперь мой глубокій глазъ радуется ясное солнышко“.

„Вѣдь все описанное—это ты, моя дорогая Оличка! Когда сидишь у окна, грустна, печальна, страшно задумчива, тогда опущены, какъ бахрома, рѣсницы твои на блѣдно-матовыя твои ланиты... О, ланиты твои, какъ зорька румяны они—я цѣлую твои щечки, губки въявь и со сна, и въ могилѣ хладной буду цѣловать, а кто кого переживетъ одному Богу извѣстно! Вотъ твои глазки-изумруды не горять, вотъ ужъ подернулись они дымкой, какъ дождливое небо. Это, вѣрь мнѣ дорогая, за Божественный нектаръ поцѣлуя помутились твои очи ясные. Но вдругъ миновала туча—невзгода, мы встрѣтились на набережной, и ты запрыгала, какъ лучъ солнца по стѣнѣ, о которой я уже писалъ раньше“...

„Да, Оля милая! Лучъ солнца—улыбка твоя. Повѣрь! и улыбка твоя только для меня—ей Богу! Твой смѣхъ—это небесный громъ. Я весь, весь твой—съ Божественнымъ нектаромъ поцѣлуя“.

Дальше Мазикъ прочелъ про себя:

„Милая, милѣйшая! Нектаръ мой, Оличка! Для тебя просидѣлъ не спавши не одну ночь и сочинилъ это сочиненіе. Зато хорошо вышло. Всѣ кто понимаетъ ужасно хвалятъ, главное описательство природы. Сочинилъ еще стишокъ, но не предлагаю, боюсь, что почтальонъ затребуетъ съ тебя гривенникъ на

марку. Стишокъ приложу въ другомъ письмѣ! Цѣлую напрспалую—прощай, до свиданія...

Тысячу разъ ты моя Оля, Олячка!

N. Suxareff“.

Мазикъ, запечатывая письмо, думалъ:

— Шляпку купилъ чертовкѣ, а нейдетъ, только за носъ водить! Пишу, пишу, не отвѣчаетъ... должно быть, другой подвернулся. Есть нашего брата скорыхъ на это дѣло... видно, опоздалъ. Бросить ее надо?.. ну, послѣднее!

Князь за стѣной молчалъ. Мазикъ спросилъ:

— Видно, хорошо мое-то сочинение?

— Не такъ хорошо, какъ логично—снѣгъ и птицы на зеленыхъ деревьяхъ... кы-ы-хъ!

— Чортъ съ тобой! фышкаешь, кышкаешь, а тебѣ не написать такъ...

Князь молчалъ. Мазикъ отложилъ тетрадь, но подумалъ—надо новую... облѣзъ коленкоръ! Съ той же этажерки взялъ другую тетрадь въ кожаномъ переплетѣ, смахнулъ пыль, раскрылъ и читалъ про себя. Таращилъ красивые глаза, надувалъ румяныя губы, присѣдалъ, жестикулируя свободной рукой. Захлопнулъ тетрадь, подумалъ:

— Пьесу назову „Блудный сынъ“, или, или?.. „Князю тьмы“ читать не буду—не понимаетъ...

И повелъ глазами по этажеркѣ.

— Надо къ ночи чернилъ, кое что... черти! ходятъ... сколько разъ говорилъ глухому—повѣсь замокъ!

На этажеркѣ Мазика въ чернильницѣ не было пробки и изъ горлышка торчалъ окурокъ папиросы.

Въ полдень пришла къ Замарочкѣ Липа, она принесла что-то похожее на подушку, завернутую въ бумагу. Свертокъ бросила на постель Маріи Васильевны, но тутъ же столкнула на полъ.

— Здравствуй, Маруся! опять личико въ пятнахъ—дай напудрю.

Марья Васильевна поздоровалась молча. Липа, заложивъ руки за спину, подошла къ окну и поглядѣла вверхъ, выше домовъ.

— Какія сегодня облака! все но темному бѣллыя... ползуть, ползуть, какъ кружево тянутся—ты не была на улицѣ?

— Нѣтъ!

— Пойдешь, погляди—у-удивительныя облака!

— Ты обѣщала рассказать о своихъ поклонникахъ?.. разскажи, Липа.

— О томъ, чего теперь нѣтъ, скучно разсказывать. Вотъ—все тутъ!

Липа подошла къ узлу, сорвала бумагу и вынула небольшую подушку—видишь? на ней моська спала...

Замарочка отвернулась и нахмурилась.

— Мнѣ зачѣмъ собачья подушка?

Липа торопливо сняла съ большихъ рукъ замшевыя перчатки, схватила со стола ножницы и распоролла подушку. Изъ нея посыпались волосы—черные, бѣлокурые, темнорусые.

— Сувениры... все подарки на память отъ мужчинъ... моихъ поклонниковъ! Письма писали, давали отстричь волосъ.

— Ахъ, злая ты! волосами тѣхъ?.. я-бы не могла, вѣдь они любили?

— Не знаю... я не любила ихъ... одного, молоденькаго... немного... даже письма ему писала.

— Какъ—писала, ты? прочти, ну, Липа!

— Для тебя можно... помни, для тебя!—Липа порылась въ кожаной сумочкѣ, нашла письмо. Попробовала сѣсть верхомъ на стулъ, но мѣшало узкое платье, сѣла рядомъ съ Замарочкой на кровать и, поджимая крашенныя губы, прочла внятно:

„Дорогой Вася! сердечно благодарю Васъ, что исполнили мою просьбу и пришли въ садъ, а то я уже думала Вы разлюбили меня и теряла всякую надежду. Сегодня у насъ былъ экзаменъ по географіи, который я сдала на 4—, въ годовомъ столько-же. Вася! изъ сада мы ушли въ десятомъ часу вечера. Вскорѣ послѣ свиданія съ Вами къ намъ пришли: Александръ, мой дядя, и его невѣста коротенькая въ красномъ, носить зеленую шляпу, мы съ тетей ее прозвали морковью. Ея братъ семнадцатилѣтний столбъ, тонкій, худой, который—все время пристаётъ ко мнѣ, чтобъ узнать, кого я люблю? Потомъ всѣ хотѣли ѣхать на Стрѣлку да тетя отказалась. Когда ушли гости, я сидѣла на кухнѣ съ прислугой и распѣвала ея и мою любимую пѣсню: „Сегодняшний день скучный, мой милый не пришелъ, навѣрно, навѣрно другую онъ нашелъ!“

— Глупое письмо! И я тогда была глупая.. къ нему-же есть еще, но всего читать не буду... начинается такъ: „Дорогой! прости, что неразборчиво, но я плакала и руки дрожали“.

— Хорошо Липа! Я думала ты ледяшка...—Замарочка обняла Липу и подставила лицо.—Пудри..

Липа медлила. Отъ воспоминаній, къ которымъ ее невольно вернула подруга, у ней смѣшно дрожали пальцы рукъ и блѣдное лицо заалѣло. Прикусивъ нижнюю губу, она съ шумомъ швырнула сумку съ письмами на полъ въ кучу волосъ и бросилась къ Замарочкѣ, сжала ее руками, навалилась грудью и стала кусливо цѣловать. Замарочкѣ даже послышалось, что она скрипнула зубами.

Липа шептала:

— Очень мѣшала тетка... тетка мѣшала полюбить...

— Штой-то шерсть по полу раскидали! барышня, кипяточку?

Липа вскочила на ноги и крикнула:

— Чего ты лѣзешь, пьяница?!

— Все ты тутъ—мужикъ!—огрызнулась старуха. Липа сунула волосы въ подушку, застегнула сумку, завернула все въ бумагу и, поправивъ прическу, сказала:

— Приходи, Маруся, ко мнѣ! у меня мягкая мебель—да ты знаешь... будемъ пить кофе съ ликеромъ.

— Побудь со мной...—попросила Замарочка,—но пришла прачка съ кипяткомъ. Липа заторопилась надѣть шляпу. Уходя спросила:

— Придешь? Мы съ тетей живемъ тамъ-же!

— Работаю мало—заказчицы сердитыя... ну, ну, приду!

Вечеромъ Замарочкѣ надо было сходить взять заказъ, но, занятая уборкой вещей въ своей комнатѣ, она медлила. Марья Васильевна, бережно держа въ рукахъ, промыла стекло овальнаго портрета—большого фотографическаго снимка матери, порыжѣвшаго отъ времени и немного выцвѣтшаго. Поцѣловавъ, взглядылась Замарочка въ родное лицо. Строге, ввалившіеся глаза съ портрета глядѣли печально: морщины отъ носа и мимо угловъ губъ чуть-чуть закруглялись въ усмѣшку, полную чего-то грустнаго и затаеннаго.

— Господь съ тобой! Такие люди, какъ ты и я, имъ нѣтъ счастья... на свѣтѣ... а тамъ? Надо вѣрить, что тамъ оно есть.

Если же нѣтъ и тамъ? Какъ такъ можно!.. для чего тогда родиться на свѣтъ и... о Богѣ думать?..

Замарочка влѣзла на стулъ, бережно повѣсила портретъ. Протерла на точеныхъ столбикахъ круглое зеркало, потомъ стекло у образа, повѣшеннаго не въ углу, а на стѣнѣ. Заправила зеленую, стеклянную лампадку, затеплила и перекрестилась. Наскоро промыла сырой тряпкой слоновъ „счастья“, одного маленькаго, изящнаго, съ золотой полоской на шеѣ, Марья Васильевна вытирала очень бережно. Отставила въ сторону подальше, чтобъ не упалъ съ комода и взглядомъ сравнила съ другими.

— Бѣлѣтъ какъ, диво!.. гдѣ такого Липа нашла?—я хотѣла купить еще, и нѣтъ... чужое, какое-то слово „сувениръ“. Липа твердитъ: „береги сувениръ, береги твое и мое счастье... Сувениры терять нельзя“,—смѣшная Липа! ихъ и держать на виду не надо, лучше носить на шеѣ... Счастье? ну вѣрю, вѣрю, онъ мнѣ принесетъ счастье. Такая большая и иногда, какъ маленькая, готова въ куклы играть... Липа... опоздала, кажется? пора!

Марья Васильевна умылась, одѣлась наскоро и, выходя, оглянулась въ дверяхъ—будто къ свадьбѣ, все убрала, зачѣмъ?.. ничего... завтра праздникъ.

На улицѣ въ окнѣ часового магазина часы показывали гораздо меньше, чѣмъ ея стѣнные, безъ боя, старые,—рано еще, у Мироньча не закрыто... надо взять пуговицы.

Марья Васильевна завернула въ знакомую суровскую. На прилавкахъ стояли снятыя лампы привернутыя и тусклыя—собирались закрывать. Замарочка обратилась къ молодымъ подручнымъ, но тѣ молча сторонились ея, точно она могла обжечь ихъ. Изъ толпы краснощекихъ подростковъ вышелъ чуть горбясь, старшій приказчикъ и, протягивая ей руку, любезно оскалится. Онъ смѣшно поправлялъ на впалой груди растрепавшійся модный галстухъ.

— Мое почтенье, роскошь вы этакая!

— Вамъ закрывать надо?

— Э, чего закрывать! для васъ Марья Васильевна хоть всю ночь торговать готовы.

— Я скоро—мнѣ пуговицы!—сказала сухо Замарочка, нехотя притрогиваясь къ рукѣ приказчика, но онъ схватилъ насильно и жалъ ея руку жесткой, большой рукой, попутно заглядывая въ глаза, услужливо спрашивалъ:

— Вы сказали, перламутръ? не крупныхъ?

— Да...

— Васька! подать коробку № 5-й. Вотъ, роскошь, тонкія и прочныя, для красавицы съ уступкой.

Замарочка разбиралась въ коробкѣ, а приказчикъ тихо спросилъ:

— Какъ свадебка? роскошь вы моя, жду-съ... квартирка! Будете жить купчихой, послѣ свадьбы, закрути-малина, въ деревню съѣздимъ, кости распрямить... къ родителямъ моимъ богданнымъ... а?

— Не знаю, Мironычъ!

— Я зайду-съ, понимаю, не мѣсто здѣсь. — Онъ протянулъ жилистую руку, торчащую изъ манжеты, какъ большая кость. Отъ руки пахло табакомъ особенно тогда, когда приказчикъ неловко коснулся волосъ Марьи Васильевны. Она быстро мотнула головой.

— Эхъ, роскошь моя! огненная вы, сатинъ, сортъ первый.

Марья Васильевнѣ пуговицы завернули и, не подавая руки, она шмыгнула въ дверь. На улицѣ ее сталъ душить кашель.

— Смиримъ-съ, роскошь! дай себя въ законъ взять, смиримъ...—тихо пробормоталъ приказчикъ и, повисивъ голову, крикнулъ:

— Время закрывать, а вы ситецъ раскидали! Живо, не копаться, выносить ставни.

Проходя вглубь магазина, приказчикъ замѣтилъ присѣвшаго къ полу играть съ котомъ мальчишку, далъ ему подзатыльникъ и закурилъ трубку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Чатыгинъ.

П Р И Ш Е С Т В І Е.

Андрею Бѣлому.

1.

Господи, я вѣрую!..
Но введи въ свой рай
Дождевыми стрѣлами
Мой пронзенный край.

За горой нехоженой,
Въ синевѣ долинь,
Снова мнѣ, о Боже мой,
Предстаетъ твой сынъ.

По тебѣ молося я
Изъ мужичьихъ мѣстъ;
Изъ прозрѣвшей Русси
Онъ несетъ свой крестъ.

Но предъ тайной острова
Безначальныхъ словъ
Нѣтъ за нимъ Апостоловъ,
Нѣтъ учениковъ.

2.

О Русь, Приснодѣва
Поправшая смерть!
Изъ звѣзднаго чрева
Сошла ты на твердь.

На ясляхъ овечьихъ
Осынила доль,
За то, что въ предтечахъ
Былъ пахарь и волъ.

Возри же на нивы,
На сжатый овесъ,—
Подъ снѣжною ивой
Упалъ твой Христосъ

Опять Его вои
Стегаютъ плетью,
И бьютъ головою
О выступы тьмы...

3.

Но къ вихрю бездны
Онъ нѣмъ и глухъ.
Съ шеста созвѣздя
Поеть пѣтухъ.

О други, гдѣ вы?
Ужъ близокъ срокъ.
Темно ты, чрево,
И крестъ высокъ!

Вотъ горь воитель
Ощупалъ мглу.
Христа рачитель
Сидитъ въ углу.

— Я видѣлъ: съ нимъ онъ
Намъ сѣялъ мракъ!
— Нѣтъ, я не Симонъ...—
Простой рыбакъ!

Вдохнула плѣсень
И снѣгъ потухъ...
То третью пѣсню
Профѣль пѣтухъ.

4.

Ей Госноди,
Царю мой!
Дьяволы на рукахъ
Укачали землю.

Снова пришествію Его
Поднять крестъ.
Снова раздирается небо.

Тишина полей и разума
Точить копьѣ.
Лѣстница къ саду твоему
Безъ приступокъ.

Какъ взойду, какъ поднимусь по ней
Съ кровью на отцахъ и братьяхъ?

Тянетъ меня земля.
Оцѣпили пески.
На рѣкахъ твоихъ
Сохну.

5.

Симоне, Петро...
Гдѣ ты? Приди.
Вздогнули ветлы:
„Тамъ, впереди!“

Симоне, Петро...
Гдѣ ты? Зову!
Шепчется кто-то:
„Кричи въ синеву!“

Крикнулъ—и громко
Вздыбился мракъ.
Вышелъ съ котомкой
Рыжи рыбака.

„Другъ... Ты откуда?“
— Шель за тобой...
„Кто ты?“—Иуда!—
Шамкнулъ приборъ.

Рухнули гнѣзда
Облачныхъ ризъ.
Ласточки звѣзды
Канули внизъ.

6.

О Саваоое!
Покровомъ твоимъ рѣкъ и озеръ
Прикрой сына!

Подъ ивой бьютъ Его воя
И голгоеятъ снѣга твои.

О ланиту дождей
Преломи
Лезвие заката...

Трубами вьюгъ
Возвести языки...

Но не въ судъ или во осужденіе.

7.

Явись надъ Елеономъ
И правдѣ нашихъ мѣсть!
Горстями златыхъ затоновъ
Мы окропимъ твой крестъ.

Холмы поютъ о чудѣ,
Про рай звенить песокъ.
О вѣрю, вѣрю—будетъ
Телиться твой востокъ!

Въ моря овса и гречи
Онъ кинетъ намъ телка...
Но дологъ срокъ до встрѣчи,
А гибель такъ близка!

Уйми ты ржанье бури,
И топъ громовъ уйми!
Пролей ведро лазури
На ветхое деньми.

И дай дочерпать волю
Медвѣдицей и сномъ,
Чтобъ вытекшей душою
Удобрить черноземъ.

Сергѣй Есенинъ.

О К Т О И Х Ъ.

Гласомъ моимъ пожуру Тя, Господи.

О родина, счастливый
И неисходный часъ!
Нѣтъ, лучше, нѣтъ красивѣй
Твоихъ коровьихъ глазъ.

Тебѣ, твоимъ туманамъ
И овцамъ на поляхъ
Несу, какъ снопы овсяный,
Я солнце на рукахъ.

Святись преполовениемъ,
И Рождествомъ святись,
Чтобъ жаждущие бдѣнья
Извѣчемъ напились.

Плечми трясемъ мы небо,
Руками зыбимъ мракъ,
И въ тощи колосъ хлѣба
Вдыхаемъ звѣздный злакъ.

О Русь, о степь и вѣтры,
И ты, о отчій домъ!
На золотой повѣти
Гнѣздится вешній громъ.

Овсомъ мы кормимъ бурю,
Молитвой поимъ доль,
И пашню голубую
Намъ пашеть разумъ воля.

И ни единый камень,
Черезъ пращу и лукъ,
Не подобеть надъ нами
Подъятя Божьихъ рукъ.

2.

— О Дѣво, Марія!—
Поютъ небеса,—
На нивы златя
Пролей волоса.

Омой наши лица
Рукою земли.
Съ за-горъ вереницей
Плывутъ корабли.

Въ нихъ души усопшихъ
И память вѣковъ.
О горе, кто ропщетъ
Не снявши оковъ!

Кричащему въ мракъ,
И бьющему лбомъ,
Подъ тайные знаки
Мы вратъ не сомкнемъ.

Но сгибни, кто вышелъ
И узрѣлъ лишь мигъ!
Мы звѣздною крышей
Придавимъ слѣпыхъ.

3.

О Боже, Боже, Ты-ль
Качаешь землю въ снахъ?
Созвѣздя свѣтитъ пыль
На нашихъ волосахъ.

Шумить небесный кедръ
Черезъ туманъ и ровъ,
И на долину бѣдъ
Спадають шишки словъ.

Поютъ они о дняхъ
Иныхъ земель и водъ,
Гдѣ на тугихъ вѣтвяхъ
Кусаль ихъ звѣздный ротъ.

И шепчуть про кусты
Непроходимыхъ роцъ,
Гдѣ пляшетъ, снявъ порты,
Златоколѣнный дождь.

4.

Осанна въ Вышнихъ!
Холмы поютъ про рай.
И въ томъ раю я вижу
Тебя, мой отчий край.

Подъ Маврикійскимъ дубомъ
Сидитъ мой рыжий дѣдъ,
И свѣтитъ его шуба
Горохомъ частыхъ звѣздъ.

И та кошачья шапка,
Что въ праздникъ онъ носилъ,
Глядитъ, какъ мѣсяцъ, забко
На снѣгъ родныхъ могилъ.

Съ холмовъ кричу я дѣду:
— О отче, отзовись!..—
Но тихо дремлютъ кедры,
Обвѣсивъ сучья внизъ.

Не долетаетъ голосъ
Въ его далекій брегъ...
Но чу! Звенить, какъ колось,
Съ земли растущи сѣбъ.

„Возстань, прозри и вижди!
Неосказуемъ рокъ.
Кто все живить и зиждетъ—
Тотъ знаетъ часъ и срокъ.

Вострубятъ Божьи клики
Огнемъ и бурей трубъ,
И облакъ желтоклыки
Прокуситъ млечный пупъ.

И вывалится чрево
Испепелить бразды...
Но тотъ кто мыслилъ Дѣвой
Взойдетъ въ корабль звѣзды“.

Сергей Есенинъ.

ПРЕОБРАЖЕНІЕ.

Р. В. Иванову.

1.

Облаки лають,
Реветь златозубая высь...
Пою и зываю:
Господи, отелись!

Передъ воротами въ рай
Я стучусь:
Звѣздами спеленай
Телицу Русь.

За тучи тянется моя рука,
Бурею шумить пѣснь.
Небеснаго молока
Даждь мнѣ днесь.

Грозно гремитъ твой грмъ,
Чудится плескъ крыль.
Новый Содомъ
Сжигаетъ Егудиль.

Но твердо не глядя назадъ,
По нивѣ водъ,
Новый изъ красныхъ вратъ
Выходитъ Лоть.

2.

Не потому-ль въ березовыхъ
Кустахъ поетъ сверчекъ,
О томъ какъ ликомъ розовымъ
Окапалъ рожь востокъ;

О томъ какъ Богородица,
Накинувъ синій платъ,
У облачной околицы
Скликаеть въ рай телятъ.

Съ утра надъ осенницею
Я слышу зовъ трубы.
Теленькаетъ синицею
Онъ про глаголь судьбы.

„О, вѣруй, небо всгѣнится,
Какъ лай сверкнетъ волна.
Надъ рощею ощенится
Златымъ щенкомъ луна.

Иной травой и чащею
Отѣнить мръ вода.
Малиновкой журчащею
Слетить въ кусты звѣзда.

И выползеть изъ колоса
Какъ рой пшеничный злакъ,
Чтобы пчелинымъ голосомъ
Озлатонивить мракъ“...

3.

Ей, Россiяне!
Ловцы вселенной.
Неведомъ зари зачерпнувшiе небо—
Трубите въ трубы.

Подъ плугомъ бури
Реветь земля.
Рушить скалы златоклыкй
Омежь.

Новый сѣятель
Бредеть по полямъ,
Новыя зерна
Бросаетъ въ борозды.

Свѣтлый гость въ колымагѣ къ вамъ
Ѣдетъ.
По тучамъ бѣжитъ
Кобылица.

Шлея на кобылѣ—
Синь.
Бубенцы на шлеѣ—
Звѣзды.

4.

Стихи вѣтеръ,
Не лай водяное стекло,
Съ небесъ черезъ красныя сѣти
Дождитъ молоко.
Мудростью пухнетъ слово,
Вязью колося поля.
Надъ тучами, какъ корова,
Хвостъ задрала заря.

Вижу тебя изъ окошка,
Зиждитель щедрый,
Ризою надъ землею
Свѣсившій небеса.
Нынѣ солнце, какъ кошка,
Съ небесной вербы
Лапкою золотою
Трогаетъ мои волоса.

Зрѣеть часъ преображенья,
Онъ сойдетъ нашъ свѣтлый гость,
Изъ распятаго терпѣнья
Вынуть выржавленный гвоздь.

Отъ утра и отъ полудня,
Подъ поющихъ въ небѣ громъ,
Словно ведра наши будни
Онъ наполнить молокомъ.

И отъ вечера до ночи,
Незакатный слава край,
Будетъ звѣздами пророчить
Среброзрачный урожай.

А когда надъ Волгой мѣсяць
Склонитъ ликъ испить воды,—
Онъ, въ ладью златую свѣсясь,
Уплыветъ въ свои сады.

И изъ лона голубого,
Широко взмахнувъ весломъ,
Какъ яйцо намъ сброситъ слово
Съ проклевавшимся птенцомъ.

Сергѣй Есенинъ.

ПОГОЛОВЩИНА.

(Разказъ).

...И остался Иванъ Ивановичъ со старымъ дядькой Егорычемъ совсѣмъ одинъ въ своемъ Лѣсномъ Поселкѣ. Что же, ему хорошо: деревья, тѣснясь, подступаютъ къ дому, берегутъ покой. Одна молодая зеленая елочка какъ разбѣжится, да подь окошко; лѣтомъ любить Иванъ Ивановичъ сидя на подоконникѣ чай пить, такъ стучила: чуть вѣтеръ, елочка расшалится, натрясетъ ему въ чай свои иглы.

Другое дерево—береза; стоитъ дальше елочки, у нея бѣлый крѣпкій стволъ. Этихъ двухъ Иванъ Ивановичъ знаетъ въ лицо, съ другимъ лѣсомъ не путаетъ, и есть причины: кое на что деревца намекаютъ; елочка, еще не колючая, въ свѣжемъ зеленомъ нарядѣ—будто Сонечка, та первая любовь, ни себѣ ни ей не сказанная, а березка—ужъ разумѣется Марья Петровна—миловидная блондинка съ которой Иванъ Ивановичъ прожилъ столько лѣтъ, на день разстаться не могъ, и вотъ недавно, въ мигъ одинъ, въ самую малую часть времени—послалъ къ чорту.

Тодохнуть безъ Марьи Петровны не могъ, а подошла минута—все разбилъ, и склеивать нѣтъ охоты. Такъ вотъ и вышло: надоѣло Марьѣ Петровнѣ, что Иванъ Ивановичъ молчитъ да изъ угла въ уголъ какъ маятникъ, и сорвисъ у нее:—изъ-за чужого какого-то инцидента вы совершеннѣйшій истуканъ!

— Ин-ци-дентъ, а не инцидентъ,—не останавливаясь поправилъ Иванъ Ивановичъ, и тѣмъ же голосомъ:—пора разставаться намъ Марья Петровна, уѣзжайте-ка...

Плакала Марья Петровна, а Иванъ Ивановичъ—совершеннѣйшій истуканъ: молчитъ и изъ угла въ уголъ. Уѣхала Марья Петровна—стало легче. А сейчасъ какъ въ окошко Иванъ Ивановичъ глянетъ на два деревца, уже сдается ему: не было у него

въ жизни ни этой первой, несказанной, елочкиной любви, ни бѣловольной, пышной березки Марьи Петровны, ни дней прожитыхъ съ нею, ни даже почей, вотъ все что осталось—два деревца намекають. И что же это выходитъ: ничего не взять, много-ли брать—все одно; ударить часъ, слизнетъ время лапой, только всего что лишни разъ узнаешь: одинъ человѣкъ рождается, одинъ умираетъ, одинъ проходитъ свой единственный въ мѣръ путь. Вотъ оно главное, что надо узнать человѣку, но такъ тяжело ему это знаніе, что отгораживаетъ онъ себя отъ него, пока можетъ, послѣднимъ завѣтнымъ щитомъ—любовью.

На стѣнахъ большой комнаты по которой любить шагать Иванъ Иванычъ, старые портреты висятъ, далеко назадъ предки, всѣ военные. И жалостно какъ-то и неловко Ивану Иванычу на нихъ глянуть: всѣ какъ одинъ высокіе и румяные, глаза безстрашные, въ дѣлѣ сметливы, на себя рѣшеніе брать дерзали, такъ что штабныхъ умниковъ за поясъ затыкали. Одинъ дяденька, голыми барабанами неприступную турецкую крѣпость взялъ: приказъ—наступленіе, турокъ тѣма, скалы отвѣсны. Эй пѣсельники, барабанщики, трубачи—айда впередъ! Съ плясомъ, съ гикомъ, съ бубенцами. Увидали турки лихой авангардъ, рѣшили, что за нимъ тысячи—и на утекъ; высокой степени Георгія за это дѣло дяденька получилъ.

Вотъ и Иванъ Иванычу такъ бы дѣйствовать, а не думать. Спыхватиться бѣ еще тогда, юнкеромъ, когда въ свободное отъ всякихъ фортификацій время практиковался въ дортуарѣ, какъ похитрѣй свернуть чучелу, прикрыть на кровати одѣяломъ, а самому удрать къ Сонечкѣ на журфиксъ.

Впрочемъ ужъ и въ тѣ дальнія времена душу Ивана Иваныча грызло желаніе чего то другого, не похожаго на то, что было кругомъ; но до времени желаніе это крылось въ скромныхъ и можно сказать однихъ отрицательныхъ дѣйствіяхъ: онъ не копилъ въ своей памяти анекдотовъ, не произносилъ скверныхъ словъ и, главное, на журфиксѣ у Сонечки, въ которую какъ уже извѣстно былъ влюбленъ, велъ себя по иному, чѣмъ всѣ, а именно: не безъ достоинства и разъ навсегда отказался выполнять смѣхотворную фигуру котильона, изобрѣтенную въ угоду Сонечкѣ однимъ португеемъ, по прозванію „Бѣшеный хвостъ“.

Фигура эта состояла въ томъ, что заложивъ руки за спину, танцующе, выстроенные въ рядъ противъ Сонечки, получали

изъ благоухающихъ ея ручекъ по аршину тесемки въ зубы и подь ея голосочекъ: разъ, два, три, четыре, ходять свинки по долинѣ... должны были вобрать тесемку въ ротъ; счастливецъ, съ первымъ полнымъ ртомъ, получалъ право танцовать всѣ танцы съ Сонечкой; и хотя убѣждая Ивана Иваныча не нарушать гармонии журфикса, Бѣшеный Хвостъ доказывалъ, что изобрѣтенная имъ фигура вдохновлена самимъ Гомеромъ и есть ничто иное какъ мифологическій спортъ, ибо Сонечка разумѣется—нимфа Калипсо, будуарчикъ ея съ розовымъ фонаремъ—нимфинъ гротъ, кавалеры съ тесемкой во рту—Одиссеевы спутники—Иванъ Иванычъ оставался до того непреклоненъ, что заслужилъ отъ Сонечки ироническій кличъ „самого Одиссея“.

Иванъ Иванычъ по бѣдности вышелъ въ офицеры не въ гвардію, а въ провинцію къ доброму командиру. При добромъ командирѣ—весь полкъ добрый, жили какъ одна большая семья, почти забывъ о своемъ военномъ и такъ сказать разрушительномъ предназначеніи; въ положенные дни чистились ружья, терлись до блеска штыки, но о томъ, что вотъ изъ этого именно ружья можетъ вылетѣть пуля намѣренно въ чью-либо голову, а отточенный штыкъ пронизать человѣка какъ муху—нѣтъ объ этомъ никто не думалъ. Давно не было войнъ, и казалось, больше быть уже не можетъ; штыки и ружья готовили для маневровъ и инспекторскихъ смотровъ. Походъ на китайцевъ прошелъ малозамѣтнымъ, желтые они, косоглазые, будто и не люди, да и пѣхотнаго этого полка походъ совсѣмъ не коснулся; кто то изъ офицеровъ принесъ только какъ то въ собраніе, отъ товарища бывшаго въ Китаѣ, рогатаго тамошняго идола изъ ограбленнаго капища; посмѣялись, потѣшились, кой съ кѣмъ посравнили и подарили солдатикъ черемису Труфашкину, который уже держалъ одного въ такомъ родѣ въ своемъ сундукѣ и кормилъ его оставшейся кашей, въ чемъ помогала ему съ удовольствіемъ вся рота:—айда ребята, Труфашкина бога кормить!

О Японской войнѣ тоже по началу только и знали: высокій тамъ такой гаолянъ, что лошадей съ всадникомъ покрываетъ, къ тому же увѣрены были, что вотъ-вотъ макакъ шапками закидаютъ. Только какъ взять былъ Портъ-Артуръ пригорюнились: подь Портъ-Артуромъ у командира убили сына поручика, онъ съ горя вышелъ въ отставку; прощаясь, трижды крестилъ каждую роту и плакалъ.

Послѣ добраго командира назначили совсѣмъ другою; солдаты шутили, что онъ вмѣсто молитвы и Богу читаетъ военный уставъ; все подтянулось, притихло, какъ зеркало сверкали пугавицы, глаза съ перепугу „жрали начальство“, только и слышалось:—эй взводный, чтобъ тебя дневальнымъ, чтобъ тебя...

Полковника замѣтили, за отличную дисциплину приставили къ ордену, а солдатъ его, какъ вымуштрованныхъ образцово, стали имѣть въ виду для какихъ-то особыхъ случаевъ...

Офицеры ходили какъ потерянные, про танцевальные вечера позабыли; Бѣшеный Хвостъ ушелъ изъ полка и готовился къ университету; у всѣхъ появились штатские знакомые. Однофамилецъ Иванъ Иваныча, Макаровъ II, высокій брюнетъ—запѣвало, тоже вышелъ въ отставку, сталъ ходить въ черной ластиковой рубашкѣ и на квартирѣ у него какіе-то собирались...

Какъ-то Макаровъ II пришелъ къ Ивану Иванычу:—здравствуйте, не узнаете? Я собственно къ вамъ по нелѣпому романтизму,—смѣется:—однофамильцы мы, а ну какъ и единомышленники вдобавокъ окажемся?—И говорилъ, говорилъ... поздно, на зарѣ распрощались.

—Ну какъ хотите,—сказалъ Макаровъ II,—вѣроятно вы правы, мой путь, не вашъ путь, но одно, что вѣрно для меня, вѣрнымъ должно быть и для васъ и для всѣхъ, кто человѣкомъ себя почитаетъ: мысли надо додумывать до конца. Я свои додумалъ и вотъ помѣстился...

Недолго и ждать пришлось, чтобы провѣрить, правду-ли сказалъ Макаровъ II.

Приговорили его военнымъ судомъ, за пропаганду въ войскахъ; Иванъ Иванычъ получилъ изъ тюрьмы записку: „прошу васъ быть со взводомъ“...

Наряженъ былъ знакомый офицеръ, Иванъ Иванычъ смѣнялся, и какъ ни ужасно было, пошелъ, не могъ не пойти.

Макаровъ II былъ очень блѣденъ, только разъ поднялъ на Иванъ Иваныча глаза, еще будто подтвердилъ: мысли додумывай до конца!—потомъ глаза опустилъ и затихъ, прислушивался къ чему или съ кѣмъ бесѣду тайную велъ. Наряженъ Макаровъ II былъ въ бѣлый балахонъ какъ въ маскарадъ; и тѣмъ болѣе все казалось ненастоящимъ въ этотъ утренній часъ на горѣ, среди зеленыхъ деревьевъ, что рядомъ съ Макаровымъ II стоялъ кто-то въ ярко красномъ, въ маскѣ, съ привязанной бородой.

Однако, какъ тамъ ни казалось Ивану Иванычу все прозрачнымъ, съ Макаровымъ II въ дѣйствительности произошло все какъ разъ такъ, какъ назначено было чьей то недрогнувшей рукой: данъ былъ въ свое время знакъ, красный въ маскѣ втокнулъ человѣка въ петлю; Макаровъ II повисъ, а Иванъ Иванычъ Макаровъ I остался жить.

Иванъ Иванычъ хотѣлъ убить себя, ему не дали, потому онъ былъ боленъ, потомъ вышелъ въ отставку и поселился здѣсь, въ Лѣсномъ Поселкѣ.—Мысли додумывай до конца!—углемъ выложилъ кто-то въ душѣ; что же, въ своей личной жизни Иванъ Иванычъ уже исполнилъ завѣтъ товарища и остался вотъ одинъ—выѣли мысли личную жизнь. Ювелиры, чтобы испытать фальшивый бриллиантъ или истинный, говорятъ, ядъ такой разѣдающій каплють, что никакая поддѣлка не выдержитъ—замутнѣетъ, или въ куски, а настоящему хотя бы что. Вотъ должно быть и мысль, если не струсить, додумать ее до конца—такой ядъ человѣку, все выѣстъ и въ немъ и вокругъ, но тому, кто не поддѣланъ?

Вотъ отъ Марьи Петровны письмо: больна, помираетъ; правда-ли, или ей съ горя сдается только, пишетъ: мнѣ не жизнь безъ тебя... а Ивану Иванычу ужъ и не вспомнить: какая такая Марья Петровна, а сколько лѣтъ вмѣстѣ прожили?

— Егорычъ, есть-ли справедливость у человѣковъ или хотя бы у Бога?

— Нѣту, батюшка Иванъ Иванычъ,—говорить Егорычъ;—у человѣковъ должно бы быть, да не можетъ, у Бога могла бы быть, да не подходяще—потому она человѣкомъ, не Богомъ измыслена. А ты, батюшка, выпей-ка лучше *сливанскаго*, изъ пяти бутылочекъ слилъ, что тебѣ *ѣринъ*, не только слова, и мечтанія позабудешь.

И несетъ старый дядька изъ кладовки бутылочку, другъ противъ дружки сидятъ, выпиваютъ—и легче.

Кружатся разныя мысли въ головѣ Иванъ Иваныча, чувствуетъ ему что-то, а не назвать что, почитать бы, съ умнымъ человѣкомъ побесѣдовать...

Книжекъ дома всего на всего: отчеты скаковыхъ обществъ, календари да лечебники, а умнаго человѣка одного только и могъ припомнить Иванъ Иванычъ—журналиста Прѣснякова. Видывалъ онъ его какъ-то среди помѣщиковъ на званномъ вечерѣ у предводителя; держался Прѣсняковъ отдѣльно, отвѣчалъ

односложно, и по просьбѣ предводительши, прочтя докладъ о народномъ просвѣщеніи, не прощаясь исчезъ.

Въ докладѣ Иванъ Ивановичъ понялъ мало: слишкомъ много было неизвѣстныхъ опредѣленій и ссылокъ на неизвѣстные Ивану Ивановичу, должно быть очень умные авторитеты; но сердце Ивана Ивановича билось и онъ тогда же рѣшилъ познакомиться съ Прѣсняковымъ и разспросить его потихоньку обо всемъ.

И какъ часто бываетъ, очень желая съ кѣмъ нибудь встрѣтиться—встрѣтишься непременно; на почтовой станціи, куда ходилъ по своимъ дѣламъ Иванъ Ивановичъ, зашелъ и Прѣсняковъ.

— Вы меня не узнаете,—покраснѣлъ Иванъ Ивановичъ,—а у меня къ вамъ дѣльце.—И конфузясь какъ школьникъ, онъ разсказалъ Прѣснякову о своемъ желаніи развиваться, читать книжки, просилъ указаніи.

— Я съ удовольствіемъ,—снисходительно улыбнулся поощренный Прѣсняковъ, и списалъ тутъ же въ записной книжкѣ страницу, вырвалъ ее, далъ Иванъ Ивановичу:—когда прочтете, милости просимъ поговорить, у насъ и имѣнница рядомъ, да кстати: фактора Хацкеля знаете? Онъ у меня хочетъ снять вмѣсто Довода мельницу.

— Вмѣсто Довода?—Иванъ Ивановичъ вспыхнулъ:—да ни въ какомъ случаѣ; Доводъ отличный жидъ, я ручаюсь, а Хацкель интриганъ и мошенникъ;—и зная хорошо мѣстныхъ людей Иванъ Ивановичъ сталъ доказывать.

Дойдя до своихъ, лошадей Прѣсняковъ чуть насмѣшливо щуря внимательные сѣрые глаза сказалъ, прощаясь съ Иваномъ Ивановичемъ:—ужъ если вы выбрали меня своимъ менторомъ, разрѣшите для начала одно замѣчаніе: въ разговорѣ сейчасъ вы то и дѣло вмѣсто еврей позволили себѣ сказать жидъ; такъ какъ вы—дворянинъ и военный, то есть разумѣется юдофобъ, но рядомъ съ книжками, которыя вы собираетесь читать, такія атавистическія понятія абсолютно несовмѣстимы;—Прѣсняковъ поднялъ длинный бѣлый палецъ:—и *не-до-пустимы!*

Иванъ Ивановичъ не успѣлъ возразить, Прѣсняковъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ.

Юдо-фобъ!—съ недоумѣніемъ повторялъ Иванъ Ивановичъ, и ему было обидно. Что же такого, что защищая Довода, съ которымъ росъ онъ вмѣстѣ и былъ пріятелемъ сказалъ онъ такъ, какъ въ мѣстности было привычно, какъ про себя и про своихъ говорилъ и самъ Доводъ и старикъ Абель у котораго въ дѣтствѣ

сидѣлъ онъ на колѣняхъ и закручивалъ на палецъ сѣднѣ красивыя пейсы, чтобы они держались локономъ. Да развѣ ихъ тѣмъ обманешь, что не спотыкнешься на словѣ!

А у нихъ въ словахъ, видно, все дѣло, скажите: *юдофобъ!* Да развѣ тѣ жиденятки съ которыми росъ бокъ о бокъ въ деревнѣ и цѣлыми днями игралъ Иванъ Ивановичъ на слово обижались? Развѣ не зналъ онъ всю ихъ родню какъ они знали его родню? Не ѣлъ онъ вмѣстѣ съ Гилькой мацу и не приносилъ онъ ему взаимнѣ своей пасхи? „Паничъ Ваня принеси мнѣ свичоной пасхи,—просилъ бывало Гилька,—въ нее кухарка изюмъ больше сыпетъ“... А развѣ не съ Лейбой вмѣстѣ, забравшись за пологъ къ старой Сарѣ, передъ зеркаломъ примѣряли другъ дружку ея парикъ?

А кто жъ къ этой самой Сарѣ и къ старому Абелию, свѣже испеченнымъ офицерикомъ, засдно, какъ ѣзжалъ къ губернатору и къ предводителю, явился въ гости? Расцѣловались по старому и кричала племянницамъ Сара:—Хая, Роза, паничу Ванѣ, варите швидче како и яички!—Юдофобъ!

И не пошелъ больше Иванъ Ивановичъ за развитемъ къ Прѣснякову.

Но книжки указанныя журналистомъ Иванъ Ивановичъ прочелъ и главное въ нихъ понял; по этимъ книжкамъ узналъ про другія, купилъ и ихъ; въ другихъ было о третьихъ, и такъ безъ конца—словомъ въ Лѣсномъ Поселкѣ образовалась изъ книжекъ цѣлая библіотека.

Никакого Прѣснякова уже не было нужно, книжки учили сами, но онѣ же и мучили. Что для себя выбрать, куда себя помѣстить?

И почему въ одно, а не въ другое? Вотъ Макаровъ II счастливецъ, твердо зналъ, когда говорилъ, что въ его партія вся истина, вся справедливость. Но вѣдь и въ ту памятную ночь, еще не читавши столько книжекъ какъ сейчасъ, и тогда, сумѣлъ возразить Иванъ Ивановичъ, что есть другія партія, непохожія на партію Макарова II, которая тоже увѣрена, что вся истина, вся справедливость только у нихъ.

И гдѣ руководство, и что есть опора въ всѣхъ этихъ исканьяхъ?

Справедливость—самое большое слово, о котором писалось въ книжкахъ; все, дескать, всёмъ поровну: земля тамъ, вода... Ну утрутся слёзы, тѣ, что льются отъ того, что человѣкъ человѣку волкъ, что и вѣсе не всё еще люди, и главное, что не только другому, себѣ самому чуть не каждый лютейшій ворогъ, и сердце прострѣлить и на крюкъ заглядится, не отъ земли воды, а всёмъ всёмъ отъ другого. А что касается справедливости...

— Егорычъ есть ли справедливость у человѣковъ или хотя бы у Бога?

— Нѣту, батюшка Иванъ Ивановичъ, у человѣковъ должна бы быть да не можетъ, у Бога могла бы быть, да ему негоже, человѣкомъ справедливость измышлена, человѣкъ фунтъ колбасы покупаетъ и то глаза пялитъ, чтобы его лавочникъ не обжулил... А выпей ты лучше сливанскаго, не только слова, всё мечтавья позабудешь...

Такъ и спился бы Иванъ Ивановичъ не случись войны. Долго казалось продлиться она не можетъ, а забыться мѣсяць другой въ привычной военной средѣ, гдѣ все на мѣстѣ, идешь какъ въ упряжкѣ, Ивану Ивановичу очень было отрадно. Какъ муха въ паутинѣ выбился онъ изъ послѣднихъ силъ въ книжками вызванныхъ мысляхъ, а идти на войну—это дѣлать бездумное дѣло, отдохнуть.

Бодро снарядился Иванъ Ивановичъ, поступилъ снова въ полкъ и сразу въ огонь.

Послѣ получасовой перестрѣлки, пуля угодила Ивану Ивановичу въ ногу, и онъ, истекая кровью упалъ далеко отъ своихъ въ болото.

II.

Когда Ивана Ивановича положили на операціонный столъ онъ пришелъ въ себя: понялъ, что человѣкъ, похожій на ксендза, въ бѣлыхъ перчаткахъ и круглой вязанной шапочкѣ—хирургъ, который будетъ его рѣзать, собралъ силы и мучительно морщась сказалъ:—оставьте помереть...

Чувство отвращения и проклятия жизни было такъ сильно, что хотя на лицѣ его ужъ давно лежала маска съ эфиромъ, егѠ взбунтовавшееся тѣло все еще трепетало и хотѣло сорваться и ринуться внизъ. И потомъ, въ рѣдкіе просвѣты между ужасами бреда, единственною яркой и твердой мыслью Ивана Ивановича было изумленіе и негодование на то, что онъ остался живъ и упорное желаніе не жить больше, послѣ того, что съ нимъ случилось, когда раненный въ ногу онъ упалъ и остался лежать.

Случилось же съ нимъ вотъ что: увидавъ обходившаго раненныхъ санитаря Иванъ Ивановичъ хотѣлъ позвать его, но всего на всего пошевелилъ рукой; санитаръ замѣтилъ, и склонилъ къ нему свое широкоскулое безбровое лицо. Иванъ Ивановичъ сразу успокоился, какъ заплаканный ребенокъ завидя свою няню; санитаръ былъ знакомый, Еремеевъ, извѣстный силой и безстрашьемъ, спасшій много людей изъ огня, спасеть и его. Иванъ Ивановичъ закрылъ глаза и Еремеевъ разстегнулъ для чего-то его шинель, засунулъ глубоко руку, нашарилъ и вынулъ часы и больно упирая Ивана Ивановича колѣнкой въ грудь сорвалъ съ шеи золотую цѣпочку съ крестомъ.

И вдругъ Иванъ Ивановичъ понялъ, что дѣлаетъ санитаръ; онъ открылъ глаза, и сквозь пенсне, уцѣлѣвшее на носу и при паденіи, еще не съ испугомъ, а какъ бы пробуждаясь глянулъ въ спокойныя дѣловитыя глаза. Глаза эти, встрѣтись съ глазами Ивана Ивановича сразу посвѣтлѣли отъ злобы, широкоскулое лицо дрогнуло:—я тебѣ поглазью!—и сорвавъ съ носа Ивана Ивановича пенсне, санитаръ отбросилъ его въ сторону.

— Еремеевъ, что дѣлаешь!—собравъ послѣднія силы произнесъ внятно Иванъ Ивановичъ и теряя сознаніе послѣлъ увидать, на всю свою жизнь, до смерти запомнить, какъ злые глаза стали добрыми, какъ по иному, не звѣриной судорогой, а человѣчьей жалостью, дрогнуло скуластое лицо, рука вложила ему въ карманъ часы и цѣпочку, и крѣпко обхвативъ его, Еремеевъ поднялъ съ земли и бережно, словно баюкая, куда-то понесъ.

.....
Отрѣзали Ивану Ивановичу ногу; по ночамъ мочи нѣтъ, сталь нѣтъ большой палецъ, котораго уже не было. Но хуже, во сто кратъ хуже боли, была мука отъ того, что чудилось.

Идутъ будто солдаты въ ногу, всё какъ одинъ: шинели скручены, черезъ плечо, амуниція, ружья, защитныя шапки, разъ два, разъ два... а лицъ то и нѣтъ, такъ что-то мутное,

вродъ какъ блинъ, ни глазъ, ни улыбокъ, — одна Поголовщина, штыки играютъ, отчищены, и шинель и защитнаго цвѣта шапки...

Раздается команда, берутъ руки ружья на перевѣсъ, а противъ этихъ рукъ и штыковъ—глядь другая стоитъ Поголовщина, также всѣ какъ одинъ и лицъ нѣтъ, только шинель не сбѣрая, а темнѣй...

Вскрикнетъ Иванъ Ивановичъ, поднесетъ ему сестра брону, успокоится; а чуть смежатася глаза—опять все она, Поголовщина: рѣжетъ пальцы у мертвыхъ, шаритъ въ пазухѣ, добываетъ того кто шевелится. И такъ страшно Ивану Ивановичу, что лица нѣтъ, сами идутъ шинели, сами топаютъ сапоги; вотъ и его шарятъ въ пазухѣ, колѣнка давитъ въ грудь, рука дергаетъ шейный крестикъ и склоняется надъ нимъ лицо—чей-то блинъ.

— Еремеевъ!

И какъ только вскрикнетъ Иванъ Ивановичъ такъ сейчасъ блинъ—въ лицо, доброе, скуластое: — такъ точно вапбродь! — И кругомъ-то все люди, кто курнось, кто носать, подъ огнемъ тащатъ раненыхъ, мертвымъ сраму не дѣлаютъ.

И только бы вотъ не забыть, окликнуть по имени... но Иванъ Ивановичъ забываетъ, и опять передъ нимъ все сначала: на перевѣсъ ружья, грабятъ мертвыхъ, бьютъ раненыхъ, пока не потянетъ съ самого чья-то рука шейный крестикъ и не вспомнитъ онъ только тутъ, въ смертный часъ: Еремеевъ!

Такъ было съ Иваномъ Ивановичемъ рано утромъ, когда дежурный приходилъ съ щеткой убирать палату и сестра съ привычной лаской, касаясь бѣлой косынкой его лица ставила градусникъ, такъ было, когда приходили врачи и равнодушно замѣчали:—а этотъ все бредитъ;—такъ было, когда входилъ прямо отъ обѣдни священникъ, развѣвая въ широкомъ шагу золотыя ризы, пахнуція ладаномъ и прикладывавалъ къ губамъ холодный крестъ „исцѣленіе души и тѣла“...

Тѣло исцѣлялось, душа умирала...

И вотъ какъ-то вечеромъ, когда дежурный санитаръ внесъ дрова въ печку и его зачѣмъ-то отозвали, вошелъ другой санитаръ съ растопкой и спичками и сѣвъ на корточки сталъ растапливать.

Иванъ Ивановичъ не любилъ чтобы рано горѣло электричество, и лежавшій съ нимъ въ палатѣ другой раненый, тихій сговорчивый человекъ, раздѣлялъ его вкусы; такъ что сейчасъ, когда за окошкомъ густѣли сумерки, въ палатѣ отъ разгорѣв-

шейся печки было не светло; но сидѣвшій на корточкахъ передъ огнемъ ярко чернѣлъ передъ Иваномъ Ивановичемъ.

Иванъ Ивановичъ вздрогнулъ, онъ узналъ:—Еремеевъ!—тихо позвалъ онъ.

— Такъ точно вашбродь! — сказалъ весело Еремеевъ и подошелъ къ Ивану Ивановичу.

— Зажги около...

Еремеевъ щелкнулъ у стѣнки, лампочка рядомъ съ Иваномъ Ивановичемъ вспыхнула и снизу освѣтила широкое лицо и бѣлые зубы улыбавагся рта.

— Это ты меня вынесъ?

— Такъ точно; какъ вы меня окликнули по имени, я сгребъ васъ и выволокъ; немало волокъ, наши далече ушли.

Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ въ это, таксе навсегда знакомое, скуластое лицо и глаза эти, которые тоже навсегда запомнилъ иными, добывавшими какъ штыки...

И вотъ Иванъ Ивановичъ видѣлъ, что виновнымъ Еремеевъ себя не считаетъ, вѣдь онъ же спасъ, и не стыдно ему ничего.

Иванъ Ивановичъ протянулъ руку къ ночному столику, взялъ свои золотые часы, тѣ самыя, и не глядя отдалъ ихъ Еремееву:—спасибо!

Еремеевъ покраснѣлъ отъ радости, весело, отъ души поблагодарилъ Ивана Ивановича и нетерпѣливый похвастаться передъ кѣмъ-то, забылъ свою печку и скорымъ шагомъ пошелъ изъ палаты.

Иванъ Ивановичъ заплакалъ: что произошло—онъ не зналъ и нельзя было это назвать, только боль отпустила; кто-то далъ великое разрѣшеніе и словно не онъ Еремееву подарилъ, а отъ него получилъ какой-то важный даръ:—какъ вы меня назвали я васъ и сгребъ. А еслибъ не назвалъ? А тогда бы обобралъ и бросилъ заживо гнить въ болотѣ. И это не два разныхъ чело-вѣка, одинъ скоть, другой братъ милый—это одинъ человекъ, тотъ же самый.

Такое объясняющее, всѣмъ нужное надо было изъ этого вывести, по Иванъ Ивановичъ не умѣлъ, но все-таки боль отпустила и онъ сталъ спать хорошо.

Прошло лѣто и было еще тепло, когда Ивана Ивановича на плетеномъ диванчикѣ выносили въ садъ къ фонтану. На фонтанѣ стояла статуя, дѣвица съ протянутыми впередъ руками: она будто бросалась и не могла броситься въ море. Дѣвица воз-

буждала остроумие вокруг лежавших больных. Их было шестеро, неподвижных, раненых в позвоночник, „безпозвоночных“, как прозвали они себя сами. Все были молоды, почти безусы, здоровы и крепки на вид. И румяныя, еще свѣжія лица были самое страшное: люди эти приговорены были къ смерти и чѣмъ больше былъ запасъ ихъ силы, тѣмъ продолжительнѣе предстояло имъ умиранье.

Подпоручикъ смѣется, играетъ съ котикомъ у себя на груди, а Иванъ Ивановичъ знаетъ отъ фельдшера, что у подпоручика чернѣютъ ногти и начинается гангрена, и у этого, и у того.

— Посиди хоть сегодня Костя дома,—говоритъ капитанъ Моровой прапорщику,—у тебя носъ заострился, сгоришь...

— Дождаться недолго,—усмѣхается Костя, и достаетъ изъ кармана билетикъ, голубой и два розовыхъ, читаетъ вслухъ: все три просятъ свиданія—твоя, да твоя... а на голубенькомъ: твоя кристаллическая душа.

— Горѣть такъ сгорѣть!—усмѣхается Костя и идетъ къ парикмахеру бриться.

Капитанъ Моровой рассказываетъ какъ лѣзъ вмѣстѣ съ ротой на неприступную гору; половину людей положилъ, два дня не ѣли, влѣзли; а по телефону приказъ—обратно! и лѣзть на соседнюю гору. Вторую половину ухлопали, капитану руку оторвало, доползли до низу—отмѣна. Зеленая была гора,—усмѣхается капитанъ,—а теперь почитай бѣлая отъ костей; хе, хе, высокимъ штилемъ сказать: лицо планеты мѣняемъ, новыя сѣговыя вершины воздвигнули.

И вдругъ изъ закрытой наглухо палаты, изъ-за черной занавѣси спущенной на окно звѣриный потрясающій вой...

— Казариновъ закурилъ,—говоритъ, блѣднѣя, поручикъ и снимаетъ на землю котенка. Казариновъ, бывшій атлетъ, молодчина—сейчасъ ребенокъ разслабленный, не выносить свѣта, день и ночь въ черной тѣмѣ; забудется, закуритъ, глянетъ какъ вспыхнула папироса и конецъ ему: сведетъ руки, ноги и на полъ... говорятъ врачи—это отъ контузіи на нервной почвѣ, а вылечить все равно не умѣютъ.

Сталъ Иванъ Ивановичъ понемногу къ костылямъ привыкать; лучшіе костыли у него, легкіе съ мягкими наконечниками, а для него какъ пуды, непривычка. А все-таки хоть черепашинымъ ша-

гомъ, а доберется теперь въ одно мѣстечко за озеромъ, гдѣ вы-бираютъ зеленую глину для кирпичей. И никакихъ тамъ „красотъ природы“ нѣтъ, а вотъ тянетъ и тянетъ...

Дойдетъ Иванъ Иванычъ сядетъ на пенекъ, костыли рядомъ сложить и смотреть: передъ нимъ большой вытопанный кругъ; по кругу ходить лошадь, припряженная къ вороту, мнущему глину. Лошадь старая; чтобы голова у нея не кружилась отъ топтанья на мѣстѣ, глаза завязаны пестрымъ тряпьемъ, отъ него красныя тесемки болтаются въ черной гривѣ. Въ своемъ головномъ уборѣ, старая лошадь смѣшина и напоминаетъ нелѣпо расфранченную негрятянку.

— Эй ты, Мареушка!—кричитъ босоногий погонщикъ и, стегнувъ кнутомъ, непремѣнно бранить ее такъ, какъ бранить подходило бы развѣ собаку, а вовсе не лошадь.

Мареушка трясеть покорно нарядной слѣпой головой и подымаетъ выше чѣмъ надо сбитыя, давно не кованныя ноги, должно быть потому, что ея замотанной одурѣлой головѣ мерещатся какіе-то иные, пройденные пути.

— А что Федя,—говоритъ погонщику Иванъ Иванычъ,—размотать бы Мареушкѣ голову да кнутомъ не хлестать?

— Пастись, чума, станеть, чего ей...

Возвращается домой Иванъ Иванычъ, Морового встрѣтитъ, тотъ тоже бродитъ, все о горѣ своей думаетъ: лѣзли на нее, вся въ цвѣтахъ зеленая, сейчасъ одна земля взрытая, черная, да надъ костями воронье...

Идутъ рядомъ безноги съ безрукимъ, Моровой свой быстрый шагъ сдерживаетъ, подгоняетъ къ шагу Ивана Иваныча.—А что Колизей вы когда нибудь видѣли?

— Въ Римѣ я не былъ,—говоритъ Иванъ Иванычъ,—на картинкѣ видалъ.

— Я какъ къ живому къ нему, подошелъ чуть было не заплакалъ, зданіе то какое — молитва! Да вдругъ такъ скверно стало: что ни шагъ то заплатка, на мраморѣ, фута этакъ въ два золотомъ годъ, число, имя пашы, который дѣлалъ починку. Вдругъ и зданія не видать, каждый камень якаеть, я, я, я, я.

— Такъ,—вздыхнулъ Иванъ Иванычъ,—ну и чтожь?

— А то, что и мы своей каше не сваримъ, все якаемъ, а истратиться, себя убравъ Колизей вывести — никому не охота. Истратиться надо.

Охъ, нокоть ночью пальцы на отрѣзанной ногѣ Ивана Иваныча и нѣту ихъ вовсе, культипка коротенькая, а такъ болятъ, до крику. Отъ бессонницы опять мысли лѣзутъ, впиваются: вотъ и нѣтъ пальцевъ, а болятъ, что-же значить тогда слово *есть*?

Крутитъ боль и крутится предъ глазами Марѳушка, расфранченная негритьянка, выше чѣмъ ей надо подымаетъ сбитыя старыя ноги, крутитъ воротъ, мѣситъ воротъ глину... что-же это такое нудное, такое знакомое? Марѳушка съ замотанной слѣпой мордой спотыкается подъ кнутомъ, глупо заворачиваетъ по кругу, и нѣту ей конца, нѣтъ начала... да это-же она самая— это *Поголовщина*.

Киваетъ Ивану Иванычу замотанная морда, ничѣмъ ее не прогнать, лицо-бъ чье нибудь вспомнить, у кого есть лицо?

Прѣсняковъ, Прѣсняковъ... какъ заклинаніе шепчетъ Иванъ Иванычъ, и сейчасъ одинъ, два, три—тысячи Прѣсняковыхъ; волосы длинные, воротничекъ, два пальца въ воздухѣ словно тактъ отбиваютъ: дворянинъ и военный—значить вы юдофобъ. И вся тысяча Прѣсняковыхъ за первымъ слѣдомъ тоже самое, даже вѣтеръ отъ перебѣгающаго шепота: фобъ, фобъ, фобъ... а лица нѣтъ какъ нѣтъ.

И вдругъ капитанъ Моровой:—Колизей вывести—истратиться надо.

Ис-тра-титься!—переговариваетъ Иванъ Иванычъ,—а изъ какого скажите капиталу? Досадно Ивану Иванычу что давеча на эти слова онъ Моровому не отвѣтилъ. Изъ какого капитала людямъ тратить, когда быть можетъ пришло только время капитала имъ копить? Прежде чѣмъ истратиться—округлиться надо-бы.

Округлиться!

Понравилось слово Ивану Иванычу, сѣлъ онъ на постели и, чтобы не забыть, пальцемъ кругъ обвелъ на одѣялѣ. Все, значить, что безъ силъ, безъ жизни, все чужое—не свое, изъ себя вонъ...

И ужъ не мыслями, а такъ просто, какъ чувствуешь радость или горе, ясно вдругъ Ивану Иванычу, что всѣ скорби и все безуміе жизни, отъ этихъ вотъ остатковъ, что мертвыми

въ себѣ люди носятъ, своего загрести не умѣютъ. либо трусятъ. либо трудъ свой жалѣютъ, подешевле прожить наровятъ. А остатки тѣ, мертвые, не вошедше въ жизнь, раавѣ такъ, безъ вреда пропадаютъ?

Да если кто ночью безсонной кулаки на обидчика въ гнѣзѣ подыметъ, а днемъ трусливо съжившись ему улыбается, не оттого конечно что ту, высшую правду узнаетъ, при которой нѣтъ ни обидчиковъ ни обиженныхъ, а такъ, по дряблости, по расчету. какъ на землѣ полагается, какъ живутъ...

Либо другой, кто объ обиженномъ слезы льетъ, весь въ слезахъ выльется—анъ на дѣло рукъ нѣтъ... а насада сверхсплывная, а боль, а все то, что днемъ и ночью не выдавая себя дѣйствіемъ, таятся подъ масками, все что тяжелой больной испариной идетъ отъ земли, гдѣ оно? Гдѣ несвершонное?

Гдѣ, спрашиваю, не-свер-шонное?

Кричитъ громко Иванъ Ивановичъ, а сестрица ему компрессъ къ головѣ, успокоительныя капли капаетъ; пойметъ, онъ что громко нельзя говорить, притаится и тихонько, какъ Марушка по кругу затопчется, молча, терпѣливо, одно къ другому ладитъ—авось глину свою разомнетъ: что жъ это *несвершонное*, какъ туманъ развѣется, какъ дымокъ веселенькій? Изъ болота вода и та въ небѣ въ тучу сбивается, а тутъ слезы, тутъ потъ и кровь—дорого плочено.

И вотъ въ одну такую безсонную ночь, узналъ навѣрно Иванъ Ивановичъ, онъ *увидѣлъ*: пониже облаковъ, повыше роста человека тянется, надъ всей землей, какъ бы покровъ плотной, густого бураго цвѣта, какъ багрово-сизый подтекъ, гдѣ оранжевый, гдѣ болотно-зеленый; и густъ тотъ покровъ, будто кровь нечистая въ венахъ, не продохнуть, не увидѣть небесной лазури, позабыть птичку Божию...

И вотъ, если схватить людей гдѣ нибудь злыдня, разогнаться страсти,дохнетъ, ринется туда, какъ въ открытую шлязу оно, сизобагровое... *Чумло*. Ринется и родитъ *Поголовщину*. *Чумло*—вотъ имя.

— Такъ что, какъ вы, вашбродь, меня назвали я васъ и вы-волскъ.

Назвать всѣхъ по имени, нарушить *Поголовщину*, вырвать щипъ у *Чумло*—вотъ онъ, вотъ онъ даръ Еремеева, милаго брата.

Услыши, Господи,—молигву мою!

III.

И произошло, наконецъ, на Руси то, чего все ожидали. Свершилось въ далекой столицѣ, а прокатилось по дорогамъ, лѣсамъ и рѣкамъ, зажигая огнемъ три алмаза: свобода, равенство, братство. И въ лечебницу, гдѣ еще находился Иванъ Ивановичъ пришла газета, пахнущая обыкновенною типографскою краской, а на самомъ-то дѣлѣ, это вовсе не была газета, а было чудо, былъ огненный мечъ Архангела, произивши дракона Чумло.

Нѣтъ больше Поголовщины и не будетъ, потому что все, все, все, заказано имѣть свое лицо.

И прѣхавшая изъ столицы къ одному раненому молодая сестра, рассказывала какъ все было, какъ у нея на глазахъ посланные съ ружьями на братьевъ своихъ безоружныхъ, съ этими братьями обнимались и какое было солнце на синемъ небѣ и какъ чисто сверкалъ бѣлый, незапятнанный кровью снѣгъ, а мальчишки гурьбой продавали „на память“ пульки, засѣвшие въ телефонныхъ столбахъ; это нарочно, съ радости что не въ людей, въ пустую, солдатами данъ былъ залпъ.

И странно было одно, говорила молодая сестра, странно что не звонили колокола, потому что была вѣдь Пасха, вѣдь каждый зналъ въ этотъ день: Христосъ Воскресе!

Все, все, все.

Нѣтъ Поголовщины и не будетъ.

Иванъ Ивановичъ вдругъ научился легко ходить, словно подлетывать, на костыляхъ, все, все позабылъ что у него отрубана нога, и радостный, забредалъ далеко отъ лечебницы уже не къ Марушкѣ, ходившей по кругу, а въ настоящемъ, въ густой, въ душистый лѣсъ.

И если дѣло было вечеромъ, и зарево, не смягченное облаками, пожаромъ ложилось на плачущія вѣтви старыхъ березъ, Иванъ Ивановичъ, прислонившись къ заалѣющимъ стволамъ, посылалъ съ вѣтеркомъ пожеланіе бодрости утомленнымъ, призывалъ утolenіе сердцамъ гнѣвнымъ, грѣховнымъ и страстнымъ. Жизнь природы—отзвукъ жизни людей.

Когда Иванъ Ивановичъ приходилъ къ лѣсу въ полдень, то небо было ярко-сине, и густолиственнымъ стадомъ, какъ отары овецъ, но небу двигались облака. Иванъ Ивановичъ, словно отъ самого солнца черпывая силы, раздавалъ ее мысленно бодрямъ и силь-

нымъ, чтобы бодрые стали бодрѣй, чтобы сильные стали еще сильнѣй.

Въ розовый утреннй часъ, когда тихонько проходя подъ окнами лечебницы, чтобы не разбудить спящихъ, Иванъ Иванычъ видалъ какъ въ чашечкѣ оранжевой настурци словно жидкое золото дрожить роса, онъ посылая привѣтъ и улыбку дѣтямъ всего міра, охранялъ заброшенныхъ, улыбался балованнымъ.

А ночью, часто и по старому безсонной ночью, потому что отрѣзанная нога все еще болѣла, чутко вздрогнувъ отъ лая собаки, садился Иванъ Иванычъ на постель, но уже не пыталъ его Поголовщина, а самъ онъ, безсонный, благословляя безсонницу старыхъ, обиженныхъ и больныхъ. Такъ по мѣрѣ слабыхъ силъ своихъ, всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ правилъ свою обѣдню Иванъ Иванычъ.

Но безмятежности его служенія пришелъ скорый конецъ: попрѣхали новые столичные люди, рассказали иное: пасхальнымъ-то выдался всего на всего одинъ первый денекъ, а тамъ, словно статуи въ послѣдній день Помпеи, полетѣли съ крышъ люди, столкнутые другими людьми.

Сразу устали, не вынесли люди того, что всѣмъ предлагалось свое лицо, и чтобы по старому быть самимъ безъ отвѣта, возвели себѣ новыхъ идоловъ.

Зацацкали ихъ, какъ дурацкя обезьяны ребенка, оглушили лучшія имена, между плясомъ и пѣніемъ повели къ рампѣ „бабушку“.

— Не поспѣли округлиться—не умѣютъ истратиться!

И вмѣсто чаемаго Колизея, замерещились Ивану Иванычу однѣ дрянныя заплатки: я, я, я... якаетъ каждый камень, и нѣту его, нѣтъ Великаго Зданія.

Не поспѣли округлиться...—горестно шелчетъ Иванъ Иванычъ и вотъ уже видитъ: сизобагровая зараза Чумло тащитъ щупальцы надъ смертельно-усталой землей и въ дурманѣ Поголовщины закипаютъ въ ней новыя войны и безумныя новыя казни, и предательство, и расправа...

Перепуганный Егорычъ прѣхалъ изъ Лѣснаго Поселка, домъ сожгли какіе то ребята а его, стараго, вонъ, не служи буржуямъ!

Главная обида Егорыча та, что за старшого Емелька гдушакъ, которому онъ вихры надиралъ. Что же я, дешевле Емельки?

Кто разберетъ человѣка: тотъ же Егорычъ, глядя въ окошко на матроса, солдата и рабочаго съ тайной гордостью говорилъ: ишь ты, наши министры идутъ!

Вотъ и въ маленькій городокъ, гдѣ была лечебница, однажды прѣхали воины; одни на мохнатыхъ небольшихъ лошадакахъ. здоровые, вихрасты, съ румяными лицами, другіе пѣше и голодранцы. Своими глазами, въ одно чудесное утро, видалъ Иванъ Иванычъ, какъ обступили небольшую лошадаку пѣше. Закуривали папирску у вихрастаго, смѣялись, болтали о томъ о семъ, не только на одномъ языкѣ, на одномъ нарѣчьи: окали вихрастѣй, окали пѣше; а потомъ, черезъ столько-то часовъ, неслишкомъ далеко отъ города затокали пулеметы: это тѣ же самые другъ друга разстрѣливали.

Затокали пулеметы, Иванъ Иванычъ вздрогнулъ: пора!

Пора разбить Поголовщину, подойти вплотную къ врагу, подставить безъ гнѣва свою грудь и кротно, но твердо, какъ владыко сказать ему имя: Чум-ло!

Это навѣрное зналъ Иванъ Иванычъ: всѣ силы души и воли направить не на того, кого люди зовутъ врагомъ, а на то, что за людьми этими, что ихъ движеть, на отъѣвшееся ихъ дрянью Чумло; врагъ сегодня одинъ, назавтра другой, а Поголовщина—неизмѣнна.

— Такъ-что, какъ вы назвали меня, вашбродь, я васъ и выволокъ!—какъ живое ухмыляется предъ Иваномъ Иванычемъ скуластое лицо Еремеева. Да развѣ не всѣ они тамъ Еремеевы. окликнуть ихъ и скотское угасится, какъ у милаго брата въ тотъ незабвенный часъ проснется душа.

Что надо сдѣлать, какъ окликнуть ихъ тамъ, заряжающихъ пулеметы—Иванъ Иванычъ не зналъ, но онъ взялъ костыли и пошелъ къ выходу.

Ударилъ большой колоколь, зазвонили въ церквахъ:—Крестный ходъ двинулся!—сказалъ Егорычъ. Иванъ Иванычъ встрепенулся: знаютъ то, что знаю я, идутъ съ крестами, съ обмоленными древними ликами, въ облаченіи, всѣмъ клиромъ падуть на колѣни, подыметъ іерей благословляющія руки, скажетъ: братья, дотолѣ не сдвинемся, доколѣ не кончатъ братоубійство!

И свершится чудесное, подвигъ вѣры пробьетъ Поголовщину, проклятый щитъ Чумло.

— Заворачиваютъ въ нашу сторону,—дѣловито говорилъ

Игорычъ,—должно чудотворную Матушку несутъ хоронить въ соборъ, чтобы озорники окладъ не сорвали.

Упало сердце: *они* не знаютъ, они не сдѣлали, онъ, Иванъ Ивановичъ знаетъ, онъ долженъ.

И пошелъ Иванъ Ивановичъ на своихъ костыляхъ, легкій словно вихремъ подхваченный далеко туда, мимо знакомаго лѣса гдѣ щелкали пулеметы. Шелъ онъ поднявъ голову свершить свой незримый миру людямъ подвигъ: твердо, кротко, безъ гнѣва, для всѣхъ равно ослабить сильнымъ духомъ, чистою волею безыкую Поголовщину и ставъ на колѣни, простирая примиряющія руки самому, какъ жертва, пасть подъ послѣдними братскими пулями, но зато подъ послѣдними... новые, безславные, нѣмые мученики нужны миру...

Дошелъ Иванъ Ивановичъ до озера, до того мѣста гдѣ лошади Мареушка съ замотанной головой, какъ расфранченная негрятянка, топчется по кругу. Присѣлъ на знакомый пенекъ и вдругъ тяжелыми сдѣлались костыли, знакомой болью заняла нога и понялъ онъ, что никуда дальше онъ не пойдетъ и никакого крылатаго слова онъ не знаетъ.

Нужно слово: разбить Поголовщину, округлиться, истратиться—найти зодчихъ Великому Зданію.

Услыши, Господи, молитву мою!

А Мареушка, какъ заведенная, топталась по кругу: и даже кнута ей ужъ не было нужно; кнутъ валялся подъ деревомъ куда залѣзъ погонщикъ Федька, чтобы смотрѣть какъ рвутся снаряды...

Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ на Мареушку и плакалъ, а Федька, примѣтивъ его, такъ и прыснулъ: ишь, наклюкался!

А. Терекъ.

Т О Л П А.

(Г. Верхарнъ).

Въ городахъ, гдѣ зловѣще огромны
Факелы блещутъ на площади темной,
Въ городахъ, гдѣ изъ мрака и мглы
Вопли горя, страстей и хулы,—
Гдѣ толпа разъяренная черни бездомной
Какъ море...
Гдѣ въ молчаніи сумрачныхъ зданій
Ужасъ кровавыхъ возстаній,—
Я горю, мое сердце встревожено,
Словно расширено, словно размножено!

Въ порывѣ безумья и мщенья
Горячка съ дрожаніемъ рукъ
Несетъ меня вдругъ,
Какъ камня, по гладкой дорогѣ впередъ...
Падаетъ всякій расчетъ!
Для подвига,—для преступленья
Я, послушный, готовъ
На пламенный зовъ
Ярости единопдушной.
Страсти, восторги и бредъ—
Все мелькаетъ въ мгновени ока!
Только чуетъ что-то,—пока еще нѣтъ
Осознанной цѣли и мысли глубокой.

Люди свирѣпые треплютъ тревожное пламя,
Гулокъ на паперти ропотъ народной пучины.
Въ трепетѣ стѣны, дома, магазины,—
Вечеръ безумья царить надъ дворцами.

И къ черному небу летать съ площадей
Золотые столбы разъяренныхъ огней,—
Кроваво на башняхъ горять циферблаты!
    На перекресткѣ ораторъ,—
    Еще не понявъ его рѣчи
Лишь мановенью послушное вѣче
    Рвется унизить тирана,
Разбивая подножье его истукана.

Ночь безпредѣльна въ величїи шумномъ,
Ярость въ тревожномъ туманѣ расплавлена,
Сердца на чеку, души мукою сдавлены
Вырываются въ крикѣ безумномъ.
Чуется властная мощь у мгновенїа
И къ созиданю, и къ разрушеню.

Тотъ въ эту ночь громовержець и вождь,
Тотъ владѣть душою народною,
Кому рокомъ дарована мощь,
Чтобъ въ созвѣзди свѣточей ложныхъ открыть
Звѣзду, коей быть
Для вѣка звѣздой путеводною.

Сердце, пойми, какъ прекрасно и какъ незабвенно
    Это мгновенье,
    И каждымъ бѣньемъ
Откликайся великому сердцу вселенной!..
    А до мудростей древнихъ нѣтъ дѣла
    И до вѣръ, заходящихъ въ пучинѣ забвенья!
Здѣсь мгновенье кипитъ кровью юнаго тѣла,
Здѣсь волшебный восторгъ опьяненья
    Столь пьянымъ виномъ,
    Что и горечь не чувствуется въ немъ.

Невѣдомымъ слѣдомъ явились мечты и смѣнили
Старый порядокъ, гдѣ души лѣниво застыли,—
    Словно природа-старикъ
Лѣпитъ новый для вѣчности ликъ.

Все какъ-бы сдвинулось въ общемъ порядкѣ природы.
Старыхъ строеній тяжелые своды
Потрясены до глубокихъ основъ, и повсюду
Уступая толпы разъяреннымъ напорамъ
    Рабство расколото!—
Пробилъ часъ и разгрому и чуду,
И дѣяньямъ въ сляни золота,
    Новымъ Фаворамъ.

Какъ волнѣ въ безпредѣльности моря,
Какъ птицѣ въ небесномъ просторѣ,
    Сердцемъ бы слиться
Съ толпой, что войною идетъ на столицы,
    Идти за ней слѣдомъ
    Къ кровавымъ побѣдамъ
    Чтобъ въ потокѣ событій
Въ крикахъ ужаса яростью бѣшено блещущихъ
    Уловить эти нити
Мыщцъ напряженныхъ и нервовъ трепещущихъ;
Рваться въ бой за безумной толпой,
    Что ведется судьбой
Безсознательно въ блескѣ кровавомъ...
Завтра долгъ,—завтра право:
Ихъ зародышъ глубоко въ народѣ таится!
Мы не знаемъ зачѣмъ,—но при каждомъ порывѣ впередъ,
Кровь и горе въ путяхъ міровой колесницы...
Кровавой зарею сіяетъ восходъ.

О грядущее! слышится голосъ свободы,
Рвутся устои и валятся своды
Въ городахъ, гдѣ и злато и смрадъ,
Гдѣ пожаръ, какъ съ всклокоченной гривой лезъ.
Отъ мгновенья—столбѣтя дрожать:
Тяжкій узелъ развяжетъ побѣдами гнѣвъ!

Измѣняетъ обличіе мѣръ,
Страненъ вчерашній кумиръ
Всѣ взбираются на горы новыхъ идей,
Гдѣ безумія водоворотъ
Новую правду куетъ,

Чтобъ изъ старыхъ заржавленныхъ ноженъ извлечь
Свѣтлый мечъ,
Слишкомъ чистый для рукъ палачей.

Въ городахъ, гдѣ сіянье внезапной зари,
Гдѣ безуміе бурн кровавой,
Для величья, для славы
Сердце, гори!

Б. Ф.

„Т О Л П А“.

Въ частномъ домѣ читали стихи—современныхъ поэтовъ о современности. Читали люди неизвѣстные, любители. А пьесы принадлежали большимъ поэтамъ—тѣмъ, кого въ образованномъ обществѣ знаютъ всѣ. Пьесы были какъ на подборъ: хорошо, написанныя, рѣзкия, злыя, и всѣ о послѣоктябрьскомъ строѣ. Особенно выдѣлялись ядовитыя строфы одного поэта, которому казалось, что онъ говоритъ самое послѣднее, самое глубокое слово о происходящемъ.

Онъ сравнивалъ декабристовъ съ современными дѣятелями. Конечно, декабристы казались ему святыми, нынѣшніе—негодьями. Онъ говорилъ о томъ, что интеллигентные, образованные и любящие свободу люди связаны по рукамъ и ногамъ, брошены въ подполье. Говорилъ объ убійствахъ, о грабежахъ, о „матросскихъ плевахъ“... Самочувствие оскорбленнаго, выбитаго изъ колеи человѣка было передано честно и вѣрно. Видимая „безцѣльность“ происходящаго была выдвинута на первый планъ. Создавалось построеніе безнадежности и жгучей обиды.

Когда чтеніе стиховъ было закончено, всѣ на перебой стали рассказывать разные ужасы, происходящіе въ странѣ и въ городѣ. Ужасы были дѣйствительные, люди, говорившіе о нихъ, не лгуны, возразить на дѣйствительные случаи было нечего. Но чѣмъ гуще накоплялись страхи, тѣмъ легче становилось ихъ нести. Точно смрадъ страховъ самъ себя убивалъ, точно холодный сквознякъ вѣтеръ прошелся по комнатамъ. И не только мелкая хроника грабежей и неурядицъ оказалась вдругъ преодолимой, но и большая боль поэта, большая боль его ядовитыхъ строфъ.

Что же произошло со слушателями? Вотъ что: за покровомъ дурной и тлѣнной обыденности они почували, какъ за покровомъ Майи—дыханіе вѣчной преобразующей силы. Если существуетъ эта сила, то *нѣтъ* страшныхъ мелочей. По крайней мѣрѣ ихъ нѣтъ въ той плоскости общественнаго дѣланія, въ какой ихъ разсматривалъ преклоняющійся предъ декабристами поэтъ. Если же существуютъ реально мелочи, а преобразующей силы за ними нѣтъ, если, стало быть, все происходящее въ общественности надо перевести изъ плоскости соборнаго дѣланія въ плоскость личнаго совершенства, то тогда и декабристы—не святые, и пророки—проходимцы, и всѣ историческія движенія—не „цѣльны“, не осмысленны, слѣплены изъ безсвязныхъ метаніи слѣпыхъ жертвъ рока. Ибо среди всѣхъ революціонеровъ, всѣхъ мучениковъ и всѣхъ новаторовъ-еретиковъ были мелкіе люди, лжецы, грѣшники, игроки и честолюбцы. Нельзя производить измѣреніе несоизмѣримыхъ величинъ.

И вспомнилось стихотвореніе „Толпа“ Э. Верхарна, поэта, связаннаго съ культурой болѣе кровно, чѣмъ упомянутый выше капризный ядовитый поэтъ. Нашъ русскій поэтъ не разъ, вѣроятно, перечитывалъ Э. Верхарна—и хвалилъ его, какъ всѣ носители крайностей русской революціи читали о крайностяхъ 93 и 71 годовъ во Франціи и увлекались ими. Но на родныхъ площадяхъ, въ своихъ дѣлахъ не узнали того, что казалось возвышеннымъ у Верхарна и во Франціи. Смѣшная негибкость трусливаго воображенія!

Верхарнъ не ищетъ въ дѣлахъ возставшей толпы ни цѣлесообразности, ни плана, ни ясно очерченныхъ граней. „Толпа разъяренная черни бездомной—какъ море“, но отъ валовъ этого моря,—

Я горю, мое сердце встревожено,
Словно расширено, словно размножено.

Поэты русскіе, тѣ, что такъ прилежны въ хуленіи, и вы горите? Ваши сердца расширены? Вспомните, что Пушкинъ и Тютчевъ говорили о сердцахъ расширенномъ, какъ о сердцахъ вдохновенномъ.

Верхарнъ говоритъ о безумьи, о мщеніи; о томъ, что *падаетъ всяки расчетъ*; о томъ, что страсти, восторги и бредъ ведутъ равно къ подвигу и преступленію; о томъ, что среди нихъ „только *чувется что-то*“ и пока еще „нѣтъ осознанной цѣли и мысли глубокой“.

Поэты русскіе, неужели вы такъ остыли, что безумья и бредъ стали вамъ недоступны? Когда подвигъ—не слово, а дѣло; когда преступленіе—сосѣдъ; когда нужно *что-то* чувствовать, *чувствовать*, какъ завѣщали вамъ старшіе ваши братья отъ Пушкина до Фета и Влад. Соловьева,—вы становитесь расчетливы, какъ ростовщики, боитесь убытковъ, ищите рациональнаго, связнаго, мѣщански-кадетскаго. Не одинъ ли изъ васъ сказалъ недавно: „чья душа пьяна, пусть будетъ палачомъ, такъ говорятъ созвѣздія“ (Вяч. Ивановъ). Не предсказалъ ли другой: „звуковъ хотимъ, но созвучій боимся, празднымъ желаньемъ предѣловъ томимся“ (Зин. Гипшусъ). Не жаловался ли третій: „мы плѣненные звѣри, голосимъ, какъ умѣемъ, глухо заперты двери, мы открыть ихъ не смѣемъ“ (Ө. Сологубъ). Не призывалъ ли четвертый: „Гдѣ вы, грядущіе гунны, что тучей повисли надъ міромъ, слышу вашу топотъ чугунный по еще неоткрытымъ Памирамъ“ (Вал. Брюсовъ). Вы дождались: души пьяны, звуки слились въ созвучья, двери открыты, чугунный топотъ несется отъ родныхъ степенъ—а вы прячете головы подъ подушки, дрожите, клянете, клеветаете. Да полно, поэты ли вы въ самомъ дѣлѣ?

„Чтобъ разбудить раба, его я раню больно, хоть самъ душой нѣжнѣй рѣчного тростника“—пѣлъ десять лѣтъ тому назадъ К. Бальмонтъ. Кто же теперь—рабъ? Кто раненъ, и въ чьей рукѣ ножъ? Кого надо будить и чья душа нѣжна въ сокрытой глубинѣ?

На перекресткѣ ораторъ, продолжаетъ Верхарнъ. Поэтъ не боится разять революцію на составныя части, отдѣлать толпу отъ поводыря. Онъ не боится, что первую обвинять въ темнотѣ, въ невѣдѣніи, въ звѣрствѣ, а второго—въ злоупотребленіи невѣдѣніемъ. Пусть тѣ, кто такъ пронзительно свищутъ, подумаютъ надъ этимъ... *Прежде чѣмъ понять оратора*, толпа устремляется по мановенію руки. Совпаденіе ихъ—за предѣлами пониманія. совпаденіе—раньше словъ, раньше лозунговъ, въ жестѣ, въ кивнѣннн. Сердца на чеку—совѣсть и ярость сдавлены, какъ два враждебныхъ демона, въ одной клѣткѣ. Въ душахъ мученье, ибо и тутъ, въ революціи, достиженья такъ ничтожны, желанія такъ безмѣрны,—здѣсь, какъ и во всѣхъ вдохновеніяхъ человѣческихъ. Крайности сблизилсь. Мѣра нарушена. Царить то, что подл разумомъ, подл расчетомъ, подл страхомъ—чистая воля.

Чуется властная мощь у мгновеніи
И къ созиданію и къ разрушенію.

Вино столь пьяно, что и горечь въ немъ не чувствуется.

А вы, русскіе поэты—что дали вы, кромѣ горечи, въ стихахъ? Вы въ религіозныхъ своихъ чаяніяхъ много говорили о преобразженіи міра. Весь міръ въ часъ преобразженія сойдетъ съ осей—разѣ осуществленіе этой религіозной мечты не въ тысячи разѣ громовѣ громовъ революціи? Въ ней же, въ меньшей, вы нашли только горечь. Кто же теперь повѣритъ вамъ: скорѣе вы поклонитесь чорту, скорѣе зароетесь въ его болотѣ, чѣмъ снесете трескъ ломающихся осей мірозданія! Нѣтъ, вы не предтечи Апокалипсиса, какъ вы увѣряли насъ. Вы, въ своей религіозной горделивости—бѣдные фарисеи и самозванцы. Мало того: вы—плохіе читатели. Вы проглядѣли Байрона. Вы не услышали арфы будущаго въ изящнѣйшемъ эпизодѣ второй части „Фауста“, гдѣ легкій плясунъ-ребенокъ взлетаетъ надъ землею. Вы отвернулись отъ Пушкина. Не для васъ жилъ Лермонтовъ, хотя одинъ изъ васъ и пародировалъ его „Кинжалъ“.

Завтра долгъ, завтра право.
Ихъ зародыль глубоко въ народѣ таится!
Мы не знаемъ зачѣмъ—
Но при каждомъ порывѣ впередъ.
Кровь и горе въ путяхъ мировой колесницы!

Свѣтъ.

С К И Ъ Ы.

Мильоны—вась. Нась тьмы, и тьмы, и тьмы.
    Попробуйте, сразитесь съ нами!
Да, скиѣны—мы! Да, азіаты—мы,
    Съ раскосыми и жадными очами!

Для вась—вѣка, для насъ—единный часъ.
    Мы, какъ послушные холопы,
Держали щитъ межъ двухъ враждебныхъ расъ
    Монголовъ и Европы!

Вѣка, вѣка вашъ старнй горнъ ковалъ
    И заглушалъ грома лавины.
И дикой сказкой былъ для вась провалъ
    И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лѣтъ глядѣли на Востокъ,
    Коия и плава наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срокъ,
    Когда наставить пушекъ жерла!

Вотъ срокъ насталь. Крылами бьетъ бѣда,
    И каждый день обиды множить,
И день предеть—не будетъ и слѣда
    Отъ вашихъ Пестумовъ быть можетъ!

О, старнй мръ! Пока ты не погибъ,
    Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрнй, какъ Эдипъ,
    Предъ Сфинксемъ съ древною загадкой!

Россия—Сфинксъ. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядитъ, глядитъ, глядитъ въ тебя,
И съ ненавистью, и съ любовью!..

Да, такъ любить, какъ любить наша кровь,
Никто изъ васъ давно не любить!
Забыли вы, что въ мирѣ есть любовь,
Которая и жжетъ, и губить!

Мы любимъ все—и жаръ холодныхъ числъ,
И даръ божественныхъ видѣній.
Намъ внятно все—и острый галльскій смыслъ,
И сумрачный германскій гени...

Мы помнимъ все—парижскихъ улицъ адъ,
И венецьянскія прохлады,
Лимонныхъ роцъ далекий ароматъ
И Кельна дымныя громады...

Мы любимъ плоть—и вкусъ ея, и цвѣтъ,
И душный, смертный плоти запахъ...
Винны-ль мы, коль хрустнетъ вашъ скелетъ
Въ тяжелыхъ, нѣжныхъ нашихъ лапахъ?

Привыкли мы, хватая подъ уздцы
Играющихъ коней ретивыхъ,
Ломать конямъ тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивыхъ...

Придите къ намъ! Отъ ужасовъ войны
Придите въ мирныя объятя!
Пока не поздно—старый мечъ въ ножны,
Товарищи! Мы станемъ—братя!

А если нѣтъ,—намъ нечего терять,
И намъ доступно вѣроломство!
Вѣка, вѣка—васъ будетъ проклинять
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрямъ и лѣсамъ
Передъ Европою пригожей
Газступимся! Мы обернемся къ вамъ
Своею азіатской рожей!

Идите всѣ, идите на Уралъ!
Мы очищаемъ мѣсто бою
Стальныхъ машинъ, гдѣ дышетъ интеграль,
Съ монгольской дикою ордою!

Но сами мы—отнынѣ вамъ не щить.
Отнынѣ въ бой не вступимъ сами,
Мы поглядимъ, какъ смертный бой кипитъ,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирѣпный Гуннъ
Въ карманахъ труповъ будетъ шарить,
Жечь города, и въ церковь гнать табунъ,
И мясо бѣлыхъ братьевъ жарить!..

Въ послѣдній разъ—опомнись, старый мѣръ!
На братскій пиръ труда и мира,
Въ послѣдній разъ на свѣтлый братскій пиръ
Сзываетъ варварская лира!

Александръ Блокъ.

30 Января 1918 г.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІА И РЕВОЛЮЦІА.

„Россия гибнет“, „Россіи больше нѣтъ“, „вѣчная память Россіи“, слышу я вокругъ себя.

Но передо мною—Россія: та, которую видѣли въ устрашающихъ и пророческихъ снахъ наши великіе писатели; тотъ Петербургъ, который видѣлъ Достоевскій; та Россія, которую Гоголь назвалъ несущейся тройкой.

Россія—буря. Демократія приходитъ „опоясанная бурей“, говоритъ Карлейль.

Россіи суждено пережить муки, униженія, раздѣленія; но она выйдетъ изъ этихъ униженій новой и—по новому—великой.

Въ томъ потокѣ мыслей и предчувствій, который захватилъ меня десять лѣтъ назадъ, было смѣшанное чувство Россіи: тоска, ужасъ, покаяніе, надежда.

То были времена, когда царская власть въ послѣдній разъ достигла, чего хотѣла: Витте и Дурново скрутили революцію веревкой; Столыпинъ крѣпко обмоталъ эту веревку о свою нервную дворянскую руку. Столыпинская рука слабѣла. Когда не стало этого послѣдняго дворянина, власть, по выраженію одного весьма сановнаго лица, перешла къ „поденщикамъ“; веревка ослабла и безъ труда отвалилась сама.

Все это продолжалось немного лѣтъ; но немногіе годы легли на плечи, какъ долгая, безсонная, наполненная призраками ночь.

Распутинъ—все, Распутинъ—всюду; Азефы разоблаченные и неразоблаченные; и, наконецъ, годы европейской бойни; казалось минуту, что она очиститъ воздухъ; казалось намъ, людямъ чрезмѣрно впечатлительнымъ; на самомъ дѣлѣ, она оказалась достойнымъ вѣнцомъ той лжи, грязи и мерзости, въ которыхъ купалась наша родина.

Что такое война?

Болота, болота, болота; поросшая травой, или занесенная снѣгомъ; на западѣ—унылый нѣмецкій прожекторъ—шарить—изъ ночи въ ночь; въ солнечный день появляется нѣмецкій фоккеръ; онъ упрямо летитъ одной и той же дорожкой; точно въ самомъ небѣ можно протоптать и загадить дорожку; вокругъ него разбѣгаются дымки: бѣлые, сѣрые, красноватые (это мы его обстрѣливаемъ, почти никогда не попадая; также, какъ и нѣмцы—насъ); фоккеръ стѣсняется, колеблется, но старается держаться своей поганой дорожки; иной разъ, методически сброситъ бѣмбу; значитъ, мѣсто, куда онъ цѣлитъ, истыкано на картѣ десятками рукъ нѣмецкихъ штабныхъ; бомба упадетъ, иногда—на кладбище, иногда—на стадо скотовъ, иногда—на стадо людей; а чаще, конечно, въ болото; это—тысячи народныхъ рублей въ болотѣ.

Люди глазѣютъ на все это, изнывая отъ скуки, пропадаая отъ бездѣлья; сюда успѣли перетащить всю гнусность до военныхъ квартиръ: измѣны, картежъ, пьянство, ссоры, сплетни.

Европа сошла съ ума: цвѣтъ человѣчества, цвѣтъ интеллигенции сидитъ годами въ болотѣ, сидитъ съ убѣжденіемъ (пессимистъ ли это?) на узенькой тысяче-верстной полоскѣ, которая называется „фронтъ“.

Люди—крошечные, земля—громадная. Это вздоръ, что мировая война такъ замѣтна: довольно маленькаго клочка земли, опушки лѣса, одной полянки, чтобы уложить сотни труповъ людскихъ и лошадиныхъ. А сколько ихъ можно свалить въ небольшую яму, которую скоро затянетъ трава, или запорошитъ снѣгъ! Вотъ одна изъ осозаемыхъ причинъ того, что „великая европейская война“ такъ убога.

Трудно сказать, что тошнотворнѣе: то кровопролитіе, или то *бездѣлье*, та *скука*, та *пошлятина*; имя обоемъ—„великая война“, „отечественная война“, „война за освобождение угнетенныхъ народностей“, или какъ еще? Нѣтъ, подѣ этимъ знакомъ—никого не освободить.

Вотъ, подѣ игомъ грязи и мерзости заустѣнны, подѣ бременемъ сумасшедней скуки и безмысленнаго бездѣлья, люди какъ-то разсѣялись, замолчали и ушли въ себя: точно, сидѣли подѣ колпаками, изъ которыхъ постепенно выкачивался воздухъ. Вотъ когда дѣйствительно хамѣло человѣчество, и въ частности—россійскіе патриоты!

Потокъ предчувствій, про шумѣвшій надъ иными изъ насъ между двухъ революцій, также ослабѣлъ, заглохъ, ушелъ гдѣ-то въ землю. Думаю, не я одинъ испытывалъ чувство болѣзни и тоски въ годы 1909—1916. Теперь, когда весь европейскій воздухъ измѣненъ русской революціей, начавшейся „безкровной идилией“ февральскихъ дней и растущей безостановочно и грозно, кажется иногда, будто и не было тѣхъ недавнихъ, такихъ древнихъ и далекихъ годовъ; а потокъ, ушедшій въ землю, протекавшій безшумно въ глубинѣ и тѣмѣ,—вотъ онъ опять шумитъ; и въ шумѣ его—новая музыка.

Мы любили эти диссонансы, эти ревы, эти звоны, эти неожиданные переходы... въ оркестрѣ. Но, если мы ихъ *дѣйствительно любили*, а не только щекотали свои нервы въ модномъ театральномъ залѣ послѣ обѣда,—мы должны слушать и любить тѣ же звуки теперь, когда они вылетаютъ изъ мирового оркестра: и, слушая, понимать, что это—о томъ же, все о томъ же.

Музыка, вѣдь, не игрушка; а та *бестія*, которая полагала, что музыка—игрушка,—и веди себя теперь, какъ бестія: дрожи, пресмыкайся, береги свое добро!

Мы, русские, переживаемъ эпоху, имѣющую немного равныхъ себѣ по величію. Вспоминаются слова Тютчева:

Блаженъ, кто посѣтилъ сей мѣръ
Въ его минуты роковыя,
Его призвали всеблагіе,
Какъ собѣдника на пирь,
Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель...

Но дѣло художника — смотрѣть за тѣмъ, какъ исполняется задуманное, печься о томъ, исполнится оно, или нѣтъ. У художника—все бытовое, житейское, быстро смѣняющееся — пайдетъ свое выраженіе потомъ, когда перегоритъ въ жизни. Тѣ изъ насъ, кто уцѣлѣетъ, кого не „изомнетъ съ налету вихорь шумный“, окажутся властителями неисчислимыхъ духовныхъ сокровищъ. Овладѣть ими, вѣроятно, сможетъ только новый гений, пушкинскій Арюнь; онъ, „выброшенный волною на берегъ“, будетъ пѣть „прежние гимны“ и „ризу влажную свою“ сушить „на солнцѣ, подъ скалою“.

Дѣло художника, *обязанность* художника—видѣть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремитъ „разорванный вѣтромъ воздухъ“.

Что же задумано?

Передѣлать все. Устроить такъ, чтобы все стало новымъ; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда *также* замыслы, искони, таящиеся въ человѣческой душѣ, въ душѣ народной, разрываютъ сковывавшіе ихъ путы и бросаются бурнымъ потокомъ, доламывая плотины, обсыпая лишние куски береговъ, это называется революціей. Меньшее, болѣе умѣренное, болѣе низменное—называется мятежомъ, бунтомъ, переворотомъ. Но *это*—называется *революціей*.

Она сродни природѣ. Горе тѣмъ, кто думаетъ найти въ революціи исполненіе только своихъ мечтаній, какъ бы высоки и благородны они ни были. Революція, какъ грозовой вихрь, какъ снѣжный буранъ, всегда несетъ новое и неожиданное; она жестоко обманываетъ многихъ; она легко калѣбитъ въ своемъ водоворотѣ достойнаго; она часто выноситъ на сушу невредимыми недостойныхъ; но это—ея частности; это не мѣняетъ ни общаго направленія потока, ни того грознаго и оглушительнаго гула, который издаетъ потокъ. Гулъ этотъ, все равно, всегда—*о великомъ*.

Размахъ русской революціи, желающей охватить весь міръ (меньшаго истинная революція желать не можетъ, исполнится это желаніе или нѣтъ,—гадать не намъ), таковъ: она лелѣетъ надежду поднять мировой циклонъ, который донесетъ въ заметенныя снѣгомъ страны—теплый вѣтеръ и нѣжный запахъ апельсиновыхъ рощъ; увлажитъ спаленныя солнцемъ степи юга—прохладнымъ сѣвернымъ дождемъ.

„Миръ и братство народовъ“—вотъ знакъ, подь которымъ проходитъ русская революція. Вотъ о чемъ реветъ ея потокъ. Вотъ музыка, которую имѣющій уши—долженъ слышать.

Русскіе художники имѣли достаточно „предчувствій и предвѣстій“ для того, чтобы ждать отъ Россіи именно такихъ заданій. Они никогда не сомнѣвались въ томъ, что Россія—большой корабль, которому суждено большое плаванье. Они, какъ и народная душа, ихъ вспоившая, никогда не отличались расчетливостью, умѣренностью, аккуратностью: „все, все, что гибелью грозитъ“, тайло для нихъ „неизъяснимы наслажденья“ (Пушкинъ). Чувство неблагополучія, незнаніе о завтрашнемъ днѣ сопровождало ихъ

повсюду. Для нихъ, какъ для народа, въ его самыхъ глубокихъ мечтахъ, было *все или ничего*. Они знали, что только о прекрасномъ стоитъ думать, хотя „прекрасное трудно“, какъ училъ Платонъ.

Великіе художники русскіе—Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Толстой—погружались во мракъ, но они же имѣли силы пребывать и таиться въ этомъ мракѣ: ибо они вѣрили въ свѣтъ. Они знали свѣтъ. Каждый изъ нихъ, какъ весь народъ, выносившій ихъ подъ сердцемъ, скрежеталъ зубами во мракѣ, отчаянни, часто—злобѣ. Но они знали, что рано или поздно, *все будетъ по новому*, потому что *жизнь прекрасна*.

Жизнь прекрасна. Зачѣмъ жить тому народу, или тому чловѣку, который втайнѣ разувѣрился во всемъ? Который разочаровался въ жизни, живетъ у нея „на подаяни“, „изъ милости“? Который думаетъ, что жить „не особенно плохо, но и не очень хорошо“, ибо „все идетъ своимъ путемъ“: путемъ... эволюционнымъ; люди же такъ, вообще, плохи и несовершенны, что дай имъ только Богъ прокряхтѣть свой вѣкъ кое-какъ, сколачиваясь въ общества и государства, ограждаясь другъ отъ друга стѣнками правъ и обязанностей, условныхъ законовъ, условныхъ отношеній...

Такъ думать не стоитъ; а тому, кто такъ думаетъ, вѣдь, и жить не стоитъ. Умереть легко: умереть можно безболѣзненно; сейчасъ въ Россіи—какъ никогда: можно даже безъ поа; поль не обидитъ отпѣвальной взяткой...

Жить стоитъ только такъ, чтобы предъявлять безмѣрныя требованія къ жизни: все, или ничего; ждать неожиданнаго; вѣрить не въ „то, чего нѣтъ на свѣтѣ“, а въ то, что должно быть на свѣтѣ; пусть сейчасъ этого нѣтъ, и долго не будетъ. Но жизнь отдастъ намъ это, ибо она—*прекрасна*.

Смертельная усталость смѣняется животной бодростью. Послѣ крѣпкаго сна приходятъ свѣжія, умытыя сномъ мысли; среди бѣла дня, онѣ могутъ показаться *дурацкими*, эти мысли. Лжетъ бѣлый день.

Надо же почуять, откуда плывутъ такія мысли. Надо вотъ сейчасъ понять, что народъ русскій, какъ Иванушка-дурачекъ, только что съ кровати схватился, и что въ его мысляхъ, для старшихъ братьевъ, если не враждебныхъ, то дурацкихъ, есть великая творческая сила.

Почему „учредилка“? (Между прочимъ, это вовсе на такъ обидно. У крестьянъ есть обычное—„потребилка“).—Потому, что

мы сами ряздили о „выборныхъ агитацяхъ“, сами судили чиновниковъ за „злоупотребленія“ при этихъ агитацяхъ; потому что самыя цивилизованныя страны (Америка, Франція) сейчасъ захлебнулись въ выборномъ мошенничествѣ, выборномъ взяточничествѣ.

Потому, что (я по дурачки) самому все хочется „проконтролировать“, самъ все могу, не желаю, чтобъ меня „представляли“ (въ этомъ—великая жизненная сила: сила Θомы невѣрнаго); потому еще, что нѣкогда въ многоколонномъ залѣ раздастся трубный голосъ весьма сановнаго лица: „законопроектъ такой то въ тридцать девятомъ чтеніи отклоняется“; въ этомъ трубномъ голосѣ будетъ такой тупой, такой страшный сонъ, такой громовой зѣвокъ „организованной общественности“, такой ужасъ безъ имени, что опять и опять наиболѣе чуткіе, наиболѣе музыкальные изъ насъ (русскіе, французы, нѣмцы—всѣ одинаково) бросятся въ „индивидуализмъ“, въ „бѣгство отъ общественности“, въ глухую и одинокую ночь. Потому, наконецъ, что Богъ одинъ вѣдаетъ, какъ выбирала, кого выбирала, куда выбирала неграмотная Россія сегодняшняго дня; Россія, которой нельзя втолковать, что Учредительное Собрание—не царь.

Почему „долой суды“?—Потому, что есть томы „уложеній“ и томы „разъясненій“; потому, что—судья—баринъ и „аблакать“—баринъ толкуютъ промежь себя о „деликтѣ“; происходитъ „судоговореніе“; надъ несчастной головой жулика оно происходитъ. Жуликъ—онъ жуликъ и есть; ужъ согрѣшилъ, ужъ потерялъ душу; осталась одна злоба, или однѣ покаянныя слезы: либо удрать, либо на каторгу; только бы съ глазъ долой. Чего же еще надъ нимъ, напакостившимъ, измываться?

Либеральнаго „аблаката“ описалъ Достоевскій; Достоевскаго при жизни травили, а послѣ смерти назвали „пѣвцомъ униженныхъ и оскорбленныхъ“. Описалъ еще то, о чемъ я говорю, Толстой. А кто обносилъ рѣшеточкой могилу этого чудака? Кто теперь голосить о томъ, какъ бы надъ этой могилой не „надругались“? А почему вы знаете, можетъ быть, радъ бы былъ Левъ Николаевичъ, еслибъ на его могилкѣ поплевали и побросали окурковъ? Плевки—Божьи, а рѣшеточка—не особенно.

Почему дырявятъ древній соборъ?—Потому, что сто лѣтъ здѣсь ожирѣвшій попъ, икая, бралъ взятки и торговалъ водкой.

Почему гадятъ въ любезныхъ сердцу барскихъ усадьбахъ?—Потому, что тамъ насиловали и пороли дѣвокъ: не у того барина, такъ у сосѣда.

Почему валять столѣтне парки?—Потому, что сто лѣтъ подь ихъ развѣсистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали въ носъ нищему—мошной, а дураку—образованностью.

Я знаю, что говорю. Конемъ этого не объѣдешь. Замалчивать этого нѣтъ возможности; а всѣ, однако, замалчиваютъ.

Я не сомнѣваюсь ни въ чьемъ личномъ благородствѣ, ни въ чьей личной скорби; но вѣдь мы отвѣчаемъ за прошлое? Мы—звенья единой цѣпи. Или на насъ не лежатъ грѣхи отцовъ?—Если этого не чувствуютъ всѣ, то это должны чувствовать „лучше“.

Не безпокойтесь. Неужели можетъ пропасть хоть крупинка истинно-цѣннаго? Мало мы любили, если трусимъ за любимое. „Совершенная любовь изгоняетъ страхъ“. Не бойтесь разрушенія кремлей, дворцовъ, картинъ, книгъ. Беречь ихъ для народа надо; но, потерявъ ихъ, народъ не все потеряетъ. Дворецъ разрушаемый—не дворецъ. Кремль, стираемый съ лица земли,—не кремль. Царь, самъ свалившійся съ престола,—не царь. Кремли у насъ въ сердцѣ, цари—въ головѣ. Вѣчныя формы, намъ открывшіяся, отнимаются только вмѣстѣ съ сердцемъ и съ головой.

Что же вы думали? Что революція—идиллія? Что творчество ничего не разрушаетъ на своемъ пути? Что народъ—паинька? Что сотни обыкновенныхъ жуликовъ, провокаторовъ, черносотенцевъ, людей, любящихъ погрѣть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежитъ? И, наконецъ, что такъ „безкровно“ и такъ „безболѣзненно“ и разрѣшится вѣковая распря между „черной“ и „бѣлой“ костью, между „образованными“, и „необразованными“ между интеллигенціей и народомъ?

Не васъ ли надо будить теперь отъ „вѣкового сна“? Не вамъ ли надо крикнуть: „*poli tangere circulos meos*“? Ибо вы мало любили, а съ васъ много спрашивается, больше, чѣмъ съ кого-нибудь. Въ васъ не было этого хрустального звона, этой музыки любви, вы оскорбляли художника—пусть художника,—но черезъ него вы оскорбляли самую душу народную. Любовь творить чудеса, музыка завораживаетъ звѣрей. А вы (всѣ мы) жили безъ музыки и безъ любви. Лучше ужъ молчать сейчасъ, если нѣтъ музыки, не слышать музыки. Ибо все, кромѣ музыки, все, что безъ музыки, всякая „сухая матерія“—сейчасъ только

разбудить и озлить звѣря. До человѣка безъ музыки сейчасъ достучаться нельзя.

А лучше люди говорятъ: „Мы разочаровались въ своемъ народѣ“; лучше люди ехидничаютъ, надмеваются, злобствуютъ, не видятъ вокругъ ничего, кромѣ хамства и звѣрства (а человѣкъ—тутъ рядомъ); лучше люди говорятъ даже: „никакой революци и не было“; тѣ, кто мѣста себѣ не находилъ отъ ненависти къ „царизму“, готовы опять броситься въ его объятія, только бы забыть то, что сейчасъ происходитъ; вчерашніе „пораженцы“ ломаютъ руки надъ „германскимъ засильемъ“; вчерашніе „интернационалисты“ плачутся о „Святой Руси“; безбожники отъ рождения готовы ставить свѣчки, молясь объ одолѣніи врага внѣшняго и внутренняго.

Не знаю, что страшнѣе: красный пѣтухъ и самосуды въ одномъ станѣ, или эта гнетущая немзыкальность—въ другомъ.

Я обращаюсь вѣдь къ „интеллигенці“, а не къ „буржуазіи“. Той никакая музыка, кромѣ фортепьянъ,—не снилась. Для той все очень просто: „въ ближайшемъ будущемъ наша возьметъ“, будетъ „порядокъ“, и все—по старому; граждански долгъ заключается въ томъ, чтобы беречь добро и шкуру; пролетаріи—„мерзавцы“; слово „товарищъ“—ругательное; свое уберегъ—и сутки прочь: можно и посмѣяться надъ дураками, задумавшими всю Европу взбаламутить; потрясти брюхомъ, благо удалось урвать гдѣ-нибудь лишній кусокъ.

Съ этими—не поспоришь, ибо дѣло ихъ—безспорное: брюшное дѣло. Но вѣдь это—„полупросвѣщенные“ или совсѣмъ „непросвѣщенные“ люди; слышали они развѣ только о томъ, что нахрюкали имъ въ семьѣ и школѣ. Что нахрюкали, то и спрашивается:

Семья: „Слушайся папу и маму“. „Прикапливай деньги къ старости“. „Учись, дочка, играть на рояли, скоро замужъ выйдешь“. „Не играй сынокъ съ уличными мальчишками, чтобы не опорочить родителей и не изорвать пальто“.

Нижняя школа: „Слушайся наставниковъ и почитай директора“. „Ябедничай на скверныхъ мальчишекъ“. „Получай лучшія отмѣтки“. „Будь первымъ ученикомъ“. „Будь услужливъ и угодливъ“. „Паче всего—Законъ Божій“.

Средняя школа: „Пушкинъ—наша національная гордость“. „Пушкинъ обожалъ царя“. „Люби царя и отечество“. „Если не будете исповѣдываться и причащаться, вызовутъ родителей и

сбавять за поведене“. „Замѣчай за товарищами, не читаетъ ли кто запрещенныхъ книгъ“. „Хорошенькая горничная—ты“.

Высшая школа: „Вы—соль земли“. „Существованіе Бога доказать невозможно“. „Человѣчество движется по пути прогресса, а Пушкинъ воспѣвалъ женскія ножки“. „Вамъ еще рано принимать участіе въ политической жизни“. „Царю показывайте кукишъ въ карманѣ“. „Замѣйте, кто говорилъ на сходкѣ“.

Государственная служба: „Врагъ внутренній есть студентъ“. „Бабенка недурна“. „Я тебѣ покажу, какъ разсуждать“. „Сегодня прѣдетъ его превосходительство, всѣмъ быть на мѣстахъ“. „Слѣдите за Ивановымъ и доложите мнѣ“.

Что спрашивать съ того, кто все это добросовѣстно слушалъ, и кто всему этому повѣрилъ? Но вѣдь интеллигенты, кажется, переоцѣнили всѣ эти цѣнности? Имъ приходилось вѣдь слышать и другія слова? Вѣдь ихъ просвѣщали наука, искусство и литература? Вѣдь они пили изъ источниковъ не только загаженныхъ, но также—изъ источниковъ прозрачныхъ и головокружительно бездонныхъ, куда взглянуть опасно, и гдѣ вода поетъ неслыханныя для непосвященныхъ пѣсни?

У буржуа—почва подъ ногами опредѣленная, какъ у свиньи—навозъ: семья, капиталъ, служебное положеніе, орденъ, чинъ, Богъ на иконѣ, царь на тронѣ. Вытащи это—и все полетитъ вверхъ тормашками.

У интеллигента, какъ онъ всегда хвалился, такой почвы никогда не было. Его цѣнности невещественны. Его царя можно отнять только съ головой вмѣстѣ. Умѣнье, знанье, методы, навыки, таланты—имущество кочевое и крылатое. Мы бездомны. Безсемеины, безчинны, нищи—что же намъ терять?

Стыдно сейчасъ надмеваться, ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать надъ Россіей, надъ которой пролетаетъ революціонный циклонъ.

Значитъ, рубили тотъ сукъ, на которомъ сидѣли? Жалкое положеніе: со всѣмъ сладострастьемъ ехидства подкладывали въ кучу отсырѣвшихъ подъ снѣгами и дождями корягъ—сухія полѣшки, стружки, щепочки; а когда пламя вдругъ вспыхнуло и взвилось до неба (какъ знамя),—бѣгать кругомъ и кричать: Ахъ, ахъ, сгоримъ!

Я не говорю о политических дѣятеляхъ, которымъ „тактика“ и „моментъ“ не позволяютъ показывать душу. Думаю, не такъ ужъ мало сейчасъ въ Россіи людей, у которыхъ на душѣ весело, которые хмурятся по обязанности.

Я говорю о тѣхъ, кто политики не дѣлаютъ; о писателяхъ, напримѣръ; если они дѣлаютъ политику, то грѣшатъ противъ самихъ себя, потому что „за двумя зайцами погонишься—ни одного не поймашь“; политики не сдѣлаютъ, а свой голосъ потеряютъ. Я думаю, что не только право, но и обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы быть нетактичными, „безтактными“: слушать ту великую музыку будущаго, звуками которой наполненъ воздухъ, и не выискивать отдѣльныхъ визгливыхъ и фальшивыхъ нотъ въ величавомъ ревѣ и звонѣ мирового оркестра.

Русской интеллигенціи—точно медвѣдь на ухо наступилъ: мелкіе страхи, мелкія словечки. Не стыдно ли издѣваться надъ безграмотностью какихъ-нибудь объявленій или писемъ, которыя писаны доброй, но неуклюжей рукой? Не стыдно ли гордо отмалчиваться на „дурацкіе“ вопросы? Не стыдно ли прекрасное слово „товарищъ“ произносить въ ковычкахъ?

Это—всякій лавочникъ умѣетъ. Этимъ можно только озлобить человѣка и разбудить въ немъ звѣря.

Какъ аукнется—такъ и откликнется. Если считаете всѣхъ жуликами, то одни жулики къ вамъ и придутъ. На глазахъ—сотни жуликовъ, а за глазами—милліоны людей, пока „непросвѣщенныхъ“, пока „темныхъ“. Но просвѣтятся они не отъ васъ.

Среди нихъ есть такіе, которые сходятъ съ ума отъ самосудовъ, не могутъ выдержать крови, которую пролили въ темнотѣ своей; такіе, которые бьютъ себя кулаками по несчастной головѣ: мы—глупые, мы понять не можемъ; а есть и такіе, въ которыхъ дремлютъ творческія силы; они могутъ въ будущемъ сказать такія слова, какихъ давно не говорила наша усталая, несвѣжая и книжная литература.

Надменное политикаство—великій грѣхъ. Чѣмъ дольше будетъ гордиться и ехидствовать интеллигенція, тѣмъ страшнѣе и кровавѣе можетъ стать кругомъ. Ужасна и опасна эта эластичная, сухая, невкусная „адогматическая догматика“, приправленная снисходительной душевностью. За душевностью—кровь. Душа кровь притягиваетъ. Бороться съ ужасами можетъ лишь духъ. Къ чему загоразживать душевностью пути къ духовности? Прекрасное и безъ того трудно.

А духъ есть музыка. Демонъ нѣкогда повелѣлъ Сократу
слушаться духа музыки.

Всѣмъ тѣломъ, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ сознаниемъ—слушайте
Революцію.

Александръ Блокъ.

Январь 1918.

КРАСНЫЙ ВАЛЬ.

(Социальный романъ изъ революционныхъ нравовъ).

Л. РОНИ-Старшій.

Синдикаты и антимиитаризмъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Надвигались апрѣльскія сумерки. Зловѣщее солнце катилось къ предвѣстью. Багровѣя къ закату, оно разверзло пасть своего горна надъ вершиной тополя, межъ двухъ высокихъ, какъ колокольни, фабричныхъ трубъ.

На дорогѣ, недалеко отъ Жантильи, остановился человѣкъ. Онъ созерцалъ жалкую и мощную картину, ядоносные клубы дыма и вечерній закатъ, живой и юный, какъ во времена кельтической Галли. Несмотря на крыши, на горы, на трубы, на жесткія очертанія фабрикъ, несмотря на трамваи, автомобили, локомотивы, все было какъ во времена первыхъ людей, земля сочеталась съ солнцемъ, и вся мощь потонула въ этомъ безмѣрномъ огненномъ просторѣ: дѣвственные лѣса и грандіозныя сооружения не противоположны другъ другу. Это аналогичныя вещи.

Поднявъ зажатую въ кулакѣ дубину, человѣкъ буркнулъ:

— Пора покончить съ углемъ!

Отъ мѣловой пыли побѣлѣли его башмаки и носѣрѣли широкія крылья шляпы. У него были матовыя щеки, длинная, дикаго цвѣта, борода и широко раскрытые, ласковые, горяще глаза необычайной искренности, глаза, которые загорались и гасли внезапно. Сложеніемъ онъ былъ коренастъ, но не тяжелъ. Ноги, какъ у добраго пѣхотинца, гибкія, правильныя. На ходу онъ ихъ капельку сгибалъ, что усугубляетъ выносливость. Это былъ самецъ, сооруженный на славу, свѣжій тѣломъ и приспособленный для произведенія многочисленнаго потомства.

Удивленный видомъ народа, сновавшаго по полямъ, онъ спросилъ у какого-то садовника, который налаживалъ рукоятки къ косамъ:

— Что тутъ такое?

— А тамъ обвалъ въ каменоломнѣ, гдѣ роютъ колодезь. Люди говорятъ, десять человѣкъ убило.

— Это отвратительно!—воскликнулъ человекъ.

Онъ пошелъ за садовникомъ. Направо отъ Жантильи, на паровомъ полѣ, вокругъ сарая, толпа кишѣла. Полиция сдерживала ее слегка, и среди земляныхъ кучъ, столбовъ и досокъ, какъ одержимые, трудились рабочіе; нѣкоторыхъ видно было только по поясъ. Человекъ смѣшался съ народомъ, стараясь понять, въ чемъ дѣло. Въ концѣ концовъ ему удалось узнать, что трехъ шахтеровъ завалило, и, чтобы ихъ вытащить, работаютъ уже часъ. Но по мѣрѣ очистки, шансы какъ будто убываютъ.

— Придется позвать инженера!—объявилъ каменщикъ съ длиннымъ черепомъ.—А еще машины. Потому въ людяхъ тутъ недостатка нѣту, излишекъ... мѣстовъ не хватаетъ.

Онъ указалъ на нѣсколькихъ, которые тоже порывались спастись, и полиция ихъ тихонько отстраняла. Одинъ изъ нихъ, кривоногий человекъ съ несочной бородой голосилъ:

— Я самъ, Изидоръ Пурайль, двоюродный тому Прежелю, что тамъ похороненъ, палъ жертвой алчности капиталистовъ. Можетъ я его и спасу!..

— Развѣ вы не видите, что здѣсь народу довольно! Да вы и не шахтеръ.

— Если захочу, я буду шахтеромъ! Я земляникъ и всѣ эти подходы знаю.

Цѣлыхъ двѣ минуты онъ упивался своимъ гнѣвомъ. Слова лились по волѣ рюмочекъ п бѣлаго вина. Наконецъ онъ стихъ и и объявилъ мрачно:

— Его смерть останется на вашей совѣсти.

Толпа стекалась призрачная, угрюмая, смутная, хаотичная, пропитанная сплетней; то отхлынетъ, то вдругъ взволнуется, то вознегодуетъ. Сумерки тяготѣли надъ нею, не давая ей слиться въ одну единую душу. Нѣтъ, нѣтъ, и опять разобьется. Здѣсь не зарождалось то сляпаніе жизней, которое въ тѣсныхъ сборищахъ выдѣляетъ энергію, подобную химическимъ соединениямъ. Торопливые люди на минуту примыкали къ общей массѣ и отрывались; женщины скоплялись болтливыми островками, уличные мальчишки скользили по рядамъ и произносили мерзости.

Красный пепелъ между тѣмъ угасалъ на западѣ. Фонари, зажженные вокругъ колодца, взбудоражили толпу. Смутныя видѣнія приковали взоры: драма, смерть, небылица вызвали броженіе въ сердцахъ. Потомъ выпивка и закуска увлекли. Клубки разматывались въ сумеречномъ пространствѣ по направленію къ Жантильи, въ сторону укрѣпленій, вдоль окольныхъ тропинокъ.

Человекъ очутился въ кучкѣ рабочихъ, у вылаза Липъ. Изидоръ Пурайль распространялъ здѣсь запахъ земли и водочнаго завода. Онъ бормоталъ глухо и трудно. Требовалъ немедленнаго разрѣшенія, предъявлялъ протори и убытки, домогался заключенія въ тюрьму, вмѣшательства государства и забастовки землекоповъ. Прошли черезъ улицу Брилья-Саваренъ. По ту

сторону длинной стѣны, отдѣляющей желѣзную дорогу, показались деревянные бараки, сооружения изъ бревенъ, пирамиды угля. Напротивъ—ограда изъ кривыхъ деревьевъ и, среди утесовъ—фабрики, дома, избушки, мрачная труба. На откосахъ еще дома и другія избушки, островки кустарниковъ, сорныя травы, пѣвѣты, забрызганныя сажей: уголокъ жалкой и упорной природы. То, что встрѣчаешь на краю минъ и угольниковъ. Дальше, снова каменные холмы, искромсанные, какъ береговые утесы, наверху—жалкія хижины, дальше—домики разбойныхъ временъ, деревья такого вида, точно изъ нихъ долженъ сыпаться бутъ или кирпичъ, низкія двери, ведущія въ коридоры притоновъ, гдѣ горятъ огарки, бальзаковскія лавченки, горѣлыя, нескладныя, дѣрвяныя, съ обвалившимися передами, съ крыльцомъ готовымъ обрушиться вмѣстѣ со своей ржавой баллюстрадой, съ прилазкомъ, гдѣ валяются безмысленные и волнующе товары...

— Пойдемъ, выпьемъ стаканчикъ,—предложилъ Пурайль.

Они вошли къ „Дѣтямъ Лозы“ въ приземистый, отсырѣвшій кабачекъ, куда можно было натолкать пятьдесятъ человѣкъ народу. Столы ржавѣли на терраскѣ. Вокругъ, теряясь изъ вида простиралась земля безумія, человѣческая грубая почва, гнилые домишки, заводы, фабрики, дровяные дворы, публичные дома, построенные въ уединенныхъ мѣстахъ, пустыри, заросли, печальныя равнины, скопища нечистотъ. Подъ сѣнью вывѣздившейся мглы разстилалась мощная, безпутная и возбуждательная картина. Человѣкъ окинулъ ее долгимъ взглядомъ и потеръ ладони:

— Бродягамъ тутъ лафа!

Явились абсенты, пиво, водка. Изидоръ Пурайль схватилъ стаканчикъ и уставился въ него своимъ куринымъ глазомъ. Онъ влилъ туда капельку жидкости и однимъ глоткомъ хватилъ половину. Затѣмъ, сердито и радостно припечаталъ:

— Ежели этимъ, которые обрушились, теперь капутъ, виноваты будутъ предприниматели, а больше никто!

— Развѣ можно знать?—произнесъ тихій субъектъ сократическаго вида, по имени Жюль Катэнъ, и по прозвищу Тома:—Я говорю, что всего нельзя предвидѣть. Земля убитая; какъ ты ее не понимай, а бываетъ такъ, что она жестче всякаго ремня.

— Э, поди ты, паршивый желтякъ.—ухмыльнулся Пурайль,—ежели мой двоюродный скапуться, онъ издохнетъ по милости эксплуататоровъ. Стоитъ еще ихъ оправдывать! Я то ихъ малость знаю: кабы мы имъ были не нужны, они бы насъ разстрѣляли!

Человѣкъ потрясъ бородой и пробормоталъ:

— Онъ правъ. Между нами и буржуазіей ничего общаго быть не можетъ!

Слова были древнія. Самые молодые изъ нихъ слышали ихъ тысячу разъ. Но на все есть манера. Надъ головами двигалась значительная, упорная, таинственная физиономія человѣка. Его открытый взоръ горѣлъ и поражалъ своей искренностью.

Онъ пробуждалъ любопытство однимъ жестомъ, и необычайность жеста подчеркивала силу.

— Нѣтъ!—повторилъ онъ возвышая голосъ, эксплуататоры и рабоче не могутъ сговориться и не должны сговариваться. Это было бы противъ природы!

— Почему?—спросилъ Катэнь:—Это все равно какъ сказать, что машину нельзя подмазывать, будетъ противъ природы.

— Это все равно,—возразилъ тотъ съ увлеченіемъ,—какъ лошади и люди не могутъ сговориться! Лошадь должна подчиняться и только, а человѣкъ распоряжается, и все тутъ. И было бы смѣшно, кабы было иначе.

— Ты намъ не льстишь однако,—возразилъ Тома:—Коли ты лошадь, тогда ужъ конечно дѣлать нечего. Но если ты человѣкъ, какъ и капиталисты, сговориться можно. Это изъ твоего же сравненія выходитъ.

— Если мы люди, намъ остается только доказать это. И мы сможемъ доказать это только въ тотъ день, когда мы перестанемъ трудиться, какъ безсмысленныя животныя.

— Я не говорю, чтобы намъ не бороться за лучшее. Въ томъ наше право и долгъ. Я только спрашиваю, почему мы не можемъ придти къ соглашенію? Почему намъ не быть въ одно время и капиталистами и рабочими?

— Я уже сказалъ,—спокойно повторилъ человѣкъ,—по тому что это противъ природы.

Онъ поднялся. И казалось, что онъ смотритъ очень далеко, въ пространство мрака, за очертанія Бюттъ-о-Кайль.

— Это противъ природы,—опять повторилъ онъ,—потому что нашъ инстинктъ, также, какъ инстинктъ животныхъ, отъ которыхъ мы происходимъ, состоитъ въ томъ, чтобы силой уберечь то, что завоевано, или взять силой. Если мы обратимся къ эксплуататорамъ, мы будемъ посрамлены и обмануты. Это неизбежно. Они бы и сами не могли сдѣлать лучше, если-бъ даже пожелали. То положеніе, которое они занимаютъ и должны отстаивать, ихъ къ этому обязываетъ. Если бы иначе было, тогда бы въ ту пору, когда еще отцы наши подняли знамя социализма, буржуазія улучшила бы нашу судьбу. Многие были заряжены добрыми намереніями; многие хныкали надъ злосчастіемъ рабочаго человѣка; многие проповѣдывали помощь народу. Въ итогѣ, капиталистъ ни одной минуты не спустилъ, издѣвается надъ нами неустанно, притѣсняетъ насъ все такъ же, а можетъ и больше прежняго.

— Улучшеніе есть!—возразилъ Катэнь.

— Можетъ быть. Но мы обязаны этимъ только себѣ. Наши стачкамъ, нашимъ требованіямъ, тому страху, который мы внушаемъ, а еще враждѣ партій, той борьбѣ, которая раздѣляетъ имущихъ. И какая это бездѣлица! Какая малость по сравнению съ прогрессомъ научнымъ! Сейчасъ человѣчество распознаетъ махинаціей въ десять разъ сильнѣйшей, нежели въ

1848 году. Если-бъ только захотѣть, ничего нѣтъ легче, какъ снабдить каждаго обильной пищей, просторнымъ помѣщенемъ, удобнымъ платьемъ, отдыхомъ, досугомъ, даже роскошью,— я подразумеваю тѣ удобства, которыя еще называютъ роскошью и которыя потомъ будутъ такъ просты. Эксплуататоры этого не желаютъ и не могутъ! Не хотятъ потому, что боятся, какъ бы всеобщее благополучіе не лишило ихъ чудовищныхъ привилегій; не могутъ потому, что самая система капиталистической производительности роковымъ образомъ суживаетъ взгляды, потому что конкуренція уже по самой сущности требуетъ безпощадной траты силъ, наконецъ, потому, что весь режимъ мѣшаетъ расцвѣту народной мысли, что онъ насъ притупляетъ, ослабляетъ, лишаетъ смѣлости, на фабрикѣ, на заводѣ, на верфи, въ конторѣ, въ казармѣ, на пашнѣ! Капиталистическій режимъ, это гнетъ меньшинства, направленный на большинство. Этотъ гнетъ приведетъ меньшинство къ побѣдѣ только путемъ колоссальнаго истребленія интеллекта!

Его голосъ охватывалъ аудиторію. Онъ былъ какъ мощное и вкрадчивое существо; онъ обволакивалъ, жалилъ, завораживалъ; угрожающій, когда дѣло касалось неприятеля, и когда онъ вопилъ о его зловредности, онъ становился необычайно нѣженъ для тѣхъ, кого онъ увѣщевалъ. Дядя Мѣльеръ и Жюль Катэнъ, которые ненавидѣли социализмъ, были побѣждены вниманіемъ окружающихъ. Это вниманіе вставало передъ ними какъ препятствіе, подобно полици. Оно сдерживало ихъ возраженія.

Человѣкъ продолжалъ:

— Ахъ, вы можете повѣрить жестокому и мрачному опыту! Для насъ въ буржуазныхъ сердцахъ не найдется ничего, кромѣ презрѣнія и ненависти. Несчастья волнуютъ ихъ только снаружи. Наши жалобы ихъ раздражаютъ, наши требованія возмущаютъ. Какъ ихъ отцы въ 48 и 71 г.г., наши хозяева готовы предать насъ на разстрѣлы, въ ссылку. Мы лошади; они — люди: они не сумѣютъ понять, что лошади хотятъ стать людьми. Полно! Мы не удержимъ ихъ ничѣмъ, кромѣ страха, мы не получимъ ничего, кромѣ того, что мы сумѣемъ завоевать. А завоевать сможемъ только личной дѣятельностью. Тѣ, кто питаетъ вѣру въ политику, попадутся въ худшую изъ ловушекъ. Они увидятъ, какъ постепенно новыя буржуазныя партіи начнутъ складываться съ помощью отрядовъ, которымъ надлежало отстаивать народное дѣло. Они увидятъ, какъ вѣдомства, люди, должности станутъ переходить отъ Пьера къ Полю и отъ Жана къ Огюсту. Уроженецъ Ожа будетъ управлять Мадагаскаромъ, а лиможецъ пойдетъ завѣдывать налогами въ Собраніе. Политика развращаетъ всякаго, кого она коснется: это все равно, что муха на мясѣ социализма.

Онъ склонилъ голову и тихонько, обратной стороной руки, приподнялъ свою бороду. Затѣмъ:

— Будь они даже безупречны, эти депутаты социалисты, все равно они будутъ вращаться въ пустомъ пространствѣ. По-

тому что они поддерживают путаницу, которая безконечно отдаляет побѣду пролетариата. Между ними и синдикатами нѣтъ ничего общаго, кромѣ неясныхъ стремлений, все еще заглушаемыхъ неизбежностью политики. На дѣлѣ, социалистическая партія соединяетъ случайно буржуазію и рабочихъ различныхъ категорій. Интересы этихъ людей противорѣчивы. Если они и смогутъ сговориться, то это будутъ реформы второстепенной важности. Въ остальныхъ случаяхъ послѣдуютъ пререканія, бесполезныя вполнѣ, такъ какъ имъ не удастся приобщить другъ друга къ своимъ идеямъ, и даже не удастся постичь эти идеи. И въ результатѣ, чѣмъ депутатъ окажется честнѣе, тѣмъ ему будетъ труднѣе выпутаться. Все это закончится постыдной болтовней, чудовищнымъ разбрасываньемъ силъ и времени.

Совсѣмъ другое дѣло синдикальная дѣятельность! Прежде всего, здѣсь никого, кромѣ пролетаріевъ не видно, затѣмъ, здѣсь группируются трудящиеся одной и той же категоріи. Наконецъ, здѣсь разсматриваются непосредственно основные интересы сотоварищей. Такимъ образомъ, синдикатъ связанъ съ самой жизнью. Онъ преслѣдуетъ однѣ практическія, опредѣленныя, очевидныя цѣли. Товарищи толкуютъ о дѣлѣ, которымъ они живутъ въ своей мастерской, на рабочихъ дворахъ или въ конторѣ, и о томъ, какъ извлечь изъ него въ будущемъ все лучшее. Тутъ дѣло не въ томъ, чтобы мирить противоположные интересы, а въ томъ, чтобы соединять интересы соответствующе. Тутъ, если и захочешь уклониться, все равно не сможешь: связь, соединяющая между собой синдикалистовъ, крѣпка, какъ то, что связываетъ рабочаго съ его инструментомъ... Стоитъ ли говорить о томъ, что синдикаты могутъ оцутиться въ одиночествѣ? Это была бы здоровенная глупость! Разъ цѣль каждой группы намѣчена, союзъ, федерація, наконецъ, одинъ общій союзъ союзовъ возникнетъ, и все это послужитъ источникомъ безмѣрныхъ энергій! Наша дѣйствующая В. К. Т. ¹⁾ представляетъ съ одной стороны весь рабочий классъ въ одной сплоченной массѣ, но съ другой стороны онъ, въ богатомъ сочетаніи, совокупляетъ всѣ отрасли ремесла, несущія, каждая, свои опредѣленныя возделѣнія. Можно ли приравнивать это къ несвязнымъ морокамъ Палаты или Сената?

— Стало быть больше и голосовать не надо?—воскликнулъ Пурайль.

— Голосуйте, коли хотите!.. — Депутатъ, такъ называемый коллективистъ, всегда будетъ лучше депутата радикала и предпочтительнѣе депутата реакционера. Но не ищите въ вашей голосовкѣ ничего, кромѣ муниципальнаго балагурства. Все ваше вниманіе, все ваше рвеніе, и все ваше мужество, всѣ соки вашихъ рукъ и головы направляйте на борьбу синдикализма. Твердо вѣрьте въ то, что девять рабочихъ часовъ лучше десяти и во-

¹⁾ Всеобщая Конфедерация Труда.

семь лучше девяти. Расчитывайте, что франкъ и десять сантимовъ больше восемнадцати су. Поддерживайте забастовщиковъ; когда настанетъ ваше время, бастуйте сами, бастуйте съ упорствомъ. Отдирайте клоки отъ чудища капитализма, не пренебрегайте ни однимъ случаемъ, не предавайте вашихъ товарищей, не слушайте ни жалобъ, ни угрозъ неприятеля. Держите высоко знамя синдикализма. Оно одно можетъ привести васъ къ независимости! День и ночь думайте о первомъ этапѣ, о восьмичасовомъ днѣ, который избавитъ васъ отъ туберкулеза, который дастъ вамъ время для размышлений, для ученя, для пониманя... А когда вы получите восьмичасовой день, это откроетъ вамъ путь къ семичасовому и къ шестичасовому. Послѣ этого социальная революція будетъ ужъ совсѣмъ близка къ осуществленю, такъ-какъ миллионы интеллектовъ будутъ освобождены!

Онъ замолчалъ. Слова его нашли откликъ въ глубинѣ сердецъ. Онъ появился въ пророческую годину. Народъ зналъ, что доктрина синдикализма проникла въ глубь темныхъ провинцій, въ старые реакціонные города, въ затерянные поселки. Народъ зналъ, что развѣдчики неистово снуютъ по лицу Франціи, что инертныя массы загораются. Все это, безъ сомнѣнія, было неопредѣленно. Но сквозь пустословіе газетъ и ораторовъ уже слышенъ былъ колоколъ и зовъ набата. Чувствовалось возникновение новыхъ поколѣній, освобожденныхъ отъ религіознаго гнета, поколѣній, для которыхъ Армія, Знамя и даже Родина перестали служить догматами.

По мѣрѣ того, какъ рушились вѣрованія, социализмъ въ свою очередь превращался въ вѣру, сгущая глубокія вождельнія, великія чаянія, слитые человѣческіе энтузіазмы. Всѣ, собравшіеся въ этотъ апрѣльскій вечеръ, преисполненные неяснымъ пыломъ, предвкушеніемъ счастья, вызваннаго приближеніемъ катастрофы, жадно слушали учене.

— Bravo!—прокричалъ Изидоръ Пурайль,—хорошо сказано! Одобрили всѣ, но заговорилъ дядя Мельеръ:

— Чувства собственности не уничтожишь!

— Конечно, — прознесъ человекъ строго; — ему придадутъ лучшую форму. Собственность не будетъ уничтожена, такъ какъ мины, фабрики и поля будутъ эксплуатироваться всѣми.

— Это значитъ никѣмъ!

— Это мы обсудимъ въ другой разъ. Если присутствующе здѣсь товарищи пожелаютъ собраться въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, мы поговоримъ о режимѣ промышленномъ и *сверхпромышленномъ*. Тогда вы увидите, что дѣло не въ томъ, чтобы отнять собственность, а въ томъ, чтобы ее расширить. Если производительныя средства станутъ достояніемъ великаго, если захватчики власти и богатства должны быть упразднены, язь этого не слѣдуетъ, что человекъ не будетъ наслаждаться личными угодами, наоборотъ! Пока эти вопросы не представляютъ крайней важности. Важнѣе всего то, что мастеровой изъ состояшия

пролетарскаго переходить въ состояніе свободное — вещь неосуществимая, если не будутъ въ совершенствѣ организованы синдикаты, стачки и даже саботажы.—Поклонъ!

Онъ медленно прослѣдовалъ сквозь ряды посѣтителей, и пропалъ въ глубинѣ уличнаго мрака. Онъ оставилъ слѣдъ, чудесный обликъ, углубленный обстановкой, направлениемъ умовъ, появлениемъ неожиданнымъ, отчетливымъ и навязчивымъ.

— Кто такой? — спросилъ Пурайль.

— Это должно быть нѣкто изъ Всеобщей Конфедерации Труда, — отвѣтилъ сидѣвшій тутъ же типографчикъ.

II.

Человѣкъ сразу направился по улицѣ Тольбіакъ, затѣмъ мрачными путями мимо досокъ, дранокъ и свай, сталъ подниматься къ Бюттъ-о-Кайлю. Огненные птицы плясали въ своихъ стеклянныхъ клѣткахъ. Въ прорывахъ небесъ виднѣлись рыжія поляны, цѣпи выступовъ, ряды огней, а въ сторонѣ Бюттъ-о-Кайля блѣдно-пламенное облако стояло надъ Парижемъ. Огни, еще таинственныя, утверждали всѣ сказочныя сны, всѣ содроганія необъятной и страшной дѣйствительности:

— Земля рабовъ! — произнесъ человѣкъ.

Его голосъ былъ спокоенъ, тихая радость вздымала его грудь. Онъ любилъ жизнь. Даже тогда, когда онъ произносилъ горькія слова, или негодование оживляло его движенія, онъ жилъ въ прекрасномъ, неисчерпаемомъ и свѣжемъ воздухѣ романа. Какъ подлинный оптимистъ, онъ почти не думалъ о прошедшемъ, настоящее задѣвало его слегка, онъ устремлялся къ будущему. Онъ не замѣчалъ смерти, и даже старости не видѣлъ. Онъ вѣрилъ только въ свой неутомимый размахъ, въ быстрый пламень своей мысли, въ бѣшеня чуткаго и сильнаго сердца. Страданіе проливалось надъ нимъ, какъ плодоносный ливень. Его гнѣвъ былъ благодатная гроза.

Онъ питалъ твердую иллюзію въ то, что онъ идетъ противъ крупныхъ событій, обуславливающихъ ничтожество человѣческаго обихода: онъ отнюдь не чувствовалъ себя струей потока, онъ вѣрилъ въ то, что онъ самъ потокъ.

Эта увѣренность, вбитая въ немъ какъ гвоздь, не оставляла его ни въ радости, ни въ горѣ, ни на водѣ, ни на землѣ. Онъ былъ такъ убѣжденъ въ томъ, что народы когда нибудь освободятся!

Подувалъ вкрадчивый бархатистый вѣтеръ; дыханіе травъ смѣнялось запахомъ конскаго навоза, прокисшаго асфальта, человѣческой кожи. Онъ вскарабкался въ Бюттъ и, черезъ улицу Пяти-Бриллиантовъ, выбрался на Итальянскій проспектъ. Притоны разводили тусклій дебошъ. Какой-то концертъ сверкалъ фіоле-

товыми и сиреневыми шарами. Въ углахъ приткнулись блѣдныя подростки, подъ фонарями покачивались вызывающія шевелюры дѣвицы. Человѣкъ нашель это зрѣлище ужаснымъ, но вгля-
дѣлся въ него съ удовольствіемъ. Затѣмъ, повернувъ назадъ, онъ проникъ въ улицу Бобильо.

Въ шестомъ этажѣ углового дома онъ нашель старую жен-
щину, мужчину лѣтъ тридцати двухъ—тридцати пяти и малень-
каго мальчика, которые его ожидали. Это была комната, выкра-
шенная снизу красновато-шоколаднымъ; этотъ цвѣтъ въ чести
у виноторговцевъ. Повыше разстилались обои сливочнаго и мор-
ковнаго цвѣта; между листовъ, терновникомъ и подсолнухами
засѣли птицы. Потолокъ сдерживали двѣ фальшивыя балки.
Длинный столъ, очень устойчивый, былъ покрытъ зеленымъ
сукномъ. Подъ разсѣяннымъ свѣтомъ лампы на колонкѣ, лежали
книги, приготовленныя на ночь: *Чудесныя звѣри*, *Процессъ Брен-
силье*, *Приключенія Фрика*.

Старуха, мужчина и ребенокъ съ сияющими лицами тѣсни-
лись къ пришедшему. Благодаря различію половъ и возрастовъ,
сходство, существовавшее между ними, заключало въ себѣ что-то
пугающее и уродливое. Это были одни и тѣ же граненныя лица—
по три грани на лобъ, по четыре на щеки и челюсти. Желто-
розовая кожа залегла вокругъ носовъ-перечниць. Глаза впалыя
и будто задернутыя сажей, морщинистыя губы цвѣта печенки у
старухи, лѣсной земляники—у мужчины, и черешни—у ребенка.
Пыльные усы, похожіе на клокъ паутины, свѣшивались съ губъ
мужчины. У женщины, на томъ же мѣстѣ, выросъ уморительный
мохъ. У всѣхъ трехъ на головѣ—овечья шерсть, стариннаго се-
ребра у одной, турецкаго табаку у другого и почти лимонная
у третьяго. Ихъ руки, необычайно подвижныя, тонкія по строенію,
выставляли красныя пальцы. Плечи у всѣхъ были крышей, му-
скулы подвижныя и худощавыя.

— Тебя ужъ и ждать перестали, мой Франсуа,—сказала
старуха, бросаясь къ нему на шею.

Во время отвѣтнаго объятія она радостно прослезилась. У
Франсуа, словно онъ заразился, увлажнились глаза; но ребенокъ
бросился на нихъ со всѣхъ ногъ, задыхаясь, какъ молодой
пестъ:

— Мы тебѣ рады!.. Мы рады! Мы рады!

Желая разсѣять трогательность минуты, Франсуа поднялъ
мальчугана на руки:

— Ну, что же, мой маленькій бунтовщикъ, хорошо тебѣ
живется на свѣтѣ? Завтра я принесу тебѣ новую игрушку:
пьяску бурисневъ.

Онъ усѣлся въ кресло, украшенное необычайнымъ коли-
чествомъ мѣдныхъ гвоздиковъ:

— Я запоздалъ по милости трехъ несчастныхъ, похоронен-
ныхъ обваломъ.

— Ты обѣдалъ?

— Я закусилъ около четырехъ часовъ. По правдѣ сказать, я голоденъ.

Онъ любовался ребенкомъ, смотря на него серьезными и проникновенными глазами ловца человѣковъ.

— Ты будешь настоящимъ социалистомъ, не такъ ли, маленький Антуанъ? Ты будешь любить людей; ты не станешь уходить отъ нихъ, какъ какой-нибудь Робинзонъ эгоизма? Да здравствуетъ революція!

— Да здравствуетъ революція!—крикнулъ мальчикъ.

— Вотъ оно будущее,—сказалъ Франсуа Ружемонъ, рассказывая ребенка на колѣняхъ:—этотъ увидитъ великій разсвѣтъ, разсвѣтъ того человѣчества, которое будетъ также мало походить на наше, какъ мы не похожи на людей пирамиднаго вѣка. Да, маленький человѣкъ, ты увидишь вещи, подлѣ которыхъ электричество, паръ и радій окажутся мазней. Ты увидишь человѣка во всей его красѣ, потому что онъ перестанетъ голодать—а онъ голодаетъ сто тысячъ лѣтъ. Онъ больше не будетъ голодать и обрѣтетъ всю свою силу! Онъ больше не будетъ голодать и сможетъ развернуть весь свой гений. Онъ больше не будетъ голодать, онъ выстроитъ подводные суда великаны, которые пойдутъ отъ одного континента къ другому, а его аэропланы наполнять небосклонъ. Онъ больше не будетъ голодать, онъ построитъ сказочные города, гдѣ луга и лѣса будутъ расти на крышахъ; на улицахъ стеклянные мосты; на всѣхъ поворотахъ—подъемныя машины. Онъ больше не будетъ голодать, онъ исторгнетъ необъятную энергію изъ солнца, изъ океана, изъ теплаго лона земли. Ахъ, мой маленький, въ какихъ очарованныхъ садахъ ты будешь жить!

Малютка, замороженный, слушалъ. Шарль Гарригъ и бабушка блаженно вздрагивали: блескъ роскоши осѣнялъ души. Вдругъ затрещала трещотка, раздался звонокъ, чириканье воробья, трель чирика:

— Да вѣдь это скворецъ!—воскликнулъ Ружемонъ.

Въ клѣткѣ изъ ивовыхъ прутьевъ сѣро-синяя птица съ неистовымъ плескомъ расправляла вѣеръ своихъ крыльевъ. Франсуа открылъ темницу. Скворецъ прыгнулъ ему на голову, потомъ на плечо. Его круглые глаза искрились лукавствомъ. Онъ топтался на мѣстѣ и ударялъ клювомъ по бородѣ синдикалиста.

— Этотъ тоже страсть какъ радъ тебя видѣть!

Птица загоготала:

— Пресса! Ха! Ха! Ха!.. св'жая новость!

И пропѣла:

— Повѣсь помѣщика!

Ружемонъ расхохотался невинно, какъ мальчикъ; птица тарасила перья.

— Вѣчно онъ шутитъ,—сказала старушка.

Она растянула набойчатую скатерть, поставила приборъ и зажгла газовый рожокъ.

— У насъ есть мясо, сыръ, яйца и холодная морковка...

Франсуа съ удовольствіемъ наблюдалъ эту незатѣйливую сцену. Лампа горѣла свѣтло, ѣда была свѣжая; тарелки, стаканы, вилки вызвали сотни отдаленныхъ, интимныхъ вещей, обрядовъ, съ которыми связана вся легенда удачи и неудачи, довольства и нужды, заброшенности и уюта. Аппетитъ у него былъ здоровый и непрехотливый и возбуждался самыми скромными средствами.

— Это приблизительно то, чего я требую для моихъ близкихъ!— произнесъ онъ...— и къ этому нѣсколько воскресныхъ дней, когда не повредитъ нѣкоторый излишекъ; трудъ, вызывающій благодѣтельную усталость, досугъ, размышленіе, чувство безопасности, свободное отъ поработенія. Да, право, больше ничего я не требуюся. Счастье не такъ ужъ страшно.

Онъ взялъ въ руку яйцо, очень бѣлое, лощеное, какъ ониксъ и совершенной формы:

— Какъ это красиво, какъ щеголевато!

Сначала онъ бѣлъ молча, внимательно, добросовѣстно пережевывая. Его хозяева на него смотрѣли.

— Ты хороший сдѣлалъ обходъ?—спросила старуха.

Онъ наклонилъ голову:

— Какъ я вамъ писалъ, моя голубушка!

— Ты намъ писалъ, это правда, но въ трехъ словахъ.

— Я не писатель!— произнесъ онъ со смѣхомъ.

Онъ сталъ серьезенъ, глаза его расширились; въ лицо вселилось что-то неистовое, восторженное, почти угрожающее. Борющійся звѣрь выступалъ изъ нѣдръ его существа:

— Мы переживаемъ время, когда начинаютъ понимать,— глубокимъ голосомъ произнесъ онъ,— прежде это была одна сентиментальность, мечты. Теперь близка дѣйствительность. Конечно, они еще совсѣмъ дѣти, имъ нужно, чтобъ ихъ убаюкивали музыкой, но они уже не вѣрятъ въ провидѣніе и знаютъ, что не часъ, не день и не годъ нужно быть революционеромъ, а всѣ часы, всѣ дни и всѣ года. Этой простой мысли народъ не принималъ никогда. Онъ вѣчно ждалъ какого-то торжественнаго момента, блестящаго сраженія, послѣ котораго стоитъ протянуть свою площадку, и счастье потечетъ, какъ вода изъ водоема. Также вѣрилъ онъ въ какую-то необъятную благодать, которая свалится сверху, какъ весеннее солнце, и всѣ дѣла устроить. Но громадное приобрѣтеніе сдѣлано: удалось закрѣпить увѣренность—ахъ! еще очень несовершенную, очень колеблющуюся увѣренность—въ томъ, что революція должна сидѣть въ насъ, какъ школьный учитель въ своемъ классѣ, что ни добро, ни зло не могутъ рождаться безъ нашей твердой воли. Больше, чѣмъ въ прошломъ году, я почувствовалъ, что народъ пустился въ дорогу.

Онъ простеръ руки, какъ бы охватывая пространство:

— Да, надъ формулами научными и философскими мы воздвигаемъ необходимость непрерывной борьбы: дѣйствие порождаетъ

мысль. И въ этомъ случаѣ рабочій человекъ станетъ безотлагательно стремиться къ лучшему и къ ниспроверженію враждебнаго строя: *обездоленные попались въ цѣпь ловушекъ*. Надо истребить всё, одну за другою....

Хозяева слушали его жадно. Семья Гарригъ изъ первыхъ была очарована его искреннимъ голосомъ, влияніемъ ритма и мистической силой воли. Послѣ смерти его родителей тетка Антуанетта отнеслась къ нему, какъ къ собственному ребенку. Порывистый, упрямый, буйный, онъ искупалъ неистовство своей природы безумной нѣжностью и судорожной жалостью.

Какъ только онъ, бывало, увидитъ, что тетка или кузень Шарль болѣютъ,—они были подвержены невралгич—онъ начиналъ сновать подлѣ со всѣми аллюрами охотничьей собаки; онъ точно обнюхивалъ болѣзнь; онъ долго видѣлъ въ ней что то живое, что ему хотѣлось преслѣдовать и сразить, какъ змѣю или пантеру. Но такая одержимость его не расслабляла. Она надѣляла ребенка необычайной силой воображенія.

При видѣ нищеты, при видѣ какого-нибудь несчастнаго, котораго ведутъ въ больницу, при видѣ калѣки, который тащится весь измятый ревматизмомъ или съ ампутированной ногой, онъ приходилъ въ возбужденное состояніе, грезилъ о всемірномъ исцѣленіи, о побѣдоносномъ вмѣшательствѣ науки и человѣческаго милосердія. Когда-нибудь жизнь станетъ прекрасной! И въ этомъ онъ увѣрился. когда газеты, брошюры, журналы и книги открыли ему социализмъ.

Грозная и непонятная, загадка эксплуатація человекъ человекомъ стала его мукой.—Какъ эта хитроумная цивилизація могла придти къ такому концу! Какъ тенета меньшинства могли захватить большинство индивидовъ! Какъ это человекъ, даже когда онъ силенъ и разуменъ, можетъ изводить себя ради посредственностей и болвановъ! Какъ, вообще, буржуазія, изъ кого бы она не состояла, можетъ держать народъ на привязи по праву фиктивной цѣнности, причемъ эта цѣнность можетъ принадлежать идиоту, безумцу, чудищу, новорожденному!

Онъ сразу позналъ правду. И эта правда прошла по всѣмъ его фибрамъ. Она приобрѣла силу новѣйшихъ вѣрованій, побѣдоносныхъ, благодаря сравнительной неопредѣленности своихъ формации: здѣсь все эволюционируетъ. Ихъ темные догматы—источники превращеній; ихъ гибкая логика мирится съ противорѣчивыми идеями и ладитъ съ антиноміями... Будущее вставало, нѣжное и свѣжее, какъ молодая женщнна.

Сначала пропаганда велась у молодого человекъ съ перерывами. Его поглощало чтеніе и изученіе профессіи. Онъ читалъ плохо, нетерпѣливо, ныряя и перескакивая по статьямъ. Какой-нибудь эпитетъ разобцалъ безграничность энергіи. Какое-нибудь слово ударяло, какъ колокольный звонъ. Судьба человекъ срывалась со страницъ; народы текли, какъ рѣки; селенія пропадали въ свѣтилахъ; скорбь и обида рокотали, какъ водопады. Онъ

безпрерывно ждалъ оглушительной истины, которая должна была возникнуть на слѣдующей страницѣ или въ концѣ главы. Онъ поглощалъ съ одинаковымъ рвеніемъ научныя книги, метафизику, исторію и социологию. Такъ какъ память у него была хорошая, знанія, доктрины, анекдоты скоплялись во множествѣ. Съ меньшей полнотой изучилъ онъ сущность философскихъ ученій, но для того, что ему предстояло дѣлать, большей выправки ему было не нужно. Такъ какъ, въ концѣ концовъ, строй научный деспотиченъ, строй философскій иллюзоренъ, а историческій строй на диво хаотиченъ.

Черезчуръ предавшись методу, философъ теряетъ изощренность воображенія, социологъ приходитъ къ бездѣйствію, социалистъ-теоретикъ высыхаетъ на мѣстѣ.

Ружемонъ узналъ то, что должны знать люди его сорта, и нѣчто большее. Онъ приобрѣлъ хранилище идей и образовъ къ услугамъ своей лихорадочной чувствительности. Въ добавокъ онъ выказалъ въ своей профессіи—переплетчика—такія способности, которыя завоевали ему свободу. Склонность къ мастерству законченному, пошпаба элегантнаго, увлекла его на спеціальныя курсы. Въ двадцать два года онъ сталъ художественнымъ переплетчикомъ, способнымъ, по мѣрѣ надобности, подражать переплетамъ старыхъ мастеровъ также удачно, какъ и создавать новые. Онъ зарабатывалъ безъ труда двадцать франковъ въ день. И во всякое время, работы у него было больше нежели онъ желалъ. Такая легкость привела его къ пропагандѣ.

Такъ какъ три, четыре мѣсяца работы удовлетворяли его нужды на годъ, такъ какъ, кромѣ того, Шарль Гарригъ, хороший художникъ декораторъ, зарабатывалъ на себя и на тетку, Ружемонъ сталъ проповѣдывать людямъ. Сначала онъ былъ, какъ капля воды въ рѣчкѣ. Онъ бродилъ на удачу, братаясь съ мелкими группами, усердно посѣщая кружки, присоединяясь къ нѣкоторымъ выборнымъ движеніямъ, замѣшиваясь въ кой-какія стачки.

Это бродяжничество было полно обаянія. Молодой человѣкъ откровенно любилъ толпу. Онъ переносилъ ея безпорядокъ, ея дымъ, ея запахъ, ея грубое зубоскальство, ея нелѣпныя вспышки, инстинкты непослушнаго стада, ея свирѣпую наивность и припадки тупоумія. Онъ владелъ словомъ и жестомъ, которые идутъ въ ладъ съ возбужденіемъ, усиливаютъ энтузіазмъ, руководятъ и даютъ ритмъ возстанію.

Онъ охотно отправлялся съ незнакомыми угощаться жаренымъ, яичницей цвѣта охры или лимона, на лонѣ изумрудно ржавыхъ розовыхъ бесѣдокъ, въ прокуренный залъ, въ заднюю комнату при лавкѣ, на кухню при фермѣ, пропитанной запахомъ сала, въ заведеніямъ, гдѣ варятъ и жарятъ, въ глубокіе сумерки, по бѣшеннымъ улицамъ или по загороднымъ дорогамъ, гдѣ пляшутъ сухіе листья. Ему были знакомы внезапныя братанія, вытекающія изъ общей выпивки, чувство удовлетворенія, когда руки

развязаны, не загадываешь впередъ. безъ заботы, не помня часа, съ добрымъ словомъ на устахъ, подчиняешься инстинктамъ шайки. Онъ путешествовалъ, интересовываясь новой средой, новымъ говоромъ и лицами болѣе, нежели извѣстностью, и безпрерывно ожидая, что вотъ откроется нѣчто небывалое и окончательное.

Послѣ того, какъ въ первый разъ онъ услышалъ Жореса, онъ всю ночь провелъ въ бреду. Затѣмъ, онъ пристрастился къ высокоумнымъ и рѣзкимъ выпадамъ Геда. Позналъ также нѣмецкое влияние и былъ растроганъ кроткими и пылкими рѣчами старой Луизы Мишель.

И всетаки, въ концѣ концовъ, онъ ощутилъ большую пустоту. Шло это отъ него, или извнѣ, или отъ его досуговъ, утопленныхъ тусклыми программами и политическими житейками, или отъ ветхости старыхъ сказокъ, которыя всѣ уже распелились, какъ стѣны? Пшеница фразъ перестала его пугать; доктрина витала въ облакахъ, великія обѣщанія пробуждали не столько вѣру, сколько безпокойство.

Тогда онъ самъ заговорилъ съ высоты трибуны и узналъ свою силу. Но ему казалось, что онъ крутится въ огороженномъ пространствѣ, въ горизонтахъ дюрамы. Какъ только попытаешься разойтись въ ширь, такъ натыкаешься на своенравныя и смѣшныя препятствія, на несущихъ декорацию, на занавѣсъ, на веревки, на кулисы. История социализма уже пятьдесятъ лѣтъ разигрываетъ небывалую легенду о безнадежныхъ мечтаніяхъ бѣдняковъ, и конецъ всегда одинъ и тотъ же—баррикады. Каждое поколѣніе изрыгаетъ сызнова химерическое, лихорадочное стадо—и набитыхъ фразами, ротозѣйныхъ вожаковъ.

Какъ и тысяча другихъ, Ружемонъ желалъ революціи непрерывной. Она должна была утвердиться въ мозгахъ, не какъ мечта, а какъ энергія, проявлять себя дисциплиной, методомъ, непрерывными упражненіями въ расшатываніи. Дѣло не въ томъ, чтобы, по прежнему, потрясать факеломъ. Надо учиться и хотѣть; установить социальный опытъ; вести маленькія сраженія, стачки, вылазки, набѣги; поддерживать холодную, непрерывную, логическую ненависть, торговаться за заработную плату, какъ нормандскій крестьянинъ торгуется за своихъ свиней. А главное создать такую счастливую возбужденность, братскій восторгъ, который обезпечитъ на всѣхъ собраніяхъ идею безопасности, доброты, обоюдной помощи.

Стачки превратятся въ превосходныя школы социальной борьбы. Онѣ откроютъ путь великодушнымъ, героическимъ, предпримчивымъ инстинктамъ, окрыляющимъ человѣческую душу.

Организуясь все совершеннѣе, онѣ перестанутъ доводить мастераго до голодовки; онѣ только предложатъ ему взять на себя кое-какія лишенія, которыя красота возстанія обратитъ почти въ радость. Онѣ разовьютъ великодушіе, самоотреченіе, самый богатый жертвенный духъ. Онѣ будутъ пробуждать воспа-

мианія мощныхъ и блистательныхъ образовъ; онѣ придадутъ социальной жизни то, что пробуждаетъ нежданное восхищеніе, передъ лицомъ дѣвственнаго лѣса, вольной поляны, колыбаня морей... Такъ, всѣми способами, пролетаріатъ будетъ создавать себѣ призракъ на *реальной основѣ*.

Въ мастерской ли, на митингахъ, или во время смуты, онѣ всюду будутъ выставлѣть преимущества солидарности передъ эгоизмомъ и жизни эксплуатируемаго передъ жизнью эксплуататора!

Синдикаты уже взялись за это, но плохо. Разобщенные, они не смогли развиться. Въ идеалѣ было соединить ихъ въ колѣна, въ области, въ народы. Здѣсь трудящійся могъ сомкнуть въ опредѣленное сословіе, со своими собственными правами, стремленіями, своими „специфическими“ нуждами, и такое сословіе могло развиваться внѣ парламентарнаго строя и выше его.

Этотъ идеалъ, въ сущности довольно древній, но неизмѣнно гибнущій отъ рукъ политики, былъ вызванъ къ жизни идеями естественнаго подбора, понемногу вкоренившимися въ народъ, не столько черезъ газеты и брошюры, сколько по призванію банкротства революціонеровъ.

Въ 1894 году возникъ принципъ одной изъ Трудовыхъ Конфедераций. По социалистической Франціи пронесся кличъ: „Не допускать политики въ синдикатахъ!“ На лиможскомъ Конгрессѣ это послужило сильнымъ лозунгомъ и положило конецъ синдикальнымъ распрямъ. Социализмъ почувствовалъ себя помолодѣвшимъ, ожившимъ, ближе къ реальному осуществленію. И для Франсуа тоже наступило обновленіе. Коммунизмъ пересталъ быть однимъ символомъ. И передъ лицомъ буржуазнаго государства сталъ выростать невѣдомый народъ: онъ былъ бѣденъ, грубъ, болѣзненъ, плохо вооруженъ, плохо грамотенъ, но онъ зналъ свой путь, онъ обнаруживалъ волю, которой не сдержитъ никакое сопротивленіе.

Тогда молодой человѣкъ слилъ съ Конфедераціей свои заботы, свой гнѣвъ, свой мятежъ, а также и радости и даже любовь, которая возникала лишь порывами. Евангеліе социализма не встрѣчало такихъ дѣятельныхъ вѣрованій и не проникло еще такъ глубоко въ душу народа. Въ то самое время, какъ въ Туръ, въ Тулузѣ, въ Реннѣ, въ Парижѣ, въ Лионѣ, въ Монпелье, въ Буржѣ конгрессы опредѣляли кодексъ Союза, поднялась необычайная буря. Начался обходъ проповѣдниковъ, марабутовъ, иконоборцевъ синдикальной Арміи Спасенія. Анархисты несли туда свою горячку, коллективисты возвращали къ жизни омертвѣвшій пылъ. Въ этой ордѣ слутанныхъ, но повелительныхъ и строптивыхъ дисциплинъ нашлось мѣсто для отпрысковъ Равашольа и для незаконныхъ сыновъ поппублицизма. Все двинулось проповѣдывать бѣднякамъ въ блузахъ, въ юбкахъ, въ шубенкахъ, въ передникахъ, въ фартукахъ кожаныхъ и холщевыхъ; бѣднякамъ, побѣлѣвшимъ отъ муки или известки, чернымъ отъ сажи, угля и опилокъ, синимъ и зеле-

нымъ отъ крошки, въ пятнахъ охры, бѣлилъ, вермильона, бурнымъ
отъ солнца, фосфоромъ;—голоднымъ, алкоголичнымъ, уничтожен-
жидкостью, шумимъ. Они шли въ фабричныя кварталы, къ высо-
нымъ, ступенькамъ, въ страны угля, въ шахты, на мосты, на дворы,
кимъ горнякамъ, въ корабельныя пѣдра; они шли встряхнуть
въ земляныя вперемежку, разсыпавъ въ головѣ его образы,
инертнаго, и неистовыя надежды, зажечь его возжелѣниемъ
простыя мысли. Мириады сонныхъ душъ проснулись. Узнавъ имена
и ненависть, они стали страдать сугубо. Узнавъ о своихъ
своихъ страданияхъ, почувствовали себя подъ гнетомъ безмѣрной неспра-
правахъ, они познавъ свою силу и страхъ другой стороны, они
ведливости. Идея начала прорастать въ упрямомъ и подо-
освирѣпѣли. мозгу крестьянина. Такъ складывалось то мень-
зрительномъ, „сознательныхъ“, которое, по законамъ новаго евангеля,
шинство „сознательныхъ“, которое, по законамъ новаго евангеля,
присвоитъ право и обязанность вносить безпорядокъ въ обще-
ство, не считаясь съ мнѣниемъ „бессознательныхъ“. Это револю-
ционное воиство. Оно будетъ вести святую войну, священную
войну; оно будетъ поддерживать передъ лицомъ павшей бур-
жуазии, культуру моральной красоты: оно вернетъ юность на
лоно сгнившаго мѣра. Дѣло Дрейфуса, конгрегационная война,
правительствѣ блока осыпали революционеровъ манной. Пока ихъ
политика стѣснилась къ власти, синдикаты удовлетворяли дѣй-
ствительныя нужды. Мы видѣли, какъ государство приняло
восьмичасовый день, согласилось на привилегии, на увеличение
жалованья, где ренесло анархю, саботажи, небрежность и лѣнь,
поощрило дѣятельность возстанія своихъ рабочихъ и мятежи
своихъ моряковъ, заставило своихъ чиновниковъ,
полицію и экононы капитулировать передъ движеніемъ синди-
кализма.

Два на-равляющихъ течения характеризуютъ эту эпоху:
борьба за сокращеніе рабочаго дня и антимиитаризмъ. Сокра-
щеніе рабочаго дня представляется всѣмъ революционерамъ важ-
нѣйшей мѣрой для интеллектуальнаго освобожденія. Человѣкъ,
когда онъ работаетъ слишкомъ долго, искажается и изнашивается;
онъ становится неспособенъ къ размышленію: это элементъ раз-
рушенный. Социализмъ обязанъ добиваться какъ можно большаго
числа здоровыхъ и сознательныхъ индивидовъ, способныхъ за-
щищать свои права и завоевывать „лучшее“. Пока гнетъ длин-
наго дня оудитъ тяготѣтъ на пролетаріа, такой идеаль будетъ
несущественна. Отлично знаютъ это хозяева, которые во всѣ
времена борются, стараясь умножить эти два бича, отупляюще
и деморализующе навѣрняка падеть и то и другое.

Такъ учили народъ люди В. К. Т. Но, и самые умудренныя
изъ нихъ понимали, что задача не легка. Въ нее входитъ вопросъ
международной конкуренціи. При сокращеніи труда, при уве-
личеніи платы, конкуренція станетъ раззорительна для Франціи.

Полныя соковы съ огрубѣлой кожей поднимутся бѣднѣйшая нація. Эти не боятся ни усталости, ни низкой платы. Онѣ наводняютъ рынки, онѣ свяжутъ революціонныя стремленія. Для того, чтобы ихъ побѣдить, придется сократить слишкомъ дорогую человѣческую энергію, и преобразовать машинную, а преобразование машинъ ведетъ къ сокращенію персонала: въ Англіи, за послѣдніе десять лѣтъ, новыя машины выкинули пятьсотъ тысячъ человѣкъ на улицу. Прямое слѣдствие: федерация синдикатовъ должна перешагнуть границы. Но тутъ поднимается то колоссальное препятствіе, которое раздѣляетъ пролетаріаты: военный патріотизмъ.

Франсуа Ружемонъ съ трудомъ примкнулъ къ антимилитаризму. Онъ любилъ свою расу, образъ униженной Франціи былъ бы ему невыносимъ. Онъ живо чувствовалъ всю прелесть существованія среди людей одинаковыхъ вкусовъ, мыслей и инстинктовъ. Его убѣдили аргументы историческіе. Десятивѣковое поработеніе не привело Италію къ разоренію. Непреклонный антимилитаризмъ былъ спасителемъ для Франціи 1870 года. Какъ бы мы были раздавлены, еслибы мы приняли борьбу послѣ Фашоды! Что выиграла Испанія въ войнѣ съ Кубой? Развѣ буры не даромъ пожертвовали чистѣйшими элементами своей расы?

И Ружемонъ убѣждалъ себя въ томъ, что воинственная роль Франціи кончилась. Солдаты перестали быть ея силой. Она это знаетъ, у нея отвращеніе къ войнѣ, въ своемъ миролюбіи она доходитъ до смиренія. Пусть выкажетъ смѣлость и разоружится, и всѣ націи принуждены будутъ послѣдовать за нею. А она обратится въ ту страну любви и надеждъ, въ которую не удалось ее превратить Революціи. Ея кротость станетъ предметомъ обожанія. Она предстанетъ, какъ святыня, неприкосновенная, ненарушимая. И тогда сословія замѣнятъ родину: сословіе эксплуатируемое станетъ родиной трудящихся; классъ буржуазный весь, сімошь, станетъ родиной хозяевъ.

И весь проникнутый своей мечтою, Ружемонъ распространялъ ее фанатически. Онъ былъ изъ той плеяды, которая наводнила Іонну. Въ безвѣстныхъ селахъ онъ опьянялъ словами крестьянъ, руководилъ ссыльными, увлеченными неистовой ненавистью, создалъ пріютъ для дезертировъ, сжигалъ знамена, и *Руководитель солдата* распространялъ у самыхъ дверей казармы. Попутно онъ открывалъ всевозможные, воююще поводы къ тому, чтобы покончить „со старой сифилитической кокоткой“ и съ „безобразной клоакой, гдѣ процвѣтаетъ пьянство, грабежи, шпіонство и низость“.

Послѣ наступившаго молчанія вожакъ продолжалъ:

— Для тѣхъ, кто любитъ человѣчество, мы живемъ въ очаровательную эпоху.

Чайникъ испарялъ сумеречный и мечтательный ароматъ.

Всѣ четверо наслаждались нѣжной граціей, которую изливали звѣзды.

— Ты, стало быть, счастливъ?—произнесъ Шарль.

— Я на рѣдкость несчастливъ. Мой гнѣвъ, даже моя досада придаютъ мнѣ силы. Я сдѣлалъ недурную спекуляцію, связавъ свою судьбу съ судьбой побѣжденныхъ. Такъ не остается времени для того, чтобы предаваться горестямъ, довольно презрѣнимъ, своего личнаго существованія.

— А развѣ всетаки не слѣдуетъ развивать личность?—спросилъ Гарригъ.

— Кто же съ этимъ спорить? Но личность сразу стала развиваться въ обществѣ, гдѣ надо было или подчинить или подчиниться. Когда свобода и обязательства будутъ распределены поровну, каждый станетъ расти сообразно своей природѣ. Коммунизмъ безъ сомнѣнія предъявитъ высокія обязанности, ощутительныя стѣненія, но зато какой расцвѣтъ разума, величія и красоты!

Тетка медленно разливала чай въ согрѣтыя чашки:

— Надѣюсь, ты останешься на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ?—сказала она.

— Да, чтобы пожить съ вами, и потому, что здѣсь моя питательная почва. Здѣсь мысли снова приобретаютъ краски. Въ провинци, въ концѣ концовъ, онѣ блѣднѣютъ, какъ подвальные одуванчики. Мнѣ хочется вести пропаганду въ этомъ кварталѣ. Онъ меня плѣнилъ сегодня.

Онъ протянулъ руку къ открытому окну, къ млечному пути. Скворецъ забормоталъ:

— Свѣжей лаванды... кому нужна лаванда!

На площадкѣ проскрипѣли шаги. Легкій пальчикъ постучалъ въ двери. Когда мадамъ Гарригъ открыла, тамъ оказалась молодая дѣвушка или женщина въ ярко аломъ корсажѣ, легкомъ, какъ маковый цвѣтокъ.

— Кофей отъ Жува, корица и шоколадъ отъ Плантѣра,— произнесла она со смѣхомъ.

— Войдите на минутку!—воскликнула старая Антуанетта, принимая отъ нея пакеты:—войдите взглянуть на краснаго звѣря, если не боитесь, что онъ васъ растерзаетъ.

Ружемонъ повернулъ свое бородатое лицо къ вошедшей. Она подходила съ красивымъ шелестомъ юбокъ, поскрипывая ботинками; волосы—снопъ не то маисовой, не то пыничной соломѣ,—поблескивали, какъ сученое золото; влажный пурпуръ рта, какъ напоенная сокомъ дикая альпійская роза; гордая, сластолюбивая шея. Могучая греза мужей вошла вмѣстѣ съ нею, молоко и медъ Рамайаны, Иліада, Пѣснь пѣсней, всѣ весны льсовъ и пастбищъ, походныхъ шатровъ и комнатъ, обитыхъ деревомъ кедра. Высокая, оживленная красивымъ ритмомъ, въ походѣ—смѣлая, легкая и рѣшительная, когда она очутилась близко, ея пышныя и свѣжія щеки, гдѣ перламутръ морей расплылся въ нѣжности вьюнка, ея глаза, гдѣ черный огонь, подъ свѣчью густыхъ рѣсницъ, отливалъ мѣдью и изумрудомъ, обли-

чили мощную крѣпость народа, свѣжесть ребенка, счастливый и гордый пылъ, чуждый лихорадки.

Ея взглядъ съ любопытствомъ и неласково скользнулъ по взгляду молодого человѣка. Ему захотѣлось противопоставить благосклонность явной враждебности. Она остановилась неподвижно, забывая отвернуться, и ихъ зрачки пронизали другъ друга: она сдѣлала быструю, сухую и насмѣшливую мину.

— Это и есть красный звѣрь?—произнесла она, усмѣхнувшись, немножко хрипло.

— Это красный звѣрь!—отвѣчала Антуанетта серьезно.

— Онъ не имѣетъ злого вида.

Въ окно ворвался внезапный вѣтеръ, всколыхнувший цвѣты. Тѣни растянулись и сжались. Пронесся аромать, дыхание ночи смѣшалось съ жасминомъ алаго корсажа. Что-то нѣжное, смутное и безбрежное. Ружемонъ, охваченный неяснымъ волнениемъ, содрогнулся.

— Да,—продолжала старушка,—это мой племянникъ Франсуа; онъ вернулся съ революціоннаго похода.

— И больше никто не будетъ голодать,—закричалъ мальчуганъ, припадая щекой къ бородѣ Ружемона...—и лужайки будутъ на крышахъ, и мосты стеклянные...

Всѣ разсмѣялись, а скворецъ прозвенѣлъ висячимъ колокольчикомъ.

— Это мадемуазель Кристина Дэландъ, наша сосѣдка,—продолжала Антуанетта.

Имя врѣзалось въ пѣдра Франсуа, какъ врѣзалась въ немъ вся структура молодой дѣвушки. Это былъ часъ, когда воспоминанія залечатлѣваются, какъ лапы птицъ, вбитыя въ плъ и оставляющія свои слѣды. И въ этомъ вторженіи Кристины было что-то загадочное, какъ и въ небрежности ея осанки, и даже въ томъ пренебреженіи, которымъ обмѣнялись ихъ взгляды.

— Мадемуазель ужъ навѣрно не революціонерка!—сказала добродушно Франсуа.

— Въ самомъ дѣлѣ,—живо воскликнула Кристина,—а изъ чего вы это заключили?

— Угадалъ.

— Я не скажу, чтобъ вы ошиблись, нѣтъ! Я навѣрное не коммунистка, не революціонерка и не антипатріотка. Но я могу оказаться социалисткой...

Въ ея голосѣ была та легкая хрипота, которая придаетъ голосамъ контраalto таинственность сладострастія. Красивыя щеки загорѣлись, съ вызывающимъ задоромъ она отчеканивала слоги.

— Нельзя быть социалистомъ,—спокойно отвѣтилъ Франсуа.—не будучи коммунистомъ и революціонеромъ! Пожалуй можно остаться патріотомъ, хотя патріотизмъ это скрытое оружие буржуазии: оно отравляетъ, отягощаетъ или же убиваетъ волю.

— Почему,—запальчиво перебила Кристина,—почему нельзя быть социалистомъ, не запасаясь въ лавочкѣ коммунизма и не привлекая революціонной бойни?

— Потому что социализмъ, если онъ не идетъ къ цѣли истребленія капиталистической машины, превращается въ надувательство.

— Я не понимаю! Я совершенно не вижу, почему соглашение невозможно и почему рабочимъ не устроиться такъ, чтобы можно было терпѣливо завоевывать свои крѣпости. Вы только и признаете войну, ненависть, истребление, вы точно думаете, что буржуа нарочно образовалъ свою касту и съ какой-то дьявольской злобой осудилъ рабочаго на нищету. Вы приписываете врагу слишкомъ много. Эксплуаторъ часто не хуже и не лучше всякаго другого и борется, надѣясь на случайность.

— Мы больше не желаемъ случайностей!

— Это вопль невѣжества!..

— Да почему же? Наука каждый день вычеркиваетъ случайности. Она покоритъ планету! И даже теперь она уже даетъ намъ возможность производить въ десять разъ болѣе, затрачивая въ десять разъ меньше труда!

— Наука... въ рукахъ другихъ людей, да. Но эти люди еще не родились.

— Мы заставимъ ихъ родиться!

— Кто? вы, вожаки синдикализма? Ваши программы сдумаютъ составить ученики начальной школы.

На лбу Кристины образовалась складка. Ея глаза изливали непонятную горечь.

— Наши программы ничего не стоятъ,—произнесъ онъ терпѣливо,—это однѣ схемы, служебники! Мы отлично знаемъ, что прежде всего надо формировать характеры.

— Тогда вамъ придется преклониться низко, еще ниже нашего, передъ той случайностью, которую вы желаете уничтожить. Что вы можете знать о томъ, какъ сформируются люди, если вы не знаете, куда вы ихъ ведете?

— Мы это знаемъ... Мы знаемъ, что мы идемъ къ обществу „сверхпромышленному“, гдѣ никто уже не сможетъ отводить энергию массъ въ свое русло... Разумѣется, никто не знаетъ навѣрное, какъ такое общество будетъ функционировать; но можно допустить, что оно осуществимо...

— Съ толпой ничего не осуществишь...

— Но мы не склонны ожидать, чтобы толпа разобилась въ нашу пользу. Если бы революціи устраивались большинствомъ, они не имѣли бы никакого смысла! Происходили бы одни безконечныя и жалкія эволюціи. Ни одного полезнаго преобразования нельзя было бы добиться иначе, какъ цѣною вѣковыхъ страданій. Большинство никогда не умело расправиться самолично, и никогда не сдумаетъ. Для того, чтобы привести его къ побѣдѣ, нужны сознательныя и мужественныя мень-

иниства... Когда накопится миллионъ трудящихся, поистинѣ просвѣщенныхъ, революція будетъ сдѣлана!

— А на другой день раздѣлана! Новые реформаторы не будутъ имѣть ничего общаго съ вашими нелѣпыми. Вы воображаете, что у васъ логика, а сами руководитесь самыми темными инстинктами.

— А вы?

— И я также. Но мой инстинктъ подчиняется по крайней мѣрѣ законамъ цивилизации. Я желаю борьбы моральной; вы желаете звѣрской бойни.

— Къ этому буржуазія насъ принуждаетъ.

— Вы видите всегда только ихъ силу: ихъ слабость, ихъ безпомощность отъ васъ ускользаетъ. Она ужасна. Вы хотите поставить на ея мѣсто еще худшую слабость: народную. Это не буржуазія, это человѣчество не въ состояннн, *еще не въ состояннн!*

Онъ смотрѣлъ на нее какъ будто съ удовлетвореніемъ, какъ будто взволнованный, и вмѣстѣ неприятно пораженный рѣчами такого рода со стороны этой прелестной дѣвушки. Она вся дышала искренностью. Родились ея мысли естественнымъ путемъ или ее имъ выучили, но она сумѣла привести ихъ въ порядокъ и умѣла ими пользоваться. Въ прекрасный часъ весны она представлялась существомъ, которое обратить было и достойнѣе и необходимѣе всякаго другого.

— Вы говорите со мной круто,—произнесъ онъ, обращаясь къ ней съ улыбкой почти льстивой,—и какъ съ врагомъ.

Легкая краска прошла у ней по лицу и по шеѣ.

— Да вы и есть врагъ,—отвѣчала она менѣе рѣзко:—вы ведете народъ на смерть. Въ это общество, гдѣ необходимо сосредоточиться, вы несете смуту и насилие. Богъ знаетъ, сколько невинныхъ погибнетъ по одной вашей винѣ! Я не могу и подумать объ этомъ безъ гнѣва.

— Невинные только и дѣлаютъ, что гибнуть,—произнесъ онъ съ печальной серьезностью,—въ ту минуту, какъ мы разговариваемъ, тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей умираютъ жалкой голодной смертью, умираютъ отъ холода и отъ того, что живутъ въ отвратительныхъ клоакахъ. Или вамъ не извѣстно, какова нужда вамъ подобныхъ?

— Я въ этомъ никого не обвиняю. Это смѣшно требовать у богачей доброты, которой нѣтъ у бѣдныхъ.

— Доброта богачей—только оскорбленіе для бѣдныхъ. Мы хотимъ истребить нужду.

— И я этого хочу.

— Стало быть намъ остается только сговориться о средствахъ.

Она разсмѣялась:

— Ну, это будетъ длинная исторія!

— Кто знаетъ? Будетъ достаточно, если вы признаете невозможнымъ соглашеніе съ буржуазіей.

— Для васъ будетъ достаточно, если вы признаете возможной побѣду надъ ними на ихъ же почвѣ!

Они замолчали. Въ наступившей тишинѣ они созерцали другъ друга съ недоумѣемъ и любопытствомъ. Въ смутномъ будущемъ онъ видѣлъ, какъ множились грядущія массы, и ихъ ослѣпяла радость. Кристина думала о столкновении энергій, ослѣпительныхъ, какъ огни наковальни и тонкихъ, какъ электрические токи.

— Вотъ и братъ вернулся!—сказала молодая дѣвушка, прислушиваясь.

Она поцѣловала маленькаго Антуана и удалилась тѣмъ же рѣшительнымъ шагомъ, какъ и вошла.

— Кто это?—спросилъ Ружемонъ, когда закрылась дверь.

— Это сестра Марселя Дэландъ,—сказалъ Гарригъ,—механика, который пытается организовать желтые синдикаты. Говорятъ у него есть ловкость и смѣлость... не хуже Биетри. Но не въ Парижѣ онъ этого добьется.

— А гдѣ онъ дѣйствуетъ?

— Въ Мэзонъ-Бланшъ, на пристани, въ Томбъ-Иссуарѣ, въ Большемъ и Маломъ-Монружѣ.

— Значитъ будемъ дѣйствовать вмѣстѣ. Тѣмъ лучше! Борьба усиливаетъ воинственный пылъ. Пусть не рассчитываетъ: я щадить его не буду. Желтые—это наши волки. Иногда мнѣ бываетъ жалко травить какого-нибудь буржуа изъ славныхъ мальхъ; а желтаго—никогда не жалко! Что же, онъ живетъ пропагандой?

— Нѣтъ. Онъ работаетъ у Дэлаборда; это печатникъ-издатель на бульварѣ Массена.

— Художественныя коллекци?

— Да, именно.

— У этого Дэлаборда бываютъ иногда очень красивые переплеты,—задумчиво пробормоталъ Ружемонъ. Я къ нему зайду. Онъ осторожно оцетинилъ перья у скворца, который поклевывалъ на столѣ.

— А сестра?—спросилъ онъ съ отѣнкомъ недоброжелательства,—кажется образованная.

— Она образованная больше, да. Но все-таки она не пожелала учиться; она находить, что нужно знать два или три ремесла; она переплетчица...

— Гдѣ?

— Тоже у Дэлаборда.

Настала длинная пауза; Антуанетта укладывала ребенка въ постель, и скворецъ перебирался въ свою клѣтку, подражая сейчасъ стучу молотка и бормоча тихонько:

— Фаянсъ починаю... фарфоры!

Горошины его глазъ хитро закатились, потомъ закрылись тоненькой голубой пленкой вѣкъ. Онъ взъерошился, превратился въ плюшевый комокъ и уткнулъ свой клювъ въ перья, какъ въ подушку.

Гарригъ и Ружемонъ зажгли угольки трубокъ. Усѣвшись подлѣ окна, они молчаливо выполняли обрядъ куренія, успокоительный обрядъ, воспоминаніе о древнемъ очагѣ, объ огонькахъ алтаря, о голубыхъ облакахъ ладана. Вѣтеръ вздымалъ свои легкія волны, и во всѣхъ очертаніяхъ, въ каждомъ воздушномъ порывѣ проявлялась жизнь. Юная, влюбленная, она порхала беззаботно. Это было возстаніе бытія: на улицахъ—свиданія, мелькающія шевелюры, и тѣ безграничныя обѣты, которые, по всему міру, несутъ молодое тѣло. И двое мужчинъ у окна, въ неясныхъ, перемѣнчивыхъ формахъ, приобщились къ тому таинственному счастью, которое должно придти неизбежно, и чье прикосновеніе ощущаютъ въ своемъ одеревенѣломъ мозгу даже старцы.

Перев. А. Кублицкая-Пиоттукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУТИ НОВОЙ КРИТИКИ.

1. Художникъ, критикъ и читатель.

Конечно, о критикѣ, а не о комъ-либо иномъ, сказалъ Пушкинъ: „услышишь судъ глупца“. И рядомъ: „смѣхъ толпы холодной“. Судъ глупца и смѣхъ толпы, если не смѣхъ, то холодъ ея, ждуть художника на всѣхъ путяхъ и перепутьяхъ. Этимъ жесткимъ приговоромъ, казалось бы, разъ навсегда закрѣплены взаимоотношенія художника и критика, художника и читателя.

И тѣмъ не менѣе другая, не выраженная въ осудительномъ стихѣ Пушкина сторона этихъ взаимоотношеній остается въ полной силѣ. Художникъ тоскуетъ безъ читателя. Непринятие для него страшно. Успѣхъ удесятерять его силы. Художникъ пуждается и въ критикѣ, хотя бы только затѣмъ, чтобы неустанно бранить его.

Критикъ презираетъ читателя и втайнѣ, какъ старшій на талантливаго ребенка, глядитъ на художника. Онъ полагаетъ, что въ его рукахъ мозгъ художника и сердце читателя. Какъ прозекторъ, сохраняетъ онъ за собою право послѣдняго суда.

Читатель въ свою очередь твердо знаетъ, что безъ него не обойдутся ни художникъ, ни критикъ. Читатель—тотъ, для котораго работаютъ специалисты слова и вдохновения. Не углубляясь въ сущность этихъ забавно-гордыхъ персонажей мира искусствъ, читатель, то свободно пользуется ихъ услугами, то свободно отказывается отъ нихъ. Онъ чувствуетъ себя господиномъ положенія, какъ бы его ни третировали. И пожалуй, онъ правъ. Поскольку искусству и мысли нужна публичность, нужно признание—за читателемъ послѣдняя власть карать или миловать, власть дать такъ называемое безсмертіе или утопить въ Лету. У художника, лишеннаго читательской толпы, остается только кипѣние творческихъ силъ, да бѣдная его поэтическая истина.

Но поэтическую истину придумываетъ критикъ. Художникъ на дѣлѣ еще бѣднѣе, чѣмъ думается читателю. Крылатая мечта,

даръ пѣсенъ и легкая клюка; какъ у Ивпка, вотъ все его имущество. Даръ, или прокляте, вѣчнаго скитальчества не уравновѣшивается даромъ пѣсенъ...

И все-таки критикъ и читатель душевно сжимаются, чувствуютъ свою нѣмоту и самодовлѣйность, когда художникъ произноситъ овѣянное огнемъ слово. Что бы ни было за творчествомъ, плоды его художникъ несетъ свободно, легко и побѣдно, точно для реальной, а не для человѣческой только, вѣчности. Онъ свободно, легко и побѣдно расточаетъ все душевныя сокровища, кромѣ одного—дара видѣнія, дара пѣсенъ, слитыхъ воедино, въ органическомъ единствѣ образующихъ особый мѣръ поэзи.

2. О темѣ: критикъ.

Поэтъ, художникъ—огромная, вѣчная тема въ исторіи творчества.

Есть два вида художника. Одинъ—художникъ прошлыхъ вѣковъ. Если бы на свѣтѣ не существовало критика и читателя—любителя, если бы они не напоминали объ умершихъ, не изучали тонкости чужого ремесла, не создавали традицію, о великихъ людяхъ прошлыхъ вѣковъ можно было бы сказать коротко и просто: они забыты. Потребность высокой литературы не коренится въ глубинѣ натуры широкихъ читательскихъ массъ. Она когда-то родилась изъ потребности религіозной, затѣмъ искусственно поддерживалась законодателями интеллектуальныхъ модъ, а нынѣ стоитъ на распутьѣ: либо передъ возрожденіемъ въ силѣ и славѣ, либо—и послѣднее вѣриѣ—передъ паденіемъ подъ напоромъ вкуса къ отчетливой (умственной и духовной ограниченности. Однако, благодаря критику и любителю, благодаря традиціи, подражанію и отчасти потребности, современники наши въ правѣ пока говорить, что великихъ—любить, или—помнить, или—еще лучше—чтутъ.

Другой художникъ—художникъ настоящаго. Если онъ занимаетеленъ, его лучше, живѣе, чѣмъ умершаго и великаго, знаютъ и любятъ, независимо отъ масштаба его творчества. Если онъ угрюмъ и труденъ, его, благодаря критику, пытаются понимать, хотя дѣлаютъ это безъ особой охоты. Затѣмъ, въ извѣстныхъ, почти не поддающихся учету случаяхъ,—его чтутъ. Все это продѣлывается безъ всякаго вдохновенія, совсѣмъ не возвышенно, какъ объ этомъ принято говорить, мало сознательно, иногда немножко капризно. Его величество читатель не любитъ утруждать себя даже собственными капризами. „Читатель почтиваетъ“,—сказалъ Щедринъ. Онъ, по привычкамъ мысли, слегка четвероногое величество, со вкусомъ къ настбищу, къ идилліи, къ умѣреннымъ, не вреднымъ тревогамъ.

Если художникъ вѣчная тема для критики, если читатель не менѣе вѣчная забота для художника, то критикъ—совсѣмъ

не тема. Пожалуй, стыдно подумать, не то, что вслух произнести, будто изъ критика можно выкроить тему. Его обошли и читатель и художникъ. Онъ—на положеніи наймита, мажордома, отъ котораго, правда, зависитъ благополучіе государства, поэта хозяйства и удобства гостей, читателей, но которому самому никогда не стагъ государемъ. О критикѣ въ литературныхъ документахъ остаются только укороы за неправильно произведенныя оцѣнки, да созданная критикомъ и литературнымъ лѣтописцемъ исторія.

И тѣмъ не менѣе рѣдкая область труда хранить печать столькихъ усилій и достиженій мысли, сколько ихъ хранятъ труды большихъ критиковъ. Пусть—мажордомы искусства. Тайну власти мажордомъ знаетъ не хуже своего повелителя. Горечь власти, тщету ея, лучше его. Подставьте, вмѣсто власти, творчество. Хотя и понятие власти здѣсь умѣстно. Ибо стремленіе къ власти надъ духовнымъ и материальнымъ міромъ—одно изъ стремленій литературы. Душа поэта, расширяясь для творчества, пытается поглотить и возвести въ перлъ созданія всѣ частныя свои страсти и заботы. Душа литературы, растворяя въ сборномъ тѣлѣ своемъ частныя творчества, пытается поглотить и возвести въ перлъ созданія косныя, не поддающіяся идеализации черты дѣйствительности. Тотъ же процессъ свойствененъ живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, исторіи и музыкѣ. Не даромъ такъ высоко оцѣниваютъ люди огонь творчества. Огненную печать и міру, и обществу, и читателю смыть труднѣе, чѣмъ всякую иную.

3. Что такое критикъ.

Разновидностей критика много, хотя узкое названіе его дѣятельности, казалось, требовало бы однообразія пріемовъ. Уже одно это обстоятельство оправдываетъ тему.

Недостаточная освѣдомленность объ этой породѣ хищниковъ искусства вредна и художнику и читателю. Художникъ платится за неосвѣдомленность ненужными раздраженіями. Читатель—узостью представленій объ искусствѣ. Дѣйствительно, читатель до сихъ поръ не вышелъ изъ стадіи художественнаго каннибализма. Эгоистичный по природѣ, онъ при помощи тенденціознаго отбора критическихъ мнѣній приучилъ себя къ мысли, что живая плоть творчества создана только ему на потребу. Самъ критикъ изъ описанія себѣ подобныхъ можетъ почерпнуть мужество и сознание права быть самимъ собою.

Большихъ критиковъ въ исторіи литературы не много, меньше, чѣмъ большихъ художниковъ. Искусство критики—а она именно искусство, никакъ не наука—молодо, и до сихъ поръ не нашло себя. Къ тому же оно, согласно существующему до сихъ поръ предразсудку, требуетъ отъ писателя-критика само-

отречения. И часто талантливые люди предпочитают быть плохими художниками или расплывчатыми философами вместо того, чтобы быть хорошими критиками.

Критикъ-регистраторъ не можетъ разсчитывать на развитіе. Чистый ремесленникъ, онъ зависитъ больше отъ состоянія рынка, чѣмъ отъ напряженія творчества данной эпохи.

Критикъ-книголюбъ и лѣтописецъ, конечно, не ремесленникъ. Онъ служитъ иногда своей страсти, иногда, какъ педантъ, холодной наукѣ. Онъ является непремѣннымъ сторожемъ и спутникомъ литературы. Безъ него литература обойгись не можетъ, но рѣдко удается ему услышать слово признанія и благодарности.

Критикъ-андрогинъ, совмѣстившій начала творческое и аналитическое, не можетъ не вѣрить въ будущее своего искусства и важность своей мисси. Критикъ-андрогинъ легко вырождается въ обыкновеннаго лираческаго болтуна; но столь же легко подныгся ему до свободной полнозвучности въ воплощеніи творческихъ своихъ силъ и идей. Правда, приходится признаться, что этимъ высокимъ дѣломъ занимались чаще всего попутно съ чистымъ творчествомъ художники и философы. Въ этомъ фактѣ можно найти упрекъ критикамъ, но не самой критикѣ.

Критикъ очень часто — неудавшійся философъ безъ законченной философской системы. Таковы были Карлейль, Эмерсонъ, у насъ—Бѣлинскій, К. Леонтьевъ. Философъ, запертый въ узкой клѣткѣ литературы, лишенный дара прямо, безъ посредниковъ воспринимать дѣйствительность, лишенный солнечнаго свѣта, чистаго воздуха, реальныхъ предметовъ.

Запертъ въ искусственномъ мѣрѣ онъ самою судьбою, давшей ему опредѣленную душевную организацію, своего рода зрячую слѣпоту. Иногда эта замѣна естественнаго искусственнымъ совершается и по доброй волѣ—тѣми, для кого реальный мѣръ непереносно-огроменъ, тѣми, кто любитъ чужой безпорядокъ, а своего производить не умѣетъ, кто склоненъ одновременно и къ безпорядку и къ педантизму категорій, къ щепетильной, моральной и эстетической разборчивости, кто сочетаетъ неопредѣлимое пристрастіе къ логикѣ съ потребностью работать непремѣнно надъ человѣческими, страстными, плотными эманациями мира.

Такъ скрылся въ литературной кельѣ чувствительный О. Уайльдъ, а у насъ, въ Россіи, не менѣе чувствительный, болѣе систематическій бунтарь К. Эрбергъ. Конечно, такой философъ-критикъ до известной степени интеллектуальный уродъ, ибо дѣйствительность онъ воспринимаетъ по двумъ проводамъ сразу, въ неравномѣрной смѣси, не умѣя отчетливо намѣтить границы: непосредственно—главнымъ образомъ мѣръ своихъ идей; посредственно—главнымъ образомъ мѣръ чужихъ образовъ и чувствованій. Но кто любитъ творчество, тотъ знаетъ

огромную цѣну уродства и тотъ не боится его, ибо оно всѣми видимое, осязаемое проявленіе „четвертаго измѣренія“ въ эстетикѣ.

Великіе художники обычно въ критикѣ выявляли свою потребность философствовать. Литературныя характеристики, находимыя у Пушкина, Гоголя, Гете, Гейне и др., стоятъ на границѣ отвлеченнаго философствованія, въ сжатомъ, или зачаточномъ состояніи. Ниче въ критикѣ находилъ для себя мостъ между философскимъ и художественнымъ. Наиболѣе опасныя для самаго Р. Вагнера проявленія его двусмысленнаго гениа—въ запискахъ объ искусствѣ и въ критикѣ. Въ нихъ любитель пероцѣнки цѣнностей можетъ найти основанія для того, чтобы умалять значеніе этого честолюбиваго экспериментатора надъ искусствомъ.

Иногда критикъ—это художникъ, лишенный выразительнаго дара. Если критикъ-философъ лишень зрѣнія, не допущень до подлинной дѣйствительности, то критикъ-художникъ, напротивъ, чрезвычайно зорокъ, не ограниченъ, впечатлителенъ. Онъ чертитъ рисунокъ творенія, знаетъ краски, осязаетъ мѣру, но безсиленъ связать ихъ и напоить гармонически звучащимъ содержаниемъ. Я зналъ литературнаго критика, который видѣлъ во снѣ цѣлые романы—и утверждалъ, что превосходные. Но проснувшись, онъ забывалъ тѣ слова, что были найдены въ забытій дѣйствительности. Стилемъ онъ обладалъ тяжелымъ и отвлеченнымъ, безъ уплотненности словъ, безъ ихъ чувственности.

Критикъ, обладающій художническимъ видѣніемъ, но лишенный дара выразительности, часто озлобленъ, чрезмѣрно требователенъ и подозрителенъ по отношенію къ писателю-творцу. Онъ—ожесточенный врагъ легкомыслія, небрежности, имитаци, и хорошо угадываетъ ихъ. Чѣмъ нѣжнѣе любитъ онъ искусство, тѣмъ нетерпимѣе его рѣчи о людяхъ искусства. Если онъ очень самолюбивъ, онъ избѣгаетъ писать о людяхъ, въ особенности о современникахъ, стремится стать чистымъ теоретикомъ—что, правда, рѣдко удается,—пытаясь создать эстетическіе или историческіе лѣса для художественныхъ построекъ, возведенныхъ другими безъ помощи этихъ непрошенныхъ лѣсовъ. Такими представляются мнѣ Вал. Майковъ и Ап. Григорьевъ. Левъ Шестовъ, прежде чѣмъ стать философомъ, въ какомъ-то неразличимомъ моментѣ, въ переходѣ изъ художества къ нехудожеству, могъ быть критикомъ этого рода. М. Гершензонъ, пытающійся быть философомъ, скорѣе обладаетъ художническою жилкой. Оттого его „Чаадаевъ“ и „Мудрость Пушкина“ неудачны, а изысканія о недавней русской старинѣ тонки и благоуханны. Футуристъ, изслѣдователь ритма С. Бобровъ и авторъ превосходнаго изслѣдованія о „Цѣли творчества“ К. Эрбергъ—поэты. С. Бобровъ достигалъ незаурядной изобразительности въ стихахъ своихъ, ему удаются контрастъ и иронія. Отдѣльныя строки К. Эрберга стоятъ на высотѣ большой поэзіи, силою ихъ онъ

подчасъ не уступаетъ Тютчеву. Но по тому, какъ весь поэтический рисунокъ С. Боброва не спаянъ; по тому какъ сильныя слова К. Эрберга и сильныя его мысли крѣпко насажены на стальной каркасъ замысла и крѣпко спаяны мастерствомъ — по этимъ признакамъ можно судить, что эти поэты лишены рѣшительнаго, полнаго, какъ родникъ, поэтическаго дара, и что ихъ критика, ихъ ученость и вкусъ къ философствованію надъ эстетическими данными развились на почвѣ неудовлетворенности, на почвѣ холода, который подымается въ ихъ душахъ одновременно—какъ нарочно, одновременно — съ расплавленною лавою поэтическихъ замысловъ.

Опустившійся критикъ поневолѣ, критикъ завистникъ— В. Буренинъ. Его старость отрицаетъ собственную молодость, и наоборотъ, Д. Мережковский могъ стать мастеромъ художественной критики, если бы умѣлъ отчетливо думать, если бы зналъ подлинную цѣну слова и мысли и не обманулъ литературу и себя имитацией художества.

Не рѣдокъ критикъ—общественный реформаторъ или честолюбецъ, выбитый изъ колеи реальныхъ дѣлъ условиями эпохи, случайностью или любовью къ слову.

Однообразіе критики середины и конца прошлаго столѣтія легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что этому роду литературы предавались люди, которымъ не было мѣста въ живой жизни страны. Агитаторы въ высокомъ смыслѣ слова, политики, проповѣдники, люди широкаго общественнаго почина вынуждены бывали питаться прѣсною для нихъ, любителей дѣла, пищею. Не зная подлинной цѣнности чисто-литературныхъ явленій, они упростили ихъ и, мучаясь прѣснотой, давали и намъ по недоразумѣнію переработанную, обезцвѣченную ткань литературы.

Прекрасный образецъ этого рода агитационной критики—примѣръ критики добровольной—отзывы Льва Толстого на современное ему искусство и на Шекспира. Когда Толстой брался за живыя явленія—они у него жили; ибо моралистъ и реформаторъ въ немъ всегда, вопреки видимости, склонялся передъ чудовищностью міровой и человѣческой дѣйствительности. Когда же онъ касался произведеній литературныхъ, ему не передъ чѣмъ было склоняться. Вырвалъ ткань, художество умирало, какъ умирали отъ нарочито грубыхъ его прикосновеній формулы морали и философіи, произведения не боговъ, а равныхъ ему смертныхъ. Реформаторъ вытѣснялъ художника, догматикъ—человѣка.

Непріятно краснорѣчивый сухой схематикъ Тэнъ, щеголяющій своею научностью, являетъ образецъ литературнаго честолюбія худшаго рода. Все разставить по мѣстамъ, переломать старыя мѣрки, все до конца объяснить при помощи приѣмовъ, болѣе похожихъ на потрошеніе, чѣмъ на объясненіе; желаніе сказать слово, объединяющее непременно все послѣднія краски искусства, науки, политики, либерализма; и увѣренность въ

прочности созданной для поэтическихъ соловьевъ клѣтки—таковы основныя черты Тэна, у котораго наука была скорѣе маской, чѣмъ страстью.

Не менѣе Тэна, хотя тоньше, поэтичнѣе и благовоспитаннѣе, насильничалъ надъ литературой Георгъ Брандесъ. Если бы я не боялся впасть въ схематизмъ, соединяя въ одно грѣхи Тэна и Брандеса, я бы и послѣдняго назвалъ честолюбцемъ, неудовлетвореннымъ собственнымъ честолюбіемъ. Брандесъ продѣлалъ надъ литературой большую и по замыслу полезную работу. Онъ старался идти въ ногу съ Шекспиромъ, съ Ибсеномъ, съ Нитче, съ Толстымъ. Но—не слишкомъ ли много находокъ, ритмовъ, скоростей пришлось ему мѣнять, не слишкомъ ли много творческихъ мотивовъ расшифровывать? Брандесъ, какъ и Тэпъ, критикъ безъ особаго личнаго заданія, хотя и съ характернымъ лицомъ. Его заданіе плавало по поверхности, сравнительно съ глубинными заданиями его великихъ клиентовъ. Брандесъ хотѣлъ быть ихъ адвокатомъ, а не своимъ собственнымъ, и оказался виѣ игры, какъ Мережковскій гъ дѣлахъ религиозныхъ, или А. Волынский въ области философской критики. Ибо личное, интимное, сужденное рокомъ какъ писателю, такъ и челоуѣку, одно только и можетъ удержатъ писателя-критика въ кругу играющихъ великую литературную игру.

Добролюбовъ, Чернышевскій, —оба, пожалуй, взяли за реальныя дѣла, если бы жизнь ихъ эпохи была просторнѣе. Другое дѣло—Писаревъ. Онъ умѣлъ ставить литературныя вопросы во весь ростъ, какъ писатель по призванію. Вотъ—критикъ съ огромнымъ случайно оборваннымъ будущимъ, съ личнымъ дѣломъ въ литературѣ, съ большою гибкостью и смѣлостью таланта! Его нельзя назвать ни честолюбцемъ, ни слѣпцомъ, ни педантомъ, ни бѣжавшимъ въ литературу отъ дѣйствительности, благороднымъ трудомъ, ибо онъ жилъ въ ней полно и радостно, какъ рѣдкіе среди его собратьевъ. Писарева надо судить не по его характеристикамъ и оцѣнкамъ, а по силѣ и страстности, съ которыми онъ по своему формовалъ лучший въ русской литературѣ матеріалъ—Пушкина, Тургенева, Щедрина и Гончарова. Онъ не черезъ неудачу подошелъ къ критикѣ. Методы его для насъ непріемлемы; идеи представляются необоснованными преувеличеніями, и все-таки онъ долженъ быть признанъ чистымъ служителемъ искусства критики. Его права и талантъ выступаютъ явственнѣе отъ сопоставленія съ Н. Михайловскимъ. Послѣдній хотѣлъ быть и могъ быть ученымъ; былъ политическимъ дѣятелемъ; проявилъ много чутья къ литературѣ старшаго поколѣнія и еще больше чутья и пониманія скрылъ между строкъ, ради цѣльности своей проповѣднической работы—но критикомъ онъ не былъ. На примѣрѣ Михайловскаго и Писарева, съ ихъ сходствомъ и различіями, можно убѣдиться, что первоначальныя, влекущія къ творчеству эмоціи играютъ въ критикѣ большую роль, чѣмъ видимые, идейныя, словесно выя-

влеченные лозунги. Критикъ не тотъ, кто по нашему правильно оцѣнилъ современныя ему явленія литературы, а тотъ, кто индивидуальному творческому началу въ себѣ далъ, какъ поле, какъ источникъ радостей и труда не внѣшній міръ, а литературу и только литературу. Критикъ не тотъ, кто только зналъ, и изслѣдовалъ по какимъ путямъ восходитъ къ творенію художникъ, а тотъ, чья дѣятельность, чьи оцѣнки художественны по влеченію, по внутренней необходимости по замыслу, по прочности слитной ткани, по многомѣрности (недавно въ такихъ случаяхъ произносили слово: символизмъ) литературнаго созданія. Этимъ послѣднимъ требованіемъ преодолеваются первопричины критической дѣятельности въ видѣ неудачи, „негениальности“, слѣпоты, неправильно взятаго направленія, которыя я упорно выдвигалъ въ началѣ настоящей главы. Неудача, дѣйствительно, играетъ роль въ рожденіи критическаго дара. Но неудача эта не должна быть истолкована вульгарно. Она ощущается не въ дѣлѣ, критика, не въ результатахъ критики, а примѣнительно къ другому покинутому критикомъ направленію дѣятельности—художника, философа или проповѣдника. Она касается самоощущенія критика и можетъ быть лишь угадана, а не установлена документально. „Неудавшійся“ художникъ или философъ не есть плохой художникъ или плохой философъ. Этимъ людямъ никакая критическая дѣятельность не поможетъ. Не слѣдуетъ самоосужденіе писателя—критика, работу его совѣсти дѣлать внѣшнимъ признакомъ его литературной работы, какъ не слѣдуетъ великое мастерство истолкователя подмѣнять дешевой развязностью музейнаго проводника...

Кромѣ указанныхъ, существуютъ еще полуравнодушные къ своему дѣлу критики—историки, критики—эстеты, критики—вульгарные моралисты. Быть можетъ, и они сложнѣе, чѣмъ можно догадываться, но страсти ихъ скрыты, задачи неясны, и мы вынуждены принять безъ оговорокъ этихъ усердныхъ стражей искусства. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми критиками—историками перваго ранга, которымъ удалось, во имя невѣдомаго бога, одержать надъ собою труднѣйшую для писателя побѣду: скрыть истоки творчества, предстать ясными на судъ десятилѣтій. Таковы спокойные изслѣдователи большихъ художниковъ—Гете, Сервантеса, Шекспира; таковы же многіе знагоки искусства Греціи и Рима. Мы знаемъ ихъ дѣла, но ихъ самихъ не знаемъ.

4. Требования художника.

Достоевскій со злобою и отвращеніемъ писалъ Страхову о Бѣлинскомъ: „Онъ обругалъ Пушкина... Онъ провозгласилъ ничтожество повѣстей Бѣлкина. Онъ отрекся отъ окончанія Евгенія Онѣгина. Онъ первый пустилъ мысль о камеръ-юнкерствѣ Пушкина“. Художникъ вступился за художника. И раньше всего

художникъ призналъ, что критикъ мѣрить его собрата неподходящею, малою, въ малости отвратительною мѣрою.

Достоевскій былъ не только художникомъ. Какъ многие великіе писатели, онъ выступалъ и въ качествѣ критика. Какою же мѣрою самъ онъ пзмѣрилъ Тургенева и Толстого? Большою художническою мѣрою? Или малою, критическою, критическою— не въ смыслѣ критики Пушкина, Гете, Нитче, Сентъ-Бева, а въ худшемъ, болѣе низменномъ смыслѣ? Конечно, послѣднюю. Какъ борець, какъ человѣкъ практическаго дѣла, Достоевскій былъ нетерпимъ, порывистъ, слѣпъ. Какъ художникъ, онъ умѣлъ видѣть и слышать такъ, какъ приказано было пророку у Пушкина:

И вялъ я неба содроганье,
И горный ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье...

Критикъ долженъ въ методахъ, въ видѣніи и слышаніи подражать Достоевскому - художнику, онъ долженъ быть тоже „пророкомъ“; и его ждетъ неминуемое паденіе, когда онъ идетъ вслѣдъ за Достоевскимъ-публицистомъ. Хорошо сказалъ объ этомъ А. Горнфельдъ: „Къ міру, созданному художникомъ, критикъ и толкователь можетъ относиться лишь такъ, какъ познаніе самого художника относится къ міру, созданному Творцомъ вселенной; понимать его значитъ выбирать; понимать значитъ смотрѣть съ одной, хотя бы и самой возвышенной точки зрѣнія; понимать нельзя, не будучи одностороннимъ. Этой односторонности, конечно, лишенъ истинный художникъ по отношенію къ своему произведенію. Достоевскій охватывалъ взоромъ весь міръ своего романа. Бѣлинскій видѣлъ его частицу, обострялъ ее, подчеркивалъ и уяснял въ степени, быть можетъ, недоступной для Достоевскаго. И вотъ отвѣтъ на сомнѣнія Бѣлинскаго: его толкованіе для насъ черезъ полвѣка— есть ничтожная доля смысла „Бѣдныхъ людей“, который растеть и ширится и охватываетъ собою всякое новое пониманіе. И какъ бы высоко ни ставилъ Тургеневъ „Донъ-Кихота“, его толкованіе есть лишь одна сторона „Донъ-Кихота“ Сервантеса; и какъ бы ни былъ углубленъ „Вишневый Садъ“ въ изображеніи Художественнаго Театра, его „Вишневый Садъ“ есть лишь частица драмы Чехова“.

Художникъ не можетъ не чувствовать объемной разницы между произведеніемъ своимъ и произведеніемъ толкователя. Организаторъ и чувство вѣчности согрѣваютъ работу художника; производительность, служеніе цѣлямъ временнымъ леденятъ руку критика, если онъ остается только толкователемъ. И художникъ пытается по отношенію къ критику пойти дальше самой судьбы: онъ требуетъ отъ критики полнаго самоотреченія, безграничной покорности.

Критикъ долженъ быть только глашатаемъ, только переводчикомъ и слугою художника. Пока поспѣваетъ, пусть и бѣжитъ

у ногъ коня, созывая толпу фальшетоу кастрата. А не поспѣеть—тѣмъ хуже для него и для толпы. Пегась крылатъ, его не удержишь. Быстроногий и покорный критикъ, не лишешный ума, вкуса и художественнаго сержня—полезный сотрудникъ. Изъ него можно даже извлечь кое-какую пользу. Онъ предостерегаетъ противъ иныхъ ошибокъ, преувеличеній, безвкусицы. Съ нимъ можно заключить вѣрный и нѣжный—со стороны критика—союзъ, если не во имя творчества, то во имя культуры и искусства.

Линия индивидуальнаго художественнаго творчества не бываетъ вертикальной, какъ не бываетъ для души подвига сплошнаго восхождения. Путь творчества извилистъ. Короткие крутые подъемы, длительные, многоверстные спуски, утомление и сонъ, и вновь восхождение и свѣжесть. Художникъ подверженъ закону переменъ. За юностью приходитъ зрѣлость, за зрѣлостью—старость. Художникъ чаще, чѣмъ простой смертный, ошибается, онъ склоненъ ко лжи, къ самообману, къ предательству по отношению къ вчерашнимъ святынямъ, къ самовозвеличению. И онъ требуетъ, чтобы критикъ, велѣдъ за нимъ, оправдывалъ его паденіе, благословлялъ усталость, не видѣлъ сна и старости, приятно объяснялъ ошибки, поддакивалъ лжи, опрокидывалъ вчерашня святыни и подводилъ прочный фундаментъ подъ страсть къ самовозвеличению. Поистинѣ непосильная задача! Недаромъ Нитче послѣ краткаго служенія геню Вагнера почувствовалъ себя въ положеніи лакея, и много лѣтъ послѣ разрыва вспоминалъ пережитое униженіе. Не даромъ Льва Толстого окружали только недалекие люди, которымъ и въ голову не приходила измененность ихъ положенія, профанация ихъ любви къ учителю. Ибо учителя, видимо, могутъ быть только въ дѣлахъ ремесла. Совѣсть, видѣніе и мысль должны обходиться безъ учителей, либо жить въ плѣну, въ полунебытіи, въ образѣ сантиментальныхъ паразитовъ...

Попытки кровной связи между художникомъ и критикомъ оправдываются очень рѣдко. Связь можетъ быть личная, но она не убѣдительна для критика, какъ представителя опредѣленнаго рода искусства. Она можетъ быть—случайной, при общности задачъ, при временной потребности общенія. Она становится прочной, если художникъ гибокъ и любознателенъ—что встрѣчается рѣдко—и если критикъ легко отказывается отъ своихъ задачъ, обладая даромъ тонкаго вибрированія—что встрѣчается чаще. Слишкомъ покорный критикъ надоѣдаетъ неблагодарному художнику. Слишкомъ не гибкій, не любознательный художникъ убійственно влияетъ на критика, и безъ того склоннаго логизировать творчество. Въ ихъ покояхъ зарождается царство глупости, которая въ исторіи литературы приобретаетъ очень почетное имя—школы, группы или течения. Покорные критики не мало повредили Шедрину. Непониманіе, съ одной стороны, и рабское поддакиванье съ другой, сыграли свою роль въ вырожденіи рус-

скаго символизма. На одного только великаго Гете не повлияло вѣрное стадо Эккермановъ благочестія и пѣтета.

Однако, раньше или позже передъ самымъ безхитростнымъ критикомъ встаетъ вопросъ: какъ толковать данное искусство, по своему или по художнически? Если по художнически, то гдѣ предѣлъ правоты художника, и что дѣлать, когда художникъ этотъ предѣлъ перешелъ?

5. Требования читателя.

Непризнание за критикомъ правъ творящей силы со стороны художника, вызываетъ подражаніе со стороны читателя. Если художникъ—слуга читателя, то вдвойнѣ слугою долженъ быть тотъ, кто бѣжитъ у ногъ художническаго коня или кто править, какъ мажордомъ, угодыями художника.

Художникъ заявляетъ о первенствѣ своемъ, какъ посетитель „искры Божьей“, какъ посредникъ между посюстороннимъ и потустороннимъ міромъ. Читатель, всегда позитивный, полуневѣрующій, но и боящійся оголеннаго материализма, настаиваетъ на своемъ первенствѣ, на первенствѣ безогненной, житейской, все уравнивающей практики. Первый возводитъ въ законъ измѣнчивую волю, послѣдній—свой вкусъ къ ясности, къ безопасной мечтательности, къ ограниченному бытомъ идеализму.

Ясность толкованія—настоячивое требованіе читателя. Но пріятная туманность идей тоже не слишкомъ беспокоятъ его. Рѣзущія противорѣчія творчества должны быть разнесены по рубрикамъ, и такъ или иначе обезврежены. Исторія литературы и культуры, конечно, въ самомъ умѣренномъ количествѣ и въ идейномъ освѣщеніи, въ системѣ, весьма способствуетъ разрѣшенію противорѣчій. Благодаря исторіи, благодаря „точкѣ зрѣнія“, самыя страшныя маски начинаютъ скользить по стѣнѣ, какъ тѣни; писательскія, художническія судьбы, съ ихъ катастрофами, гримасами, ужасомъ и высотой, пріобрѣтаютъ прозрачность разрозненныхъ обликовъ калейдоскопа. Всмотритесь въ эти лица вплотную. Ихъ печали, ихъ недоумѣнія, ихъ злоба, собранныя въ двухъ-трехъ едва примѣтныхъ морщинахъ блѣднаго безсильнаго человѣческаго лица, стоятъ иныхъ міровыхъ катастрофъ. Судьба Пушкина, съ его легкостью, его богатствомъ и смертью; конецъ опустошеннаго ѣдкою любовью Тургенева; желчное безпокойство, безпокойство до самоубійства Лермонтова; путь Тютчева; „матрачная могила“ и жестокая жажда жизни на десяти планетахъ сразу Г. Гейне; гигантское воображеніе Нитче, мыслящаго міръ героическимъ зрѣлищемъ и прикованнаго среди пустыни, поросшей кустарникомъ и лишаемъ; окостенѣніе Гете; злоба Байрона; мимолетность Шелли; душевная катастрофа Шекспира, похожая на паденіе храма радости; темныя томленія Софокла; чувственная жадная жизнь Рубенса и его дрожащія руки,

его внезапная старость; обнищание и одичание Рембрандта; побѣгъ Льва Толстого изъ дому—все это безмѣрный, мятущійся, космическій Бэдламъ, темные лучи котораго доходятъ, вѣроятно, до Луны и Венеры, и отравляютъ междупланетное пространство. На землѣ же яды этого Бэдлама нейтрализованы глухимъ сопротивленіемъ идиотической золотой середины, осторожной читательской массы, и прислуживающей ей, послушной, продажной критической бездари. Ибо ясности требуетъ читатель, и ясность дается ему критикомъ. Историю требуетъ читатель, и во имя истории великимъ покойникамъ рубятъ головы и сожигаютъ сердца. Бодрымъ хотеть быть читателемъ, чтобы въ мѣру думать, въ мѣру наслаждаться, и бодрость приносить ему критикъ, путемъ перегонки добывая ее изъ лучшихъ соковъ, изъ чистѣйшей крови художника.

Большая часть заблужденіи старой критики создана въ угоду читателю. Ради простоты пониманія творческий процессъ разбивался на моменты. Изъ романа извлекалась фабула, выдѣлялось содержаніе, развѣшивались, какъ мокрое бѣлье на веревкахъ, идеи. Ради моральнаго здоровья массоваго читателя создавались критеріи дозволеннаго и недозволеннаго. Творческая проблема грѣха, похоти, паденія, уродства, страсти, отчаянія подмѣнялась проблемой полицейской. Вѣка и десятилѣтія требовалъ читатель присутствія полиціи нравовъ при художественныхъ родахъ, и критикъ шелъ въ ряды этой полиціи, и художникъ лицемѣрно подчинялся ей, несмотря на все свое видимое величіе. Наконецъ, въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго вѣка самый свободный изъ всѣхъ, русскій читатель, въ святой наивности установилъ публичные критическіе трибуналы, въ которыхъ, по всѣмъ навыкамъ уголовного судопроизводства, обвинялись и оправдывались Анна Каренина, Гедда Габлеръ, Санинъ и др. подсудимые великой и малой, мировой и русской литературы. Читатель хотеть, чтобы все шло по правиламъ: мръ будничныи и мръ праздничнаго творчества должны быть выкованы по одному шаблону.

Все, что я разсказалъ здѣсь о читателѣ и о послушномъ ему критикѣ, можно выразить и въ другихъ, болѣе возвышенныхъ словахъ. Тогда „проблема читателя“ покажется—читателю—не столь безнадежной и не столь пошлой. За благородными интерпретаціями читательскихъ требованій ходить не далеко. Часто такъ называемой „текущей“ журнальной критики служить имъ въ той или другой формѣ. Они просочились въ писанія критиковъ, у которыхъ были всѣ основанія заняться своимъ интимнымъ дѣломъ въ литературѣ, не считаясь съ рогаками публичности. Ради этихъ требованій А. Волыскій, при большой любви къ литературѣ, создалъ свой бодрый, поверхностный идеализмъ. Имъ на потребу работаетъ Ю. Айхенвальдъ—очень смягченный образчикъ „читательскаго“ стиля, читательской всеобъемлемости, мечтательности, распылчатости, сугубой тонкости

и широты, начало которымъ положили въ русской литературѣ, кажется, Дружининъ, съ его артистическою и дидактическою категориями, благополучно дожившими до нашихъ дней, не смѣняя даже одежды.

6. Требования общественности.

Требования художника и читателя не могутъ измѣниться до тѣхъ поръ, пока критикъ самъ не придастъ имъ болѣе плодотворное направление. Они исходятъ изъ сущности художника и читателя и поддаются лишь живой обработкѣ. Другое дѣло—требования общественности, предъявляемая литературѣ черезъ критику, а критику—непосредственно. Эти требования покоятся на извѣстной традици, не больше. При томъ самъ критикъ больше всего участвовалъ въ ея установлении.

Когда странѣ живется тѣсно, общественность подымаетъ свой голосъ. Когда силы страны расковываются, общественность освобождаетъ изъ подъ спуда также и индивидуальныя силы. Поэтому свобода политическая желанна и художнику и критику. Читатель, любящій разнообразіе въ твореніяхъ искусства, долженъ ее привѣтствовать. Искусство свободныхъ народовъ менѣе выигрываетъ въ глубинѣ, за то болѣе рвется въ ширь. Элементарныя формы искусства становятся мало по малу общею потребностью. Однако, указывая на добрую роль политической свободы, очень существенно помнить, что гнетъ озабоченной общественности не долженъ смѣняться гнетомъ односторонне организованнаго общественнаго мнѣнія.

Н. Михайловскій требовалъ отъ художника: сначала убить дракона, а потомъ только творить. Сначала—потомъ противорѣчатъ самой сущности творчества. Но какъ бы тамъ ни было, драконъ убить. На мѣсто его не трудно поставить другого, не менѣе жестокаго. Навыки принужденія, навыки утилитарнаго пониманія искусства изживаются не легко. Каждому хочется вліять на искусство. Но немногие знаютъ, что искусство существуетъ только затѣмъ, чтобы творчески его воспринимать.

Вопросъ о связи между общественностью и искусствомъ лишь недавно, въ моментъ торжества такъ называемаго декондентства, снятъ съ очереди. Нынѣ онъ воскреснетъ вновь—въ болѣе легкой и безобидной формѣ. Художникъ захочетъ прославить свободу не только по своему, по художнически, но и по чужому, какъ всѣ славятъ. Здѣсь большая опасность и для художника и для критика. Не надо мѣшать художнику въ его радости или въ исполненіи долга. Но не надо этотъ долгъ или радости превращать въ кандалы и тюрьму. Истоки всякихъ творческихъ силъ, какъ искусства, такъ и науки, такъ и политическаго творчества, лежатъ глубже всякаго гражданскаго быта.

Превращение и рост творческих идей автономнее эволюции церкви, морали или права. И если сейчас возможно отделение церкви от государства; если в народных толпах зрѣет сознание необходимости вырвать изъ рукъ государства карающій мечъ, замѣнивъ его осужденіемъ суда совмѣстнаго—то тѣмъ болѣе необходима независимость всякаго искусства...

Сдѣлайте Гоголя—Вѣчнымъ Жидомъ. Имѣйте жестокость не дать ему умереть въ теченіе вѣковъ. Уведите его, живого, во времена Іоанна Грознаго, перебросьте въ десятилѣтія Александра III и въ мѣсяцы текущей революціи. Дайте ему келью для работы, безнаказанность для выраженія мыслей. Дайте десятка два безличныхъ, безнумныхъ поклонниковъ—статистовъ для того, чтобы не исключительно объ интимномъ говорилъ Гоголь. Измѣнится ли отъ всего этого его зрѣніе, которое превращаетъ лица въ маски, его слухъ, его болѣзненное мироощущеніе? Измѣнится ли странный, вздыхающій гиперболическій стиль псевдо-реалиста и псевдо-романтика? Нѣтъ. Гоголь можетъ смѣнить матеріалъ, знаніе быта, среду, углы зрѣнія, но маски, деревянныя гримасы лицъ, смѣхи, потребность искажать въ сторону уродства останутся независимо отъ времени, условій и матеріала...

Повторите тотъ же опытъ надъ Тургеневымъ. Прежде чѣмъ приступить къ нему, вы спросите: надъ какимъ Тургеневымъ? И будете правы. Тургеневъ-старикъ замкнется отъ перемѣнъ въ скорлупу предпоследнихъ мыслей, подобно Гоголю. Тургеневъ-юноша радостно отдастся измѣненіямъ. Но въ юношѣ, какъ въ старикѣ, останутся тихія заводи и глубокіе омуты, неподвластные времени и общественности.

Отвѣтъ литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и критики, какъ искусства въ ея цѣломъ, на требованія общественности весьма уклончивъ. Вліянію общественныхъ катастрофъ литература подвержена—и не подвержена.

Двусмысленность отвѣта зависитъ вовсе не отъ двуличности отвѣчающихъ. Напротивъ. Литература въ этомъ случаѣ была всегда честна, несмотря на то, что именно въ немъ ей пришлось не мало претерпѣть клеветы и поношеній. Критика же изъ кожи лѣзла вонъ, чтобы доказать свою приверженность общественнымъ катастрофамъ.

7. Вѣка, дни и критикъ.

Литература творить изъ быта. Моральный и умственный обликъ художника куется въ быту. Стѣнки его мозга выстланы нитями современности. Плоть художественнаго матеріала связана съ плотью исторіи. Такимъ образомъ, литература въ рамѣ столѣтій и полустолѣтій, вмѣщающихъ изжитые циклы идей, вѣровавшей и стремленій, литература какъ нѣкое цѣлое, какъ сумма

многихъ усилии, какъ обезличенное сокровище народа подлежащее, между прочимъ, и суду творящей общественности.

Но литература въ рамѣ единой творящей личности, литература, разсматриваемая изнутри, въ смыслѣ цѣлесообразнаго или нецѣлесообразнаго развитія силы создателя ея, литература, какъ знакъ пережитыхъ бореній, какъ суррогатъ подземной дѣятельности обособленной, недоумѣвающей, ницущей укрѣпиться души—ускользаетъ отъ исторіи и быта, какъ воздухъ ускользаетъ отъ бича, и вода отъ молота.

Левъ Толстой въ юности поролъ крѣпостныхъ за мелкия прегрѣшенія. Это—отъ быта. Но потребность записей о поркѣ—не отъ быта, здѣсь зерно будущаго Толстого. Отношенія Пушкина и няни заложены въ быту, но затѣмъ поднимаются надъ бытомъ. Иными словами: среда—дана; формы—даны; среднія стремленія, какъ и средняя мораль—тоже; но борьба со средою—берется духомъ свободнымъ; формы мѣняются; въ отношенія вводится выборъ; стремленія окрашиваются и подмѣняются другими.. Динамика жизни и творчества—отъ истоковъ. И немного времени пройдетъ, какъ воды, идущія отъ истоковъ этихъ, прольются и въ сферы статики. Костенѣя, вѣчно-новая динамика даетъ временно, бытійственно-новую статику.

Жуковский, Пушкинъ, Карамзинъ, Гоголь, обезличенные, высушенные временемъ, даютъ литературно-бытовой пластъ. Пластъ этотъ можетъ быть изучаемъ общественными геологами со всѣхъ точекъ зрѣнія: здѣсь и общественность, и нравы, и мораль, и религія, и научныя идеи, и право, и педагогика, и политическая экономія. Но выдѣлите Пушкина; выдѣлите Жуковского, Гоголя, Карамзина—и передъ вами встанутъ: 1) замыслы; 2) стиль; 3) словарь; 4) психологія; 5) біографія; 6) вкусъ къ опредѣленнымъ житейскимъ и психологическимъ ситуациямъ; 7) исторія частнаго развитія, и др. стороны частнаго творчества, совсѣмъ не интересныя историкъ или общественнику, но драгоценныя для критика, психолога, эстета и, въ случаяхъ большой одаренности писателя, даже философа. Понятія, образы, такъ наз. идеи писателя снимаютъ непроницаемыя одежды временности. Законченныя формы уступаютъ мѣсто безформенности, безпокойству, творческому потоку душевныхъ состояній. Критеріи правильности и неправильности отпадаютъ. Вмѣсто нихъ, возстаютъ праведность художника, какъ такового, первосозданность его замысла и осуществляющаго замыселъ порыва. Вотъ какъ говорить объ этомъ историкъ литературы Лансонъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ умаленіи правъ исторіи: „Нашъ идеаль—научиться такъ воссоздавать Боскюэа и Вольтера, чтобы ни католикъ, ни антиклерикалъ не могли оспаривать нашу реконструкцію... Нашъ методъ—по существу методъ историческій, и лучшей подготовкой для изучающаго словесность было бы продумать „Введение въ изученіе исторіи“ Ланглуа и Сеньбоба или соответствующую главу Г. Моно... Историкъ,

имѣя дѣло съ документомъ, старается выдѣлить въ немъ личные элементы, чтобы исключить ихъ. Но именно въ этихъ личныхъ элементахъ хранится чувственно и эстетически-возбуждающая сила произведенія; слѣдовательно, намъ должно сохранять ихъ... Говорять, что историческое чутье есть чутье различій. Въ этомъ смыслѣ мы—наиболѣе историчные язъ историковъ, потому что въ то время, какъ историкъ, устанавливаетъ различія между общими фактами, мы прослѣживаемъ эти различія дальше, до личностей. Мы задаемъ цѣлью опредѣлять индивидуальное свособразіе, т. е. явленія единственныя, неповторяемыя и несоизмѣримыя“. („Методъ въ ист. литер.“ стр. 4—9).

Лансонъ говоритъ, какъ историкъ. Какъ историкъ, поддерживаетъ его и М. Гершензонъ въ „Послѣсловіи“. Но послѣднее, не въ примѣръ профессорски законченному Лансону, уже тѣсно въ исторіи. Многократно сговорившись объ уздѣ, объ осторожности, о наукоподобіи, М. Гершензонъ открываетъ двери истинной свободѣ художественной критики: „художественный образъ,—говоритъ онъ,—никогда не можетъ быть типомъ, т. е. сводной фотографіей съ жизни: онъ—актъ самораскрытія и самопознанія, вольная или невольная повѣсть о самомъ себѣ“. („Методъ“ стр. 58—59). Выводы изъ этого утвержденія ясны.

Если обсужденіе литературы прошлаго требуетъ такой осторожности, такого отчетливаго знанія психологической природы творчества, то тѣмъ болѣе—осторожной и деликатной должна быть критика, обсуждая современную ей литературу. Во-первыхъ, потому, что большая половина творчества связана съ интимными потребностями художника, которыя не мѣняются отъ трубнаго гласа общественнаго суда. Во-вторыхъ, потому, что характеръ историческаго литературнаго пласта можетъ быть обсуждаемъ только въ полномъ завершеніи, а не тогда, когда онъ творится и границы его не очерчены. Въ третьихъ потому, что, понуждая писателя посильно отзываться на дѣйствительность, фотографировать ее, критика вызываетъ къ жизни литературу поверхностную, агитационную, которая перегораетъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, иногда даже мѣсяцевъ; она отходитъ въ царство историческаго анекдота, а отнюдь не исторіи литературы.

Евгеній Лундбергъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Литература и революція.

ИСПЫТАНИЕ ВЪ ГРОЗѢ И БУРѢ.

О, старый міръ! Пока ты не погнѣбь.
Пока томншься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, какъ Эдипъ,
Предъ Сфинсомъ съ древною загадкой!

Александръ Блокъ.

1.

Два испытанія—одно вслѣдъ за другимъ и одно вслѣдствие другого—пали тяжкимъ бременемъ на плечи Атланта, поддерживающаго устой стараго міра. Испытанія огненныя, испытанія грозовныя.

И первое испытаніе—испытаніе огнемъ міровой войны—сразу испепелило ростки братства „международнаго“, и на пожарахъ его укрѣпило цементомъ „национальной“ злобы устой стараго міра. Ибо национальная рознь—крѣпкій цементъ для старыхъ кирпичей; пока есть она—Атлантъ можетъ быть спокоенъ: своды не обрушатся, не погребутъ его подъ развалинами.

Но огонь, обжигающій кирпичи, укрѣпляетъ своды лишь до того мига, пока не перейдетъ онъ въ пламя испепеляющее, пока изъ огня-раба не станетъ онъ огнемъ творческимъ, пока изъ огня кухонной плиты не станетъ онъ огнемъ молнии. И тогда—горе устоямъ Атланта! Ибо—

„Есть судъ всего, что дыпетъ, живетъ и растеть—
судъ огнемъ.

Огонь

послѣдній судя—все судить и все разрѣшаетъ.

А молнія—кормчій.

Послѣднее испытаніе
черезъ огонь“.

Такъ слышимъ мы въ „Предании отъ Гераклита Эфесскаго“ (А. Ремизовъ): такъ знаемъ мы: мировой огонь обрушится на Атланта своды стараго мира. И пришелъ огонь—въ грозѣ и бурѣ. Молния—кормчій...

И второе испытаніе—испытаніе въ грозѣ и бурѣ революции—сразу расшатало крѣпкіе своды; мировой вихрь вновь понесъ на старое пожарище весення сѣмена „международнаго братства“, ринулся на старые устои, покачивулъ велкана Атланта, обрушилъ часть сводовъ на головы властителей стараго мира.

И какъ тогда не выдержали „властители думъ“ испытанія огнемъ войны, такъ не выдержали они теперь испытанія въ грозѣ и бурѣ революции: испугались, пали духомъ, озлобились, возненавидѣли, понесли свои кирпичики для спѣшной поддержки устоевъ Атланта, поспѣшили. добродѣтельные муравьи, скорѣе вновь лѣпить разбросанный бурей мѣщанскій муравейникъ...

Муравьи, мириадами тѣль, могутъ потушить пылающій огонь. Потушатъ ли? Да, если не разгорится онъ въ мировой пожаръ. Разгорится ли? И съ надеждою одни, со страхомъ другіе—ждутъ: удастся ли старому міру сотнями тысячъ тѣль погасить огненный вихрь, удастся ли ему гекатомбой труновъ укрѣпить расшатанные устои? Ибо, если одна лишь революція русская такой грозой и бурей обрушилась на старые своды, то что же будетъ при революціи мировой?

А что это *будетъ*—все знаютъ, „не зная ни дня, ни часа“: будетъ раньше или позже, будетъ „наперекоръ стихіямъ“, будетъ несмотря на гекатомбы тѣль и даже вслѣдствіе ихъ: ибо если есть на землѣ неискупленные страданія, то зато итъ на землѣ неоправданной жертвы.

Все муравьи это знаютъ—и боятся, злятся, ненавидятъ, тупатъ мировой огонь ковшиками злобы, пригоршнями мелкаго ненавистничества. Подлинно: какія огромныя событія, какіе маленькіе люди!

2.

Въ зеркалѣ русской литературы, „какъ солнце въ малой каплѣ воды“, отразились мировыя событія—и какъ мало оказалось въ ней людей, которые увидѣли бы размѣры совершающагося, почувяли бы вѣяніе мирового вихря, отдали бы свои творческія силы не оплакиванію и поддержкѣ стараго, а строенію и рожденію новаго! О мелкой злобѣ, о ядовитыхъ брызгахъ слюны—я уже и не говорю: разверните любой газетный листъ, любую книгу этихъ стражей и блюстителей стараго Атланта...

Есть тамъ и искренняя боль за старое, исконное, навѣки уходящее, есть и мелкая трусость придавленнаго вихремъ „взбунтовавшагося раба“. Ибо, поистинѣ, вотъ гдѣ его царство: въ русской литературѣ, а не въ казармѣ, не на фабрикѣ, не въ деревнѣ. Взбунтовавшимся рабомъ оказался вчерашній „власти-

тель думъ“, русский писатель во всей своей массѣ. Стоитъ ли называть имена?

Звали они революцію—и пришла она. Но пришла не въ тишинѣ, не въ тихомъ пламени неопалимой купины, а въ грозѣ и бурѣ народнаго вихря. Ждали они ее въ видѣ разубраннаго флагами корабля, торжественно салютующаго холостыми зарядами,—пришла она въ вихрѣ пыли, грязи, крови, среди бурныхъ валовъ бушующаго моря. И мимо нихъ проходить корабль революціи—они съ ужасомъ отвернулись отъ него.

Не узнали они друзей моряковъ,
Имъ знакомыхъ давно,
Не узнали снастей, ни ихъ парусовъ,
А сами соткали для нихъ полотно—
Слѣпые, косные люди!

И проходить мимо нихъ этотъ корабль,—„для тысячъ имѣтъ, не понять никѣмъ, ибо слишкомъ онъ былъ непохожъ на скучную ложь—на рассказы учителей мѣстныхъ“ (Э. Верхарнъ)... И въ мелкой злобѣ своей, а порою и въ искренней боли своей, не слышать и не видятъ эти „мѣстные учителя“ и ихъ ученики того, что такъ ясно, казалось бы, для каждаго, имѣющаго очи, чтобы видѣть, имѣющаго уши, чтобы слышать.

Но есть и видящие, и слышащие. Отъ „народныхъ“ глубинъ, отъ „культурныхъ“ вершинъ—поэты и художники радостно и скорбно, но чутко и проникновенно говорятъ намъ о свершающемся въ мѣрѣ. Не боятся они грозы и бури, а принимаютъ ее всеѣмъ сердцемъ и всею душою: „вѣстью овѣяны—души простремъ въ свѣтомъ содѣянный радостный громъ“ (Андрей Бѣлый). Такъ говорятъ одинъ, и отзывается ему другой: „грозно гремитъ твой громъ, чудится плескъ крыль,—новый Содомъ сжигаетъ Егудиль“ (Сергѣй Есенинъ). Отъ вершинъ, отъ глубинъ—чутко чуютъ они то новое мировое, что идетъ теперь въ грозѣ и бурѣ революціи: разрушеніе Содома стараго міра, гибель Атланта и рожденіе, осуществленіе новой Россіи, новой Европы, новаго міра.

Видитъ это мировое и Александръ Блокъ, поэтъ розы и креста. И подлинно—крестъ видитъ онъ на русской революціи и розой вѣнчаетъ ее. Давно не писалъ онъ ничего подобнаго поэмѣ своей „Двѣнадцать“,—да и писалъ ли? Лицомъ къ революціи, лицомъ къ Россіи стоитъ здѣсь поэтъ—и принимаетъ, и понимаетъ, и любитъ, и скорбитъ, и видитъ мировое значеніе совершающагося. Лицомъ къ Атланту стараго міра становится онъ въ другомъ своемъ произведеніи, „Скиѣн“, не менѣе замѣчательномъ,—и негодуетъ, и предостерегаетъ, и клеймитъ... Если бы даже ничего иного не далъ русской литературѣ годъ революціи (а онъ далъ намъ и стихи Н. Клюева, и поэмы С. Есенина, и еще никѣмъ не оцѣненнаго изумительнаго „Котика Летаева“

Андрея Бѣлаго, и плачь „о погибели земли русской“ А. Ремизова), то все же, послѣ „Двѣнадцати“ и „Скифовъ“, годъ революціи явился бы богатымъ голомъ русской литературы.

3.

„Двѣнадцать“—поэма о революціонномъ Петербургѣ конца 1917 начала 1918 года, поэма о крови, о грязи, о преступленіи, о паденіи человѣческомъ. Это—въ одномъ планѣ. А въ другомъ—это поэма о вѣчной, міровой правдѣ той же самой революціи, о томъ, какъ черезъ этихъ же самыхъ запачканныхъ въ крови людей въ міръ идетъ новая благая вѣсть о человѣческомъ освобожденіи. Ибо вѣдь и двѣнадцать апостоловъ были убійцы и грѣшники.

Въ пятой главѣ Дѣяній апостольскихъ разсказывается, съ яснымъ челомъ, какъ апостоль Петръ убилъ (не изъ „винтовочки стальной“, а словомъ устъ своихъ) мужа и жену, Ананію и Сапфиру, за то, что утаили они часть имущества своего отъ христіанской коммуны: „паде же абіе передъ ногами его, и издше“... „И бысть страхъ великъ на всей церкви“,—эпически прибавляетъ бытописатель. Что же, и здѣсь Христось? Здѣсь его нѣтъ, но мимо этого, надъ этимъ—идетъ онъ впереди двѣнадцати, посланныхъ имъ въ міръ.

И впереди „двѣнадцати“ поэмы, — двѣнадцати убійць, — впереди разыгравшагося съ краснымъ флагомъ вѣтра—

Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ—
Впереди—Исусъ Христось...

И не можетъ онъ не идти впереди этихъ „двѣнадцати“, если подлинно за ними, хотя бы и помимо нихъ, стоитъ то мировое, которое слышится намъ теперь въ грозѣ и бурѣ.

Благая вѣсть раздалась двадцать вѣковъ тому назадъ—вѣсть о духовномъ освобожденіи человѣчества. Благая это была вѣсть и великая, ибо духовное освобожденіе человѣчества не подразумѣваетъ ли собою и освобожденія физическаго? Оказалось—нѣтъ, не подразумѣваетъ. Возлюбимъ ближняго, какъ самого себя—это внутренне, духовно; а внѣшне, физически—будемъ по прежнему продавать его въ рабство, предавать его казни. Формы рабства и казни мѣнялись съ вѣками, становились все утонченнѣе и больнѣе: отъ рабства физическаго—къ экономическому, отъ рабства экономическаго—къ духовному. Такъ отъ духовнаго освобожденія пришла христіанская культура къ духовному рабству. И стало ясно: кромѣ внутренней свободы, возвѣщенной христіанствомъ, въ міръ должна притти

свобода ви́шняя — полное освобождение политическое, полное освобождение социальное.

Благу вѣсть мировой социальной революции старый миръ нашихъ дней принять такъ же враждебно, какъ старый миръ эпохи Петронія принялъ благу вѣсть революции духовной. Но съ той революцией старый миръ справился очень скоро: увидѣвъ, что борьба извнѣ невозможна, онъ вопиеть въ революцію и покорилъ ее своему духу. Старый миръ — „принялъ“ христианство.

Тогда мало по малу выяснилась „неудача“ христианства: оно „не удалось“, ибо путь отъ духовной революции къ социальной оказался перерѣзаннымъ: старый миръ съ мечемъ въ рукахъ стоялъ на этой дорогѣ внутри самой христианской коммуны. И черезъ два тысячелѣтя человечество пришло къ обратному пути — отъ социальной революции къ духовной. Впереди — побѣда социальной коммуны; но еще долго старый миръ будетъ становиться на пути этой мировой революции. Будутъ бороться съ ней извнѣ всѣ тѣ „буржуа“, о которыхъ говорится въ поэмѣ „Двѣнадцать“; будутъ бороться съ ней изнутри болѣе опасные враги — различные волки въ овечьихъ шкурахъ.

Трудна дорога, и побѣда придетъ еще не скоро. Она придетъ, вѣроятно, лишь тогда, когда ясно станетъ человѣку, что путь полного освобождения ни въ духовной, ни въ социальной революции, а только въ той и другой одновременно. Но очистительная гроза и буря мировой социальной революции таитъ въ себѣ великую правду. Правды этой не видятъ многие „писатели“, „критики“, „барыни въ каракуляхъ“, но ее видятъ и чувствуютъ многие и многие среди выдѣлившихъ изъ себя „двѣнадцать“. И за эту правду, помимо ихъ воли черезъ нихъ идущую въ миръ, поэтъ „обълымъ вѣнчикомъ изъ розъ“ украшаетъ чело великой русской революции.

1.

Снѣжная вьюга революции начинается съ первыхъ же строкъ поэмы; и съ первыхъ же строкъ ея черное небо и бѣлый снѣгъ — какъ бы символы того двойственного, что совершается на свѣтѣ, что творится нинѣ въ каждой душѣ.

Черный вечеръ.

Бѣлый снѣгъ.

Вѣтеръ, вѣтеръ!

На ногахъ не стоятъ человѣкъ...

Такъ черезъ всю поэму проходятъ, переплетаясь, два внутреннихъ мотива. Черный вечеръ — кровь, грязь, преступление; бѣлый снѣгъ — та новая правда, которая черезъ тѣхъ же людей идетъ въ миръ. И если бы поэтъ ограничился только одной темой, нарисовалъ бы или одну только „черную“ оболочку рево-

люди, или только ея „бѣлую“ сущность—онъ былъ бы восторженно принять въ одномъ или другомъ изъ тѣхъ двухъ станомъ, на которые теперь расколосась Россія. Но поэтъ, подлинный поэтъ, одинаково далекъ и отъ свѣтлаго славословія и отъ темной хулы; онъ даетъ двойную, переплетающуюся истину въ одной картинѣ.

Черный вечеръ.
Бѣлый снѣгъ.

Вся поэма—въ этомъ.

И на этомъ фонѣ, сквозь бѣлую снѣжную пелену рисуетъ поэтъ черными четкими штрихами картину „революціоннаго Петербурга“ конца 1917 года. Тутъ и огромный плакатъ „Вся власть Учредительному Собранию!“, и „невеселый товарищъ поэтъ“, и старушка, которая „никакъ не пойметъ, что значить“, и оплакивающая Россію „барыня въ каракулѣ“, и злобно шипящій „писатель, витя“... И такъ все это мелко, такъ далеко отъ того великаго, что совершается въ мірѣ, такъ убого, что „злобу“ противъ этого всего можно счесть „святой злобой“:

Злоба, грустная злоба
Кинигъ въ груди...
Черная злоба, святая злоба...
Товарищъ! Гляди
Въ оба!

И вотъ на этомъ фонѣ, подъ нависшимъ чернымъ небомъ, подъ падающимъ бѣлымъ снѣгомъ—„идутъ двѣнадцать человекъ“... О, поэтъ нисколько не „поэтизируетъ“ ихъ! Напротивъ. „Въ зубахъ—цыгарка, примать картузь, на спину—бъ надо бубновый тузь!“ А бывшій товарищъ ихъ, Ванька,—„въ шинелишкѣ солдатской, съ физиономіей дурацкой“—летитъ съ толстоморденкой Катькой на лихачѣ, „электрическій фонарикъ на оглобелькахъ“...

И этотъ „красногвардеецъ“ Петруха, уже не разъ бросающійся съ ножомъ на Катьку („У тебя на шеѣ, Катя, шрамъ не зажилъ отъ ножа, у тебя подъ грудью, Катя, та царапина свѣжа!“), этотъ Петруха, уложившій уже офицера („не ушелъ онъ отъ ножа!“), а теперь угрожающій расправою и новому сопернику: „ну, Ванька, сунигъ сынь, буржуй! мою, попробуй, поцѣлуй!“ И сама эта Каллиппа Невскаго проспекта („больно ножки хороши!“), эта толстоморденкая Катя, которая „шоколадъ Миньонъ жрала, съ юнкеремъ гулять ходила, съ солдатемъ теперь пошла“... И эти товарищи Петрухи, безъ минуты раздумія разстрѣливающіе мчащихся на лихачѣ Ваньку съ Катькой: „еще разокъ! Вводи курокъ! Трахъ-тарарахъ!“... И убитая Катька,—„лежи ты, падалъ, на снѣгу!“ И насмѣшки товарищей надъ Петькой, помянувшимъ имя Христа: „Петька! Эй, не завирайся!

Отъ чего тебя упасъ золотой иконостасъ?—Безсознательный ты, право; разсуди, подумай здраво—али руки не въ крови изъ-за Катъкиной любви“?

Это-ли апостолы новой благой вѣсти? Это-ли тѣ „двѣнадцать“, которымъ предшествуетъ „въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ, впереди—Исусъ Христосъ“? Или и на этотъ разъ онъ „со беззаконными вмѣнися“? Или и на этотъ разъ „беззаконство“ хоть и не прощается, но покрывается чѣмъ-то высшимъ?

Смерть Катъки не прощается Петрухѣ. „Охъ ты горе-горькое, скука скучная, смертная!“ И пусть не раскаяніе, а новая злоба лежитъ на его душѣ,—„ужъ я ножичкомъ полосну, полосну! Ты лети, буржуй, воробышкомъ! Выплю кровушку за зазубушку чернобровушку!“—но гнѣта не спятъ съ души: „упокой, Господи, душу рабы твоея... Скучно!“ И развѣ въ раскаяніи тутъ дѣло? Правда, „разбойника благоразумнаго во единомъ часѣ раеви сподобилъ еси, Господи“,—но что знаемъ мы о другомъ разбойникѣ, „безумномъ“? И въ крови сколькихъ женщинъ и дѣтей были, быть можетъ, обагрены руки его „благоразумнаго“ товарища, сораспятаго Христу евангельскаго „злодѣя“? И ему—прощене, ему—рай за „раскаяніе“, за „помяни мя Господи“? И злодѣйства „двѣнадцати“ тогда не покрываются ли тѣмъ, что стоитъ за ними, не черной стихіей, а свѣтлымъ сознаниемъ? Пусть кажется имъ, что идутъ они противъ Христа, противъ креста—

Свобода, свобода,
Эхъ, эхъ, безъ креста!
Тра та-та!

—но все же впереди нихъ роза и крестъ въ иѣжной поступи надвьюжной, въ снѣжной росыни жемчужной...

5.

Черное не прощается, черное не оправдывается—оно покрывается той высшей правдой, которая есть въ сознани „двѣнадцать“. Они — темные убійцы, злодѣи (нарочно вѣдь взялъ поэтъ именно такихъ!)—они чуютъ силу и размахъ того мирового вихря, песчинками котораго являются. Они чуютъ и понимаютъ то, что злобно отрицаетъ и „лицеателъ, витія“, и обывательница въ каракулѣ, и „товарищъ попъ“ и вся духовно павшая „интеллигенція“ въ кавычкахъ. И за эту свою правду—„пошли наши ребята въ красной гвардии служить, въ красной гвардии служить, буйну голову сложить!“ За эту правду они и убиваютъ, и умираютъ. Знаютъ-ли они, что идутъ противъ мирового Атланта, что все своды его стараго зданія предають огню? Знаютъ—и въ этомъ ихъ благая вѣсть мировой социальной революціи:

Мы на горе всёми буржуямъ
Мировой пожаръ раздуемъ,
Мировой пожаръ въ кровн—
Господи благослови!

Правда, сами не знаютъ они, какого они духа, сами не знаютъ насколько совершающееся нынѣ въ мрѣ глубже видимой имъ вѣщности „буржуевъ“ (а можетъ быть не знаютъ, но чувствуютъ?—вѣдь „мировой пожаръ въ крови“!). Но знаютъ они твердо, что къ старому миру возврата нѣтъ, что „Святая Русь“ лежитъ по эту сторону раздѣлившей всѣхъ насъ пропасти (и ненавидятъ же ихъ за это всѣ заупокойные плакальщики о Россіи!). Знаютъ они, что „Святая Русь“, что весь старый миръ—огнищѣ худшіе и непримиримѣйшіе ихъ враги. Знаютъ—и зовутъ: „впередъ, впередъ, рабочий народъ!“

Революционный держите шагъ!
Неугомонный не дремлетъ врагъ!

Товарищъ, винтовку держи, не трусь!
Пальнемъ-ка пулей въ Святую Русь—

Въ кондовую,
Въ избяную,
Въ толстозадую!

Эхъ, эхъ, безъ креста!

И знаютъ они, что борьба предстоитъ упорная, долгая, чувствуютъ они, что Атлантъ до конца будетъ стоять горой за кирпичи стараго мира. И черезъ кровь, черезъ злодѣяніе слишкомъ легко, быть можетъ, готовы они перешагнуть: „потяжеле будетъ бремя намъ, товарищъ дорогой!“ Это бремя—бремя тяжелой борьбы со старымъ миромъ, который теперь „хвостъ поджаль—не отстаетъ“, но который еще обратится въ злобнаго волка, отстаивающаго свою старую нору мѣщанскаго мира. Не могучимъ Атлантомъ, а побитымъ псомъ представляется теперь „двѣнадцати“ (и поэту!) старый миръ. Они разбиты въ первой схваткѣ—и идутъ дозоромъ „двѣнадцать“, твердо зная, что „вотъ—проснется лютой врагъ“...

Такъ отъ реального „революціоннаго Петербурга“ поэма уводитъ насъ въ захватъ вопросовъ мировыхъ, вселенскихъ. Все реально, до всего можно дотронуться рукой—и все „символично“, все вѣщій знакъ далекихъ свершеній. Такъ когда-то Пушкинъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ былъ на грани реального и надъ-историческихъ прозрѣній.

Да, такая сокрушающія сравненія выдерживаетъ поэма Александра Блока. „Какъ будто грома грохотанье, тяжело-звонкое скаканье по потрясенной мостовой“—заканчивается въ наши дни.

Конецъ петровской Россіи—конецъ стараго міра. Было время его славы, расцвѣта, могущества,—и бережно понесемъ мы въ новый міръ вѣчныя „аллигскія“ цѣнности міра стараго: не испепелятся они и въ огнѣ. Но временныя цѣнности его падутъ прахомъ въ грозѣ и бурѣ, въ разыгравшейся вьюгѣ. Въ просвѣты ея мы видимъ и теперь: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прервалось тяжело-авонкое сказанье Мѣднаго Всадника, тамъ теперь—„надъ невской башней тишина“. Гдѣ же Конь? Гдѣ же Всадникъ? Ихъ нѣтъ. И тамъ гдѣ были Конь—тамъ теперь стоитъ „безродный пѣсь, поджавши хвостъ“; тамъ гдѣ былъ Всадникъ, тамъ гдѣ въ „неко-лебимой вышнѣ надъ возмущенною Невою стоялъ съ простер-тою рукою кумиръ на бронзовомъ конѣ“—тамъ теперь „стоитъ буржуй на перекресткѣ и въ воротникъ упряталъ носъ“...

Атлантъ, поддерживающіи своды—и „буржуй“, упрятавши носъ въ воротникъ: кто, кромѣ поэта, можетъ такъ сорвать маску съ мировой сущности?

Стоитъ буржуй на перекресткѣ
И въ воротникъ упряталъ носъ.
А рядомъ жметса шерстью жесткой
Поджавши хвостъ паршивый пѣсь.

Стоитъ буржуй, какъ пѣсь, голодный,
Стоитъ безмолвный, какъ вопросъ.
И старыи міръ, какъ пѣсь безродный
Стоитъ за нимъ, поджавши хвостъ...

6.

Куда же дѣвалось убійство? Гдѣ же Катька? Гдѣ Петруха? Все тамъ же. Лежитъ убитая Катька—„мертва, мертва! Прострѣ-ленная голова“; и у Петьки руки въ крови, и ничѣмъ не смыть эту кровь. Это—его внутренняя трагедія, если онъ до нея доросъ. Но мировой вихрь, но сознание высшей иной правды, но испытаніе въ грозѣ и бурѣ—сдѣлали чернаго злодѣя однимъ изъ „двѣнадцати“.

И развѣ мы забываемъ, что у сораспятаго „разбойника благо-разумнаго“ руки, быть можетъ, обогрены въ человѣческой крови? Не забываемъ и не прощаемъ,—это только самъ Распятый могъ простить. Но на высотѣ мировой трагедіи Голгофы говорить ли намъ объ этой крови „благая вѣсть“? И говорить-ли она намъ о томъ, что быть можетъ и другой сораспятый разбойникъ, „безумный“, не услышавшій слова прощенья, вмѣстѣ съ первымъ „будетъ днесь въ раю“?

На высотѣ нынѣ совершающейся мировой трагедіи выдержи-ваютъ испытаніе въ грозѣ и бурѣ символическіе „двѣнадцать“. Когда постигаемъ мы мировой захватъ совершающагося—вѣтъ

для насъ больше Петрухи, нѣтъ цыгарки въ зубахъ, нѣтъ при-
мятаго картуза, бубноваго туза на спинѣ... Или, вѣрнѣе сказать—
все это есть, но сквозь это, но черезъ это мы видимъ то, что
показываетъ намъ въ „двѣнадцати“ поэтъ. Мы видимъ, какъ

...идутъ безъ имени святаго
Всѣ двѣнадцать—вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль.

И чудо поэтическаго творчества заставляетъ насъ здѣсь въ
словѣ „вдаль“ видѣть не только петербургскіе „переулки
шумяте, гдѣ одна пылить пурга“, а даль міровую, гдѣ „пурга
пылится имъ въ очи дни и ночи напролетъ“... И уже не удивляемся
мы, когда „преображая дѣйствительность“, поэтъ черезъ сгорб-
ленныя спины, „рваное пальтишко, австрійское ружье“—заста-
вляетъ насъ видѣть, какъ двѣнадцать „вдаль идутъ державнымъ
шагомъ“... Ибо видимъ мы теперь то великое мировое, что таится
здѣсь за малымъ, слишкомъ человѣческимъ. И вся послѣдняя
глава поэмы твердо и чеканно подготавливаетъ насъ къ послѣд-
нимъ ея стихамъ.

...Вдаль идутъ державнымъ шагомъ.
—Кто еще тамъ? Выходи!..
Это—вѣтеръ съ краснымъ флагомъ
Разыгрался впереди...

Впереди—сугробъ холодный.
— Кто въ сугробѣ—выходи!..
Только нищій песъ голодный
Ковыляетъ позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыкомъ пощекочу!
Старый міръ, какъ песъ паршивый,
Провались—поколочу!

...Скалить зубы—волкъ голодный,
Хвостъ поджалъ—не отстаетъ,
Песъ холодный, песъ безродный..
— Эй, откликнись, кто идетъ?

Здѣсь уже мы чувствуемъ, здѣсь уже мы знаемъ: не забыть
намъ никогда, что это не шелудивый песъ съ поджатымъ хво-
стомъ бредеть за „двѣнадцатю“, а нѣкогда міродержатель
Атлантъ, въ свое время низверженный христіанствомъ, но потомъ
сумѣвшій взорвать его изнутри. И не двѣнадцать „красногвар-
дейцевъ“ видимъ мы за снѣжной вьюгой, а „двѣнадцать“, несущу-

щихъ міру новую благую вѣсть забавленія. Когда мы увидимъ, когда мы поймемъ все это, то поймемъ и примемъ всѣмъ сердцемъ и послѣднія строки, такъ необходимо, такъ чудесно завершающія эту необходимую всѣмъ намъ, эту чудесную поэму о новой благой вѣсти, возвѣщаемой міру:

...Такъ идутъ державнымъ шагомъ.
Позади—голодный пѣсь,
Впереди—съ кровавымъ флагомъ.
И за вьюгой невидимъ,
И отъ пули неврединъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ обломъ вѣнчикъ изъ розъ—
Впереди—Исусъ Христосъ...

Тотъ, кто не пойметъ, тотъ кто не почувствуетъ этого—не почувствуетъ и не пойметъ всей глубины „древней загадки“, лишь снова предлагаемой „старому міру“. А кто пойметъ—тотъ и разгадаетъ ее правильно. Ибо древняя разгадка—все та же, и гласитъ она: *человѣкъ*.

Въ свое время христіанская революція рождала въ мірѣ „новаго человѣка“, духовно свободнаго—и потерпѣла крушеніе на встрѣчномъ замыслѣ стараго міра: духовно свободнаго оставить все же физически, экономически, социально, а потому и духовно—порабощеннымъ. Съ этимъ „взрывомъ изнутри“ былой духовной революціи старымъ міромъ вступила теперь въ борьбу революція социальная, и ея благая вѣсть—прежняя: освобожденіе человѣка. Но на этотъ разъ—освобожденіе полное: физическое, социальное, духовное.

Въ грозѣ и бурѣ революціи задана эта загадка старому міру. И Александръ Блокъ сумѣлъ показать намъ это не отвлеченными словами, а живой тканью поэтическаго творчества. Вотъ почему поэма его „Двѣнадцать“ десятилѣтія и десятилѣтія будетъ жить въ русской литературѣ, являясь откликомъ души русскаго поэта на стихію русской, на стихію мировой социальной революціи.

7.

Въ поэмѣ „Двѣнадцать“ Александръ Блокъ отъ революціоннаго Петербурга повелъ насъ „вдаль“—къ горизонтамъ революціи мировой, гдѣ стоя на старой землѣ грузно поддерживаетъ Атлантъ старое небо. Новое небо и новую землю даетъ міру каждая великая революція, но рухнувшій Атлантъ вскорѣ вновь возстаетъ изъ подъ обломковъ, и скоро „новое небо“ вновь становится небомъ стараго міра. Величайшій въ мірѣ духовный переворотъ

христианства оказался бессильнымъ разрушить старые кирпичи Рима, старые кирпичи мира.

Не будетъ-ли и нынѣ повторенія этого пятого акта вѣчно новой мировой драмы? Не будемъ предсказывать: мы лишь вслушиваемъ въ прологъ мирового переворота. Но ясно одно: безусловно было-бы недооцѣнивать силы врага.

Когда поэтъ срываетъ съ Атланта маску, когда подъ ней оказывается не полубогъ, не сынъ титана, не братъ великаго Прометея, не отецъ Плеядъ, а мировой „буржуй на перекресткѣ“ — поэтъ правъ, онъ разоблачаетъ стараго мирового обманщика, всесвѣтнаго мѣщанина въ мантии титана.

Но когда старый миръ этотъ, въ образѣ „безроднаго пса“ ковыляетъ поджавъ хвостъ, за державнымъ шествиемъ мира новаго—я не вѣрю ему, ибо слишкомъ хорошо знаю его силы. И поэтъ знаетъ ихъ еще лучше меня. Это только для немногихъ ослѣпленныхъ глашатаевъ новой благой вѣсти можетъ казаться, что старый миръ уже побѣжденъ, что „жметса перестью жесткой поджавши хвостъ паршивый песъ“... Нѣтъ, поэтъ хорошо видитъ, что злобно „скалить зубы волкъ голодный“, что отъ него штыкомъ не отмахнешься. что онъ, ковыляя позади, ждетъ только минуты, когда можно будетъ наброситься и растерзать посетелей мира новаго.

Пусть не титанъ, пусть „буржуй на перекресткѣ“, но онъ во всеоружии выступаетъ теперь противъ новаго мира. Онъ временно „поджалъ хвостъ“ только въ Россіи, гдѣ социальная революція уже обрушила своды изъ старыхъ кирпичей; мы знаемъ, что рухнуть эти своды и въ остальномъ мирѣ, не могутъ не рухнуть. Но пока западно-европейскій „буржуй на перекресткѣ“ напрягаетъ всѣ силы, чтобы удержать на мѣстѣ старое небо, пока онъ подпираетъ его горами труповъ, себѣ уже на погибель, пока великая русская революція не стала великой революціей мировой—до тѣхъ поръ передъ нами въ новой формѣ возникаетъ старая проблема о Россіи и Европѣ, и мы отъ благой вѣсти „Двѣнадцати“ переходимъ къ историческому вопросу современности.

„Двѣнадцать“ несмотря на весь свой черный фонъ, на грязь, на кровь, на злодѣянія, захватываетъ тему мировой революціи въ сферѣ настолько высокой, что она недоступна для историческихъ интересовъ сегодняшняго дня. Опять сравню эту поэму съ „Мѣднымъ Всадникомъ“, произведениемъ слишкомъ глубокимъ, исполненнымъ надъ-историческихъ прозрѣній, и потому не отвѣчавшимъ на рядъ историческихъ вопросовъ современности. Но вѣдь у Пушкина, кромѣ „Мѣднаго Всадника“, есть почти тогда-же написанныя, глубочайшія по мысли произведения захвата историческаго: „Къ тѣни полководца“, „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“. Тамъ—надъ-историческія прозрѣнія, здѣсь—историческія воззрѣнія.

Такъ и у Александра Блока. Если поэму „Двѣнадцать“ мы поставили въ ряду „Мѣднаго Всадника“, то въ ряду „Клеветниковъ Россіи“ надо поставить его вслѣдъ за „Двѣнадцатью“ нанизанныхъ „Скивоу“.

8.

„Скивоу“ съ новой силой ставятъ старый вѣчный вопросъ — о Востокѣ и Западѣ, о Россіи и Европѣ. Не разъ русскіе поэты и художники (еще отъ „Слова о полку Игоревѣ“!) вплотную подошли къ этой темѣ, не разъ за послѣдніе сто лѣтъ, ставили они лицомъ къ лицу двѣ мировыя силы, которыя должны либо столкнуться и погибнуть подъ развалинами стараго міра, либо слиться и воскреснуть въ мірѣ новомъ.

Замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ русскихъ романовъ послѣднихъ десятилѣтій, „Петербургъ“ Андрея Бѣлаго, всецѣло посвященъ этой же темѣ. Но если мы ограничимся только „поэтическими манифестами“ крупнѣйшихъ поэтовъ, то отъ „Клеветниковъ Россіи“ до „Скивоу“ мы увидимъ твердыя вѣхи, опредѣляющія собою путь русскаго поэтическаго самосознания.

И если мы пройдемъ мимо поэтовъ второстепенныхъ, вѣроядъ Хомякова, то путь этотъ помѣтитъ намъ прежде всего Пушкинъ („Клеветникамъ Россіи“) и Тютчевъ („На взятіи Варшавы“). Отъ этихъ громаднхъ произведеній 1831 года, черезъ болѣе мелкія вѣхи славянофильской „историко-философской“ поэзіи, мы придемъ въ концѣ XIX вѣка къ „Панмонголизму“ „Дракону“ и „Ex oriente lux“ Вл. Соловьева, и далѣе, въ прямой преемственности отъ Вл. Соловьева—къ „Скивоу“ Александра Блока.

Пушкинъ, Тютчевъ, Соловьевъ, Блокъ—вотъ характернѣшій путь русскаго поэтическаго сознанія за послѣдніе сто лѣтъ въ вѣчномъ вопросѣ о Россіи и Европѣ, или еще шире—о Востокѣ и Западѣ.

Когда появилось пушкинское „Клеветникамъ Россіи“, то Чаадаевъ, авторъ написанныхъ на ту же тему о Западѣ и Востокѣ „Философическихъ писемъ“ (хотя и совершенно въ иную сторону заостренныхъ), увидѣлъ—одинъ изъ немногихъ!—всю глубину историческаго захвата этого произведения, казавшагося тогдашнимъ либераламъ только „ура-патриотическимъ“. Либеральный болтунъ (а потомъ болтливый реакционеръ) кн. Вяземскій негодовалъ на Пушкина за эти „шинельные стихи“, другой либеральный болтунъ, Ал. Тургеневъ, „защищалъ“ Западъ и иронически уговаривалъ Пушкина: „голубчикъ, съѣзди ты хоть въ Любекъ“... И лишь одинъ Чаадаевъ понялъ всю историческую глубину пушкинскаго захвата: „удивительны стихи къ врагамъ Россіи!.. Въ нихъ больше мыслей, чѣмъ было сказано и создано у насъ въ цѣлый вѣкъ“...

Мысли эти—твердо поставленный вопрос о Востоке и Западе. Возстание Польши—это для поэта только внутренний, „восточный“ вопрос, „споръ славянъ между собою“, вопросъ, котораго Западу не дано разрѣшить. Въ восточномъ, русскомъ морѣ должны слиться всѣ „славянскіе ручьи“, и если на пути слиянія плотной стоитъ Польша—она должна быть сломлена. Западъ шумитъ, Западъ негодуетъ—пусть: это vox et praeterea nihil! У Востока, у России—свои задачи и нѣтъ силы, которая бы стала на ихъ пути.

Въ чемъ эти задачи?—Искупить русской кровью „Европы польность, честь и миръ“. Такъ было уже при концѣ Наполеона. Такъ было и много раньше—при татарахъ. За сто лѣтъ до современнаго намъ поэта, Пушкинъ другими словами говорилъ о томъ же, о томъ, какъ мы вѣка и вѣка „держали щитъ межъ двухъ враждебныхъ расъ—Монголовъ и Европы“. Въ своемъ письмѣ къ Чаадаеву онъ ясно высказываетъ это. „...У насъ своя особая миссія,—пишетъ онъ:—Россия своимъ громаднымъ пространствомъ поглотила побѣду Монголовъ. Татары не дерзнули перейти наши западныя границы и оставить насъ въ тылу. Они отступили въ свои пустыни—и христіанская цивилизаци была спасена“...

Вотъ миссія России—въ прошломъ и будущемъ, такъ вѣрить Пушкинъ. Вотъ глубокая основа его „щипельныхъ стиховъ“, его „патриотизма“; вотъ почему ждетъ и жаждетъ онъ слиянія славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, вотъ почему восклицаетъ онъ въ „Бородинской годовщинѣ“:

Куда отвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волянь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права
Отъ насъ отторгнется-ль Литва?

Скажите, кто главою поникъ?
Кому вѣнчать: мечу иль крику?
Сильна-ли Русь? . . . . .
Побѣда! Сердцу сладкій часъ!
Россия, встань и возвышайся!..

Ибо у России этой—есть вѣчная мировая миссія къ Европѣ. И пусть тогда еще не думалъ поэтъ о новой возможной „монгольской опасности“, пусть тогда еще велико было историческое разстояніе „отъ погрязеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая“, пусть было въ поэтѣ и разочарованіе въ европейскомъ либерализмѣ (vox et praeterea nihil!)—но „скинѣсія“ темы глубоко заложены въ этихъ его историческихъ стихахъ. Это „скинѣство“ хорошо подмѣтилъ въ немъ, хотя и съ другой точки зрѣнія, ли-

оеральный Ал. Тургеневъ. „Пушкинъ варваръ въ отношеніи къ Польшѣ,—писалъ онъ,—варваръ, какъ поэтъ, думая, что безъ патриотизма, какъ онъ его понимаетъ, нельзя быть поэтомъ, и для поэзии не хотеть выходить изъ своего варварства“...

Да, въ этомъ все дѣло: „патриотизмъ, какъ онъ его понимаетъ“... Не квасной официальной патриотизмъ двигалъ Пушкинымъ, не „шинельные стихи“ написалъ онъ, а первый поэтический, пророческій манифестъ Россіи—Европѣ, Востока—Западу. Миссія Россіи была въ его глазахъ—государственной, национальной, и онъ выразилъ это въ своихъ историческихъ стихахъ, въ которыхъ было „больше мыслей, чѣмъ было сказано и создано у насъ въ цѣлый вѣкъ“...

9.

Въ тѣ же дни было написано и тютчевское „На взятіе Варшавы“, впервые увидѣвшее свѣтъ лишь полувѣкомъ позднѣе. Здѣсь новое углубление все той же темы, здѣсь новое пониманіе „миссіи“ Россіи—и здѣсь съ самаго же начала рѣзкое отграниченіе отъ всѣхъ толкованій „шинельнаго“ патриотизма:

...прочь отъ насъ вѣнецъ безславья,
Сплетенный рабскою рукой:
Не за коранъ самодержавья
Кровь братская лилась рѣкой.
Нѣтъ, насъ одушевляло въ боѣ
Не чревобѣsie меча,
Не звѣрство янычаръ ручное
И не покорность палача!

Нѣтъ—„другая мысль, другая вѣра у русскихъ билася въ груди“... Эту мысль, эту вѣру лѣтъ двадцать спустя, въ 1848 г., Тютчевъ съ замѣчательной ясностью выразилъ въ своей статьѣ „La Russie et la Révolution“.

Въ Европѣ уже давно (съ 1789 года) стоятъ лицомъ къ лицу, говорить Тютчевъ, только двѣ реальныя силы: Революція и Россія. Быть можетъ завтра между ними начнется смертная, послѣдняя схватка. „Между ними не можетъ быть ни переговоровъ, ни перемирія. Жизнь одной—смерть другой. Отъ исхода этой борьбы, величайшей борьбы когда-либо бывшей въ мирѣ, на долгие вѣка опредѣлится вся политическая и религиозная будущность человѣчества“...

Да, подлинно—величайшая здѣсь историческая углубленность, и ни слова не можемъ мы выбросить изъ вдохновеннаго прозрѣнія Тютчева! Одно только: за три четверти вѣка, прошедшіе съ тѣхъ поръ до сегодняшняго дня, Россія и Европа помѣнялись мѣстами. Тогда—Россія стояла на стражѣ стараго

міра противъ всей революціонной Европы, теперь—старая Европа стоитъ на той же стражѣ противъ революціонной Россіи...

И еще одно: Тютчевъ хорошо видѣлъ связь между мировой Революціей, которая пришла въ міръ, и той духовной революціей, которая пришла въ міръ двадцать вѣковъ тому назадъ. Онъ думалъ, что обѣ революціи эти другъ другу враждебны, что „прежде всего Революція есть анти-христіанство“, что „духъ анти-христіанства есть душа Революціи, въ этомъ ея подлинный, отличительный характеръ“. И въ этомъ онъ опять былъ правъ, если противопоставлялъ духовную революцію — физической, нравственную революцію — социальной. Такъ или иначе, но оплотомъ первой онъ видѣлъ Россію, очагомъ второй—Европу.

А если такъ—то вотъ она, мировая миссія Россіи, вотъ вѣра, которая бьется въ его груди:

Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя русское собрать
И вестъ на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать...

И уже отсюда—мечты о мировомъ владычествѣ Россіи, мечты (впоследствии такъ „шпигельно“ опошленные!) о щитѣ Олега на вратахъ Цареграда: „вставай же Русь! Ужъ близокъ часъ! Вставай, Христовой службы ради! Ужъ не пора-ль, перекрестясь, ударить въ колоколъ въ Царьградъ?“ Отсюда уже пророчества о великомъ русскомъ государствѣ съ „семью внутренними морями“ и съ семью великими рѣками: „отъ Нила до Невы, отъ Эльбы до Китая, отъ Волги по Ефратъ, отъ Ганга до Дуная“...

Вотъ царство русское... и не пройдетъ во-вѣкъ;
Какъ то провидѣлъ Духъ и Даниилъ предрекъ...

Здѣсь миссія Россіи не только національная, не только государственная, какъ это было у Пушкина: миссія эта становится уже религиозной. Ибо миссія эта — борьба съ „антихристовой“ Революціей.

10.

Славянофильскіе поэты измельчили и опошлили глубокія возрѣнія Тютчева. И лишь черезъ три четверти вѣка русский поэтъ, духовно близкій Тютчеву, но неустанно боровшійся со славянофилами, сдѣлалъ еще шагъ въ томъ же направленіи; національную, государственную, религиозную миссію Россіи онъ провозгласилъ апокалиптической. Это былъ Вл. Соловьевъ.

Когда онъ въ 1895 г. писалъ „Панмонголизмъ“, а въ 1900-мъ— „Дракона“ и „Три разговора“, то пушкинскій стихъ о потрясенномъ Кремлѣ и стѣнахъ недвижнаго Китая пересталъ уже со-

отвѣтствовать дѣйствительности. Скорѣе наоборотъ, историческая мысль могла летѣть „отъ стѣнъ недвижнаго Кремля до потрясеннаго Китая“, но зато прежняя мысль Пушкина объ „антимонгольской“ миссии Россіи получала особую остроту и силу.

И тютчевское противопоставленіе Россіи и Революціи потеряло свое значеніе: слишкомъ стало ясно, что путь Россіи и Европы въ этой области — общій, одинаковый, ибо революціи не избѣжать ни Европѣ, ни Россіи. Но зато съ тѣмъ большей силой прозвучала для Вл. Соловьева тютчевская мысль о религиозной миссии Россіи: да, велика эта миссія, но не въ излишней борьбѣ съ Западомъ, а въ неизбежномъ столкновении съ „мировымъ нигилизмомъ“ Востока. Ибо съ Востока надвигается „панмонголизмъ“, которому быть можетъ дана будетъ власть пожрать европейскую культуру, христіанскую цивилизацію, однажды уже спасенную для Запада Россіей. „Россія поглотила побѣду Монголовъ“ — сказалъ Пушкинъ. Поглотитъ ли она ихъ и въ будущемъ, или сама вмѣстѣ съ Европой будетъ поглощена? Въ этомъ для Вл. Соловьева были скрыты апокалиптическія судьбы міра.

Надвигающееся на Европу „монгольство“ — для него есть подлинный апокалиптический Драконъ; и съ жуткимъ чувствомъ ожидаетъ онъ его прихода — да совершатся судьбы Россіи, Европы, міра...

Панмонголизмъ! хоть слово дико,
Но мнѣ ласкаетъ слухъ оно,
Какъ бы предвѣстіемъ великой
Судьбины Божіей полно...

Въ Россіи исторически и мистически пересѣкаются эти судьбы Запада и Востока; въ панмонголизмѣ, паннигилизмѣ — пересѣкаются судьбы Европы и Россіи.

Десятилѣтіемъ позднѣе всѣ эти мысли положилъ въ основу своего романа „Петербургъ“ одинъ изъ духовныхъ наслѣдниковъ Вл. Соловьева, Андрей Бѣлый. Тамъ у него въ туманной почіи пролетаетъ мимо Мѣднаго Всадника автомобиль „съ желтыми монгольскими рожами“; но — „разъ взлетѣвъ на дыбы и глазами мѣрять воздухъ, Мѣдный конь копытъ не опуститъ: прыжокъ надъ исторіей — будетъ; великое будетъ волненіе... Брань великая будетъ — брань небывалая въ мірѣ: желтыя полчища азіатовъ, тронувшись съ насиженныхъ мѣстъ, обагрятъ поля европейскія океанами крови; будетъ, будетъ — Цусима! Будетъ — новая Калка! Куликово поле, я жду тебя!..“

Такъ говоритъ ученикъ — такъ говорилъ и учитель. Онъ ждалъ побѣды апокалиптическаго азіатскаго Дракона надъ христіанской Европой, онъ предсказывалъ Россіи: „желтымъ дѣтямъ на забаву даны клочки твоихъ знаменъ“. Онъ звалъ Россію къ соединенію христіанства Запада и Востока (ибо „свѣтъ, исшедшій отъ Востока съ Востокомъ Западъ примирилъ“), онъ звалъ къ этому для совмѣстной борьбы съ мировымъ нигилиз-

момъ „монгольства“, грядущаго войною на мiръ. Въ этомъ — апокалиптическая миссія Россіи..

И когда въ 1900 году всѣ европейскія „великія державы“ соединились для „карательной экспедиціи“ въ Китай, и Вильгельмъ II произнесъ по этому поводу одну изъ самыхъ каннибальскихъ рѣчей, какія только сохранила намъ отъ „великихъ людей“ исторія — Вл. Соловьевъ, на порогѣ смерти, восторженно привѣтствовалъ этого своеобразнаго „Зигфрида“ нашихъ дней.. Россія и Европа, Востокъ и Западъ шли вмѣстѣ, рука объ руку противъ Азіи, мирового Дракона! Такъ рѣшался вѣковой вопросъ о Западѣ и Востокѣ — и что за бѣда, если во имя Христа и креста шли разстрѣливать китайскаго Дракона изъ пушекъ и пулеметовъ! Не бѣда:

Наслѣдникъ меченосной рати!
Ты вѣренъ знамени креста,
Христовъ огонь въ твоёмъ булатѣ
И рѣчь грозящая — свята.
Полно любовью Божье лоно,
Оно зоветъ насъ всѣхъ равно...
Но передъ пастию Дракона
Ты понялъ: крестъ и мечъ — одно.

Если бы могъ предвидѣть Вл. Соловьевъ, что не пройдетъ пятнадцати лѣтъ, какъ и Европа, и Россія, забывъ про Дракона, раздѣлятся на два стана для смертельной схватки обманутыхъ старымъ миромъ европейскихъ народовъ! „И яглюю бѣдъ неотразимыхъ грядущій день заволокло“...

11.

Война вновь остро поставила вѣчный вопросъ о Россіи и Европѣ. Ибо, хотя Россія и вошла „въ семью великихъ демократическихъ странъ Запада“ — но развѣ это поверхностное англо-франко-русское военное соглашеніе хоть въ малой мѣрѣ рѣшало глубокіе вопросы Пушкина или Тютчева?

Ибо вѣдь и Западъ раздѣлился самъ на себя. Мало того, каждая страна Запада раздѣлилась на-двое, раздѣлилась и Россія: давно уже прошли пушкинскіе времена кажущагося „единства національныхъ интересовъ“. Что же касается не націй, а „государствъ“, то противопоставленіе Европы Россіи сохраняло и здѣсь весь свой смыслъ — смыслъ и социальный, и духовный.

А когда изъ войны родилась революція, и прежде всего революція русская, — снова прежній вопросъ о Европѣ и Россіи неотвратимо сталъ передъ сознаніемъ. Но до чего же перемѣнился обликъ этого вопроса, до чего смѣстились его грани, до чего перевернулось его содержаніе! Для Пушкина миссія Россіи была

государственной и национальной,—для революции миссия эта внѣ-государственна и интернациональна. Для Тютчева задача Россіи была исключительно направлена къ защитѣ „христіанства“ отъ безбожной революціи,—задача послѣдней, наоборотъ, вмѣсто духовнаго и нравственнаго переворота произвести сперва переворотъ въ мірѣ физическихъ и социальныхъ цѣнностей. И если раньше Россія стояла на стражѣ стараго міра противъ революціонной Европы, то теперь наоборотъ—старая Европа стоитъ на стражѣ противъ революціонной Россіи. А апокалиптическая миссія Россіи Вл. Соловьева для революціи получила совсѣмъ иной смыслъ: Драконъ оказался пока внутри каждой страны, и подлинно борьба съ нимъ—тяжела...

Вотъ нити поэтическаго сознанія, дошедшія отъ Пушкина до нашихъ дней, по вѣчному вопросу нашей исторіи: Россія и Европа. Вопросъ остался въ прежней силѣ, но при глубочайшемъ внутреннемъ своемъ измѣненіи. Оформить это новое сознаніе въ поэтическомъ творчествѣ выпало на долю Александра Блока, ближайшаго духовнаго ученика и преемника Вл. Соловьева. Его „Скифы“, не приведенные въ связь со всѣмъ прошлымъ, были бы намъ мало понятны, какъ случайное явленіе русской литературы; теперь же мы ихъ поймемъ не только самихъ по себѣ, но и въ ихъ связи съ тѣми истоками, которые мы только что прослѣдили.

12.

Когда маленькіе люди язвятъ большаго поэта за то, что онъ теперь, въ грозѣ и бурѣ мировыхъ событій—не въ ихъ утиномъ стадѣ, что онъ чему-то „измѣнилъ“, что онъ „вдругъ“ сталъ духовнымъ, политическимъ и социальнымъ „максималистомъ“—то это просто вздоръ, незнакомство утинаго стада съ творчествомъ того самаго поэта, котораго оно такъ глубокомысленно судить. Ибо еще въ 1905 году поэтъ бросилъ этому стаду негодующее свое слово: „Сытые“...

Они давно меня томили:
Въ разгарѣ дѣвственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли бѣлые цвѣты.

А когда пришла въ тѣ дни революція и попробовала „углубиться“ послѣ политическаго сдвига 17-го октября, то случилось то самое, что въ неизмѣримо болѣе широкомъ захватѣ повторяется теперь, въ наши дни:

Шипятъ пергаментныя рѣчи,
Съ трудомъ шевелятся мозги.
Такъ—негодуетъ все, что сыто,
Тоскуетъ сытость важныхъ чревъ:
Вѣдь опрокинуто корыто,

Встревоженъ ихъ прогнанный хлѣвъ!
Теперь имъ выпалъ скудный жребій,
Ихъ домъ стоитъ неосвѣщенъ,
И жгутъ имъ слухъ—мольбы о хлѣбѣ
И красный смѣхъ чужихъ знаменъ!..

Это было написано въ 1905 году, но не относится-ли я къ 1917 году? И уже тогда видѣлъ поэтъ, что если даже и совершится во всей своей полнотѣ революція политическая и только политическая, то ни одно звено мировой змѣи стараго мира не будетъ еще раздавлено, человекъ еще не будетъ освобожденъ. И въ самый день 17 октября 1905 года писалъ онъ въ своемъ поэтическомъ дневникѣ:

И если ликъ свободы явленъ,
То прежде явленъ ликъ змѣи,
И ни одинъ суставъ не сдавленъ
Сверкнувшихъ колець чешуи.

Понятно отсюда, что и въ 1917 году не могъ поэтъ очутиться среди утиного стада и среди мѣщанъ социализма; понятна его связь со „скиѣствомъ“, съ духовнымъ максимализмомъ; понятны, поэтому, и его „Двѣнадцать“—неизбѣжное слѣдствие всего его прошлаго поэтического сознанья.

Понятны теперь и „Скиѣи“ его; ибо, еще разъ повторю: что же есть „скиѣство“, какъ не духовный максимализмъ, выраженный въ условномъ символѣ? Это—духовно; но и историческій захватъ „Скиѣовъ“ Ал. Блока намѣчался уже въ давнишнихъ его произведенияхъ, посвященныхъ Россіи.

Въ минуты духовнаго унынія казалось ему, что Россія—только „сонное марево“, что пора съ ней „разлучиться, раскаяться“, повернуть на Западъ и забыть про Русь, гдѣ „Чудь начудила да Меря намѣрила гатей, дорогъ, да столбовъ верстовыхъ“... И съ сожалѣніемъ, въ духѣ тютчевскомъ, говорилъ онъ о ней: „лодки, да грады по рѣкамъ рубила ты, но до Царьградскихъ святыхъ не дошла“...

Но это бывало у поэта лишь минутнымъ настроеніемъ. И въ циклѣ стиховъ „На полѣ Куликовомъ“ мы слышимъ иные, постоянные, мотивы, отзвуки которыхъ передъ нами теперь въ „Скѣвахъ“.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Намъ ясенъ долгій путь!
Нашъ путь—стрѣлой татарской древней воли
Пронзилъ намъ грудь.
Нашъ путь—степной, нашъ путь—въ тоскѣ безбрежной,
Въ твоей тоскѣ, о Русь!

И даже мглы—почной и зарубежной—
Я не боюсь.
Пусть ночь. Домчимся. Озаримъ кострами
Степную даль...

И пророчески видѣль онъ въ прошломъ и будущемъ
Россіи—„Куликово поле“, на которомъ рѣшается участь и Запада
и Востока: „я вижу надъ Русью далече широкій и тихій по-
жаръ“... И чувствовалъ онъ, что впереди еще будетъ рѣшаться
эта участь—и звалъ, и ждалъ пришествіе этого часа:

Не можетъ сердце жить покоемъ,
Не даромъ тучи собрались.
Досиѣхъ тяжелъ, какъ передъ боемъ.
Теперь твой часъ насталь.—Молись!

И вотъ теперь поэтъ видитъ, что въ революции 1917 года—
исполнились времена и сроки:

Вотъ часъ насталь. Крылами бьетъ бѣда,
И каждый день обиды множить...

И онъ пишетъ своихъ „Скиѳовъ“, въ которыхъ такъ тѣсно
переплетаются и прежние мотивы его поэзи, и вѣчные мотивы
русской поэзи всего XIX вѣка: еще разъ и вплотную становится
передъ поэтическимъ сознаниемъ вопросъ о Россіи и Европѣ, о
Западѣ и Востокѣ.

13.

Снова передъ нами, подобный „Клеветникамъ Россіи“, би-
чующій поэтический манифестъ русскаго поэта, направленный
на Западъ, въ лицо Европы.

Но до чего все измѣнилось со временъ Пушкина и Тют-
чева за это столѣтіе—въ историческихъ судьбахъ Европы и
Россіи! Тогда староукладная государственность Россіи стояла
стражемъ противъ революціонныхъ движеній Европы; теперь
Европа подымаетъ мечъ въ защиту стараго міра противъ рево-
люціонной Россіи...

Поэтъ, однако, идетъ дальше этого внѣшняго противопоста-
вленія. И въ Европѣ реакціонной, и въ Европѣ революціонной,
въ самомъ духѣ „пригожей Европы“ онъ видитъ глубокую внут-
реннюю противоположность свойственнаго Россіи духа „макси-
мализма“:

Да, скиѳы—мы! Да, азіаты—мы,
Съ раскосыми и жадными очами!

И эта духовная „жадность“ Россіи, это ея „скиѳство“—не-
примиримо сталкиваются съ выдержаннымъ и внѣшне сильнымъ

„постепенностью“ старой Европы. Она уверенно и умеренно вѣками плететъ крѣпкую сѣть своего „прогресса“; грома историч., „молнія—кормчій“—ей чужды и непонятны. И въ этомъ—вѣчное раздѣленіе Востока и Запада.

Вѣка, вѣка вашъ старій горнъ коваль
И заглушалъ грома лавины,
И дикой сказкой былъ для васъ проваль
И Лиссабона, и Мессины!
Вы сотни лѣтъ глядѣли на Востокъ,
Копя и плавая наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срокъ,
Чтобы наставить пушекъ жерла!

Вотъ они лицомъ къ лицу, два врага: новая Россія, съ ея социальнымъ и духовнымъ максимализмомъ, съ ея „скинствомъ“,— и старая Европа, которая куетъ, плавить, копить, считаетъ сроки. Я говорю (и поэтъ говорить) о новой Россіи и старой Европѣ, ибо хорошо знаю, что есть наряду съ ними и инныя силы—старой Россіи и новой Европы, силы, по различнымъ причинамъ, уже и еще исторически не дѣйствительныя въ годину великой русской революціи. И не надо забывать, что именно въ эту годину написаны „Скинъ“—пламенное обращеніе поэта новой Россіи къ старому міру Европы, обращеніе „жаднаго“ духовнаго „скина“ къ европейскому мѣщанину.

Да, „скинъ“—духовно „жаденъ“: эту черту когда-то Достоевскій (преломившій Тютчева и родившій Вл. Соловьева) называлъ „всечеловѣчностью“ русскаго человѣка. Да „скинъ“ принимаетъ все „эллинское“ европейской культуры—„и жаръ холодныхъ чиселъ, и даръ божественныхъ видѣній“, „и острый галльскій смыслъ, и сумрачный германскій геній“, „парижскихъ улицъ адъ, и венецянскія прохлады, лимонныхъ роцъ далекаго аромата и Кельна дымныя громады“... И все это для автора „Скина“—не „самое дорогое кладбище“, какимъ было оно для Достоевскаго, а подлинно живое, любимое, свое...

Два врага стоятъ лицомъ къ лицу: русскій, „скинъ“ и европеецъ, „мѣщанинъ“, новая Россія и старая Европа. И если есть у Россіи миссія, то вотъ она: взорвать изнутри старій міръ Европы своимъ „скинствомъ“, своимъ духовнымъ и социальнымъ „максимализмомъ“—сдѣлать то самое, что когда-то старій міръ сдѣлалъ въ обратномъ направленіи съ духовнымъ и социальнымъ максимализмомъ христіанства. Старій міръ вошелъ въ это „варварство“ и взорвалъ его изнутри: онъ омѣщанилъ собою христіанство. И вотъ теперь миссія новой Россіи—насытить духомъ максимализма „культурный“ старій міръ. Ибо только этотъ духовный максимализмъ, это „скинство“—открываютъ путь къ тому подлинному освобожденію человѣка, которое такъ и не удалось христіанству, ибо само христіанство „не удалось“.

Вот та идея, которую вкладывает поэт в вѣковое, вѣчное противопоставление Россіи и Европы, вот то новое, что звучитъ въ его поэтическомъ манифестѣ. Не государственное, национальное, религиозное ставится здѣсь впередъ, а народное—поскольку можно говорить о народной душѣ Россіи. И это не „славянофильство наизнанку“, какъ могутъ подумать наивные люди, а полная его противоположность: ибо, повторяю, знаетъ поэтъ, что „пригожая Европа“ есть и въ Россіи (культурные либералы, мѣщане социалисты), такъ же какъ и духовные „скиѣны“ есть въ Европѣ. Ибо „скиѣны“, какъ и „мѣщане“—интернациональны. Но поэтъ обращается къ старой Европѣ, къ старому міру, ибо только эта сила (и въ Европѣ, и въ Россіи) стоитъ теперь съ мечемъ въ рукѣ противъ идеи великой мировой революціи, начавшейся въ 1917 году.

14.

Россія—со знаменемъ социальной революціи, Европа—подъ знакомъ либеральной культуры: встрѣча эта, встрѣча „скиѣна“ и „мѣщанина“, можетъ оказаться смертельной. „Виновны-ль мы, коль хрустнетъ вашъ скелетъ въ тяжелыхъ нѣжныхъ нашихъ лапахъ?..“

Но пока—старый міръ идетъ съ мечемъ въ рукѣ, чтобы стереть съ лица земли силу революціи. Духовный максимализмъ онъ хочетъ задавить войной, мечемъ и огнемъ. Онъ думаетъ, что легко ему справиться съ этой вновь пришедшей въ міръ силой. Когда-то онъ взорвалъ „варварское“ христіанство изнутри, теперь онъ хочетъ задавить дикое „скиѣнство“ извнѣ. Не слишкомъ-ли легко думаетъ онъ справиться съ исконнымъ врагомъ?

О, старый міръ! Пока ты не погибъ,
Пока томишься мукой сладкой
Остановись, премудрый, какъ Эдипъ,
Предъ Сфинксомъ съ древнею загадкой!)

„Россія—Сфинксъ“. Какой? Не тотъ-ли, о которомъ можно сказать, подражая ядовитой бутадѣ Тютчева:

Россія—Сфинксъ. И тѣмъ она вѣрнѣй
Своимъ искусомъ губить человѣка,
Что, можетъ статься, никакой отъ вѣка
Загадки нѣтъ и не было у ней...

Такъ ли? И не былъ ли загадкой ея тотъ самый „максимализмъ“, сущность котораго глубоко заложена въ душѣ народной и который подлежитъ углубленному толкованію во всѣхъ сферахъ, затронутыхъ въ замѣчательныхъ „манифестахъ“ русскихъ поэтовъ XIX вѣка? И загадкой не было ли всегда—у Пушкина,

у Тютчева, у Вл. Соловьева, у Блока—одно и то же самое слово: *человѣкъ*? И не это ли слово, въ области социальной, несетъ съ собою русская революція 1917 года?

И противъ этого слова старый міръ оцетинивается штыками, противъ идеи онъ выставляетъ пушку. Онъ думаетъ, что на сторонѣ революціи—*vox et praeterea nihil* (какъ все перемѣстилось со дней Пушкина!), онъ слишкомъ увѣренъ въ своей силѣ, онъ не хочетъ остановиться въ раздумьи предъ Сфинксомъ. И голосъ русскаго поэта въ эту минуту собираетъ, какъ въ фокусѣ, голоса тысячъ и тысячъ, обращенныхъ лицомъ съ Востока на Западъ къ тысячамъ невѣдомыхъ братьевъ:

Придите къ намъ! Отъ ужасовъ войны
Придите въ мирныя объятія!
Пока не поздно—старый мечъ въ пожны,
Товарищи! Мы станемъ—братья!

Это—призывъ русскаго „скиѣа“ къ „скиѣамъ“ западнымъ, это—призывъ русской революціи (ибо „скиѣство“—есть революція) къ революціи міровой. И наши дни должны показать намъ—будетъ ли отзвукъ на Западѣ этому голосу съ Востока, удастся ли самому Западу побѣдить въ себѣ „мѣщанина“—„скиѣомъ“. Если удастся—хотя бы черезъ мѣсяцы и ближайше годы—то съ увѣренностью можно будетъ сказать: отнынѣ—„революція удалась“, и старый міръ понесетъ возмездие за то, что по его винѣ „христианство не удалось“, не удалась величайшая въ мірѣ революція двадцать вѣковъ тому назадъ.

А если нѣтъ? Если на голосъ восточнаго „скиѣа“—на западѣ злобно и враждебно откликнется лишь „мѣщанинъ“, силою задавившій вокругъ себя своихъ западныхъ „скиѣовъ“? Если даже и такъ—то вѣра наша, что побѣда его—временна, эфемерна, что пусть черезъ года и года, но „скиѣу“ на Западѣ суждена такая же побѣда, какая теперь была дана его брату на востокѣ. За эти года восточный „скиѣа“ будетъ, навѣрное, раздавленъ своимъ же „мѣщаниномъ“, при помощи всѣхъ мѣщанъ стараго міра, Россіи и Европы. Но эта пиррова побѣда не будетъ продолжительна. Ибо нѣтъ той силы, которая могла бы стать на пути идеи духовнаго максимализма, на пути благой вѣсти о полномъ внѣшнемъ и внутреннемъ освобожденіи человѣка.

Но—еще разъ:—а если нѣтъ?..

На это отвѣчаетъ поэтъ второй половиной своихъ „Скиѣовъ“.

А если нѣтъ,—намъ нечего терять,
И намъ доступно вѣроломство!
Вѣка, вѣка—васъ будетъ проклинять
Большое позднее потомство...

Ибо это „а если нѣтъ“—означаетъ собою конецъ европейской истории и осуществленіе предвидѣній Вл. Соловьева, отказъ отъ идеаловъ „мисси Россіи“ въ пониманіи Пушкина и Тютчева. Это „а если нѣтъ“—есть гибель Европы и Россіи въ пасти азиатскаго Дракона.

15.

Возвращаясь къ историческимъ воззрѣніямъ Пушкина, къ надъ-историческимъ прозрѣніямъ Вл. Соловьева, въ яркихъ и образныхъ словахъ вспоминаетъ Ал. Блокъ о томъ, что

Мы, какъ послушные холопы,
Держали щитъ межъ двухъ враждебныхъ расъ—
Монголовъ и Европы!

Да—держали. Но если совершится непоправимое, если западный „мѣщанинъ“, побѣдивъ у себя дома, съ оружіемъ въ рукахъ пойдетъ на Россію искоренять ненавистное ему „скипство“, то—не радуйтесь европейскіе мѣщане!

> Мы широко по дебрямъ и лѣсамъ
Передъ Европою пригожей
Разступимся! Мы обернемся къ вамъ
Своею азиатской рожей!

Когда-то Пушкинъ, помнимъ мы, полный идеей государственности и национальности, спрашивалъ, обратясь къ Западу лицомъ: „куда отдвинемъ строй твердынь? За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?“ Теперь поэтъ, пафосъ котораго внѣ-націоналенъ и внѣ-государствененъ, отвѣчаетъ своему старшему собрату: нѣтъ, не до Лимана, а до Урала, ибо тогда мы „выходимъ изъ борьбы“, отказываемся держать щитъ „межъ двухъ враждебныхъ расъ, Монголовъ и Европы“, отказываемся отъ этой пушкинской „мисси Россіи“: пусть европейскіе мѣщане идутъ навстрѣчу гибели!

Идите всѣ, идите на Уралъ!
Мы очищаемъ мѣсто бою
Стальныхъ машинъ, гдѣ дышетъ интеграль,
Съ монгольской дикою ордою!
Но сами мы—отнынѣ вамъ не щитъ,
Отнынѣ въ бой не вступимъ сами;
Мы поглядимъ, какъ смертный бой кипитъ,
Своими узкими глазами.
Не сдвинемся, когда свирѣпный Гуннъ
Въ карманахъ труповъ будетъ шарить,
Жечь города и въ церковь гнать табунъ,
И мясо бѣлыхъ братьевъ жарить!..

Здѣсь апокалиптическій Драконъ Вл. Соловьева вступаетъ въ бой уже не съ Россіей и Европой, а лишь со старымъ міромъ Европы, побѣдившемъ внутри себя возставшаго „скиѳа“. И этотъ „бой на Уралѣ“—такъ ли ужъ невѣроятенъ онъ послѣ всего, что мы пережили въ наши невѣроятныя времена?

И если бы въ недавніе минувшіе дни новая Россія, „выйдя изъ борьбы“, сумѣла не пойти на капитуляцію старому міру, а рѣшилась идти до конца, „очищая мѣсто бою“, хотя бы до Урала, зная, что сила ея не во внѣшнемъ оружьи, а во внутреннемъ взрывѣ—то не была ли бы побѣда ея впереди еще болѣе вѣроятна, чѣмъ самое вѣроятное изъ свершающагося нынѣ?

Но не въ этомъ теперь дѣло, а въ послѣднемъ призывѣ поэта, которымъ онъ заканчиваетъ своихъ „Скиѳовъ“, это глупое произведение русскаго поэтическаго сознанія, завершающее собою рядъ обращеній русскихъ поэтовъ къ Западу и Востоку, къ Европѣ и Россіи:

Въ послѣдній разъ—опомнись старый міръ!
На братскіи пиръ труда и мира,
Въ послѣдній разъ на свѣтлый, братскіи пиръ
Сзываетъ варварская лира!

И мы вѣримъ, что эти призывы восточныхъ „скиѳовъ“ долетятъ раньше или позже — и пусть раньше, чѣмъ позже! — до „скиѳовъ“ западныхъ...

16.

Такъ завершился кругъ отъ „Клеветниковъ Россіи“ до „Скиѳовъ“; такъ, съ другой стороны, спаялись звенья „Скиѳовъ“ съ „Двѣнадцатю“. И звено, замыкающее ихъ—тотъ самый европейскій міръ, который, въ образѣ Атланта, поддерживаетъ нынѣ старое небо, опираясь на старую землю. Землю эту вырываетъ изъ подъ ногу его русская революція, небо это она стремится обрушить на его же голову.

„Двѣнадцатю“ и „Скиѳовъ“ являются въ литературѣ глубокимъ отраженіемъ происходящаго въ жизни—въ этомъ ихъ право на самое пристальное наше вниманіе. Въ области русской поэзіи давно не было ничего, что могло бы по силѣ и глубинѣ сравняться съ этими произведеніями. Аналогій ищешь въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, въ „Клеветникахъ Россіи“; а тотъ, кому аналогии эти кажутся преувеличенными—добросовѣстно можетъ отойти въ сторону отъ русской поэзіи: она не про него писана.

А теперь, отъ произведеній поэзіи переходя къ преломляемымъ ею лучамъ жизни—еще разъ повторю: лучи эти соединяются, черезъ революцію, въ „послѣдній судъ огнемъ“. И этотъ послѣдній судъ—для всего и для всѣхъ является послѣднимъ испытаніемъ. Въ огненной грозѣ и бурѣ должны рас-

пасться старые кирпичи, должны закалиться новые мечи, проведущие насъ въ миръ новый. Въ бурѣ пожаровъ надо сумѣть увидѣть то новое, то надъ-историческое, что таится передъ нами въ пыли, грязи и крови. Отвратительны часто внѣшнія формы новаго, еще духовнымъ огнемъ не закаленного—и такъ легко за тусклой формой не увидѣть свѣтлой сущности. Но пусть не видятъ этого тяжковѣйные мѣщане—видятъ это зато творцы и поэты. Ибо, подлинно, для нихъ—„молнія—кормчи“.

Два этихъ вѣчныхъ стана вѣчно раздѣлены въ жизни другъ отъ друга, какъ раздѣлены они и въ гешіальныхъ прозрѣніяхъ Гете. Для мировыхъ мѣщанъ („Сирень“ второй части „Фауста“)—ужасно и безумно мировое землетрясенье: „каждый благо-разумный—торопись прочь отъ него!“

Dort ein freibewegtes Leben,
Hier ein angstlich Erde-Beben:
Eile jeder Kluge fort!
Schauderhaft ist's um den Ort...

Да, поистинѣ—„ужасно въ этомъ мѣстѣ“ для всесвѣтныхъ мѣщанъ! Но среди этого, невыносимаго для нихъ, дѣтей стараго міра, испытанія въ грозѣ и бурѣ—окрыляется дитя Эвфоріонъ, провозвѣстникъ міра новаго:

Dort!—und ein Flügelpaar
Faltet sich los!
Dorthin! Ich muss! Ich muss!
Gonnt mir den Flug!

И пусть какъ новый Икаръ разобьется онъ въ своемъ полетѣ—что до того! „Jammer genug!“ Да, поистинѣ—„довольно стелнани!“ И отъ русскаго поэта слышимъ мы то-же: „не плачьте! склоните колѣни, туда, въ ураганы огней!“

Въ ураганѣ огней, въ грозѣ и бурѣ, идетъ въ миръ великая благая вѣсть. Подлинно мировымъ землетрясеньемъ и пожаромъ было „рожденіе въ ясли“ двадцать вѣковъ назадъ! Недаромъ поспѣшили прочь отъ него всѣ „благоразумные“ стараго міра. Но убѣжать было нельзя—они вернулись и затушили своей муравьиной лавиной разгоравшійся въ мирѣ пожаръ. „Какъ бы хотѣлъ Я, чтобы онъ разгорѣлся“!..

И вотъ, въ ураганѣ огней, спустя двадцать вѣковъ, снова идетъ въ миръ благая вѣсть. И снова бѣгутъ „благоразумные“,—мы же должны пройти черезъ это испытаніе въ грозѣ и бурѣ, хотя бы оно и испепелило насъ: „нѣтъ исхода изъ вьюгъ—и погибнуть мнѣ весело“ (Ал. Блокъ). Но испепелить оно и старнй миръ, сорветъ маску съ всесвѣтнаго мѣщанина Атланта и дастъ въ будущемъ побѣду „скиау“, пронесшему въ Новый миръ—„эллина“ Эвфоріона.

То, къ чему мировая исторія придетъ въ грядущемъ, мировая поэзія дастъ намъ въ настоящемъ. Припадая къ ея истокамъ — чувствуешь себя у ключа воды живой и ясно провидишь, какъ на мировомъ перекресткѣ будетъ, будетъ стоять „печальный, какъ вопросъ“ всесвѣтнѣй мѣщанинъ, нынѣ еще властелинъ стараго міра, разоблаченный титанъ, бывшій міродержатель Атлантъ.

Ивановъ-Разумникъ.

Апрѣль 1918 г.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Неизданная страница А. И. Герцена.

16 августа 1863.

Кара! Кара! Мысль эта не идет у меня изъ головы. Les châtimens въ прозѣ жизни — *последствія*, повторяю, а не наказанія. Посылки имѣютъ право на силлогизмъ. Что-же было въ посылкахъ?

Жизнь вырабатываетъ себѣ au fur et a mesure форму die Art und Weise, обрядъ—частное и личное отрицаніе ихъ ведетъ къ столкновениямъ, въ которыхъ лицо гибнетъ, потому что матеріальная сила большинства противъ него. Вотъ отчего отрицать легко въ теоріи и ужасно трудно на практикѣ. Частной жизнью немного сдѣлаешь, а нельзя выдавать за норму. Теорію съ практикой въ дѣлѣ отрицанія примиряетъ революція. Въ ней отрицаніе не личное, не исключительное, не на выборъ, не уклоненіе, а открытое противодѣйствіе старому и водвореніе новаго. Старая добродѣтель объявляется пороками, нелѣпостью и пр. Все это невозможно для отдѣльнаго лица и для домашняго употребленія, и всего невозможно, когда оно идетъ отъ эстетическихъ цѣлей.

Д В Ъ Т А К Т И К И.

Чтобы понять основу тѣхъ разногласій, которыя расчленили партию с.-р. на два фланга, приходится нѣсколько оглянуться назадъ на исторію социалистическихъ партій Западной Европы. Ибо то, что на первый взглядъ кажется чисто мѣстнымъ явленіемъ, вызваннымъ условиями быта и существованіемъ одной политической партіи, во существу, если внимательно присмотрѣться, если справиться съ исторіей социалистическихъ партій другихъ странъ, становится частнымъ явленіемъ общаго процесса распыленія всѣхъ социалистическихъ партій въ переходную эпоху крушенія капитализма. Расчлененіе это, кѣмъ все углублявшійся процессъ, датируется десятилѣтіями. Если въ нѣсколькихъ словахъ попытаться охарактеризовать два основныхъ теченія, представленныя въ социалистической теоріи и практикѣ Западной Европы, мы можемъ сказать, что на одномъ флангѣ кристаллизовался революціонный социализмъ, на другомъ—буржуазный реформизмъ.

Самая классическая въ смыслѣ своей теоретической твердокаменности и марксистской послѣдовательности—германская социаль-демократическая партія, и она въ силу этого почти съ первыхъ дней своего официального зарожденія болѣе отсутствіемъ внутренняго единства.

Почти не было ни одного партейгага (сѣзда), даже тогда, когда партія социаль-демократовъ была еще нелегальной, находилась подъ дамочловымъ мечомъ исключительнаго закона, чтобы не были вскрыты „тактические разногласія“. Такъ, на нелегальномъ сѣздѣ (въ Шененгенѣ въ 1887 г.) уже обозначилось два теченія, два взгляда на характеръ социалистическаго движенія. Не кто иной какъ Бебель, указалъ тогда, что тактические разногласія объясняются разной оцѣнкой буржуазнаго общества съ точки зрѣнія достигнутой имъ стадіи капиталистической зрѣлости. Кто того мнѣнія,—говорилъ онъ,—что хозяйство распадется въ ближайшемъ будущемъ подъ тяжестью собственныхъ недуговъ, и что, слѣдовательно, скоро наступитъ наше время, тотъ придерживается, естественно, другой тактики, чѣмъ тотъ, кто убѣжденъ, что еще рядъ поколѣній будетъ жить при современномъ экономическомъ укладѣ. Бебель тогда былъ еще на лѣвомъ флангѣ германской социалистической демократіи и отстаивалъ теорію катастрофическаго саморазрушенія капитализма.

Тактика революционного социализма определялась по Бебелю сознанием того, что фатально в ближайшем будущем должно совершиться крушение капиталистического общества, которое внутренними процессами своего развития себя взрывает; а раз так, то социалистическая партия всю свою стратегию и весь план должна строить примитивно к этому. Для тех же, кто думает, что мы медленно, эволюционно, незамтно, шагъ за шагомъ, робкими зигзагами приближаемся къ социализму, для тех вопросы реформаторскаго переустройства, постепенныхъ завоеваній, соглашеній съ буржуазией во имя незначительныхъ улучшеній положенія труда становятся основными вопросами, ибо иныхъ путей они не знаютъ для побѣды труда надъ капиталомъ. Для нихъ это длительный процессъ, въ результатъ котораго, въ видѣ безконечной далекой перспективы, буржуазный классъ оказывается за чертой социальной жизни, и всю авансцену занимаютъ трудящіяся массы.

И Бернштейнъ, провозгласившій лозунгъ, за который на него потомъ такъ жестоко напали, что движеніе—это все, а социализмъ—ничего, фактически формулировалъ вторую точку зрѣнія на характеръ капиталистическаго развитія, точку зрѣнія, которую на практикѣ затѣмъ проводилъ и самъ Бебель, разочаровавшійся въ молниеносномъ саморазрушеніи капитализма и не увѣровавшій въ революціонное инициативное творчество трудящихся, идущихъ порой противъ слѣбой стихій исторіи.

Я не могу подробно останавливаться на этомъ вопросѣ и вскрыть всю противорѣчивость построения двухъ тактикъ, на вопросѣ о темпѣ развитія капитализма въ сторону его саморазрушенія. Но фактъ остается фактомъ: въ социаль-демократической рабочей партіи мы видимъ почти со дня ея зарожденія два теченія, двѣ тактики. Одно теченіе, которое считаетъ вопросъ социальной революціи вопросомъ актуальнымъ, больше политическимъ чѣмъ экономическимъ, и другое, которое находитъ, что переходъ отъ капиталистическаго строя къ социалистическому есть длительный процессъ, гдѣ постепенно, безъ особыхъ потрясеній, путемъ реформированія современныхъ отношеній произойдетъ замѣна буржуазнаго уклада социалистическимъ. Итакъ, уже тогда обозначились два теченія: теченіе, которое готово идти путемъ революціоннымъ, потому что считаетъ проблему новаго устройства уже больше задачей политической, задачей захвата власти и передачи ея въ руки рабочаго класса, и другое теченіе, теченіе реформистское, которое рассматриваетъ проблему социализма исключительно въ его экономическомъ аспектѣ и мыслить возможность побѣды рабочаго класса надъ буржуазией лишь какъ постепенную хозяйственную эволюцію.

Всѣ партейтаги проходили подъ знакомъ борьбы ревизионистовъ съ радикалами. И вся исторія германской социаль-демократіи есть исторія борьбы этихъ двухъ теченій. Но эти два теченія, которые боролись изъ года въ годъ, уживались въ единой социаль-демократической рабочей партіи, несмотря на то, что атмосфера политическихъ страстей на партейтагахъ иногда бывала до крайности сгущена. Лишь импералистическая бойня расколола, и, я думаю, окончательно, германскую социалистическую партію.

То же самое, но в несколько менее ярких формах можно наблюдать и в остальных социалистических партиях. Так, в Италии наряду с официальной революционной социалистической партией существует соглашательская реформистская партия. И они довольно долго уживались под единым кровом.

Ту же эволюцию от одной партии к двум партиям: партии революционного социализма и буржуазного реформизма мы можем наблюдать буквально во всех социалистических партиях, насколько мы имеем дело с партиями уже выявившимися, уже сложившимися. До поры до времени противоречивые элементы искусственно держатся воедино партийным колпаком, а затем естественным ходом вещей разбрасываются на разные полюсы.

Это общее явление неизбежно должно было найти себя место и в русской действительности, и, пожалуй, даже скорее в условиях русской действительности, чем где бы то ни было. Мы с момента революции вступили в такой быстрый невиданный поворот социальных и политических отношений, какого не знала ни одна страна. Движение и пробуждение широких масс к политической, классово-сознательной деятельности шло во истину гигантскими шагами. Такой быстрый темп возможен только в исключительные моменты, в моменты мировых исторических потрясений. Вступивши в такую полосу головокружительного политического и социального переворота, партия социалистов-революционеров, как одна из самых определяющих сил переворота, должна была претерпеть сложный процесс внутреннего расчленения тоже с исключительной быстротой. И это было тем легче сделать, что еще до русской революции, с началом войны, которая оказалась решающей для расчленения вообще всех социалистических партий, и в рядах нашей партии сразу выявились два крыла: интернационалистское и социаль-новинистское, по которым естественно распадались революционные социалисты и буржуазные реформаторы. В эмиграции мы имели два органа печати: интернационалистскую „Жизнь“ и социаль-патриотическую „Призыв“, где работали Бунаковъ, Авксентьевъ, Вороновъ и др. в тесном единении с Плехановымъ и целой плеядой правых с.д.

Оказалось, что элементы, которые уживались более или менее „мирно“ в эпоху партийного строительства, межпартийной подготовительной стадии революционизирования страны, когда еще четко выявлялась социальная основа грядущего политического переворота, когда все было сосредоточено вокруг одной задачи: свергнуть во что бы то ни стало самодержавие, когда почти все поле зрения было занято этой проблемой узко-политического, порой боевого характера, — оказалось, что элементы эти не могут мирно ужиться друг с другом в моменты обостренной классовой борьбы. А мы вступили в такую фазу еще до начала русской революции. Война была первым актом нападения организованной международной буржуазии на рабочий класс. Революционеры не могли иначе рассматривать эту кровопролитную международную бойню, как конфликт не между народами, а между группами

хищниковъ разныхъ народовъ по имя закрѣпленія позиціи империалистской буржуазіи. Съ другой стороны, война эта косвенно имѣла цѣлью нанести смертельный ударъ идеѣ солидарности рабочаго класса, ибо война ведется тѣлами рабочихъ. Империалистическая буржуазія, подводя итоги своего классоваго господства и желая усилить влияние своего домашняго національнаго капитала, мобилизуетъ рабочій классъ и трудовое крестьянство и сталкиваетъ ихъ физически на полѣ брани съ рабочими и крестьянами другихъ странъ. Это несомнѣнно одно изъ самыхъ злостныхъ покушеній на идею международнаго братства.

Бисмаркъ, характеризуя природу русскихъ, сказалъ: „Они медленно запрягаютъ, но быстро ѣдутъ“. Когда запряжка была закончена, то „ѣзда“, въ смыслѣ самоопредѣленія, пошла быстрымъ темпомъ. Мы всю ту стадію, которую германская социальная демократія проходила въ теченіе многихъ лѣтъ, и сейчасъ еще проходить, прошли въ мѣсяцы.

Такимъ образомъ, основная причина раскола въ предѣлахъ нашей партіи—это борьба между двумя теченіями: между революціоннымъ социализмомъ и буржуазнымъ реформизмомъ. Вотъ два основныхъ русла, по которымъ естественно растекаются въ періодъ большихъ социальныхъ потрясеній, въ періодъ большихъ испытаній всѣ социалистическія партіи.

Не кто иной, какъ Черновъ въ „Жизни“, удачно характеризовалъ теченіе, которое было представлено газетой „Призывъ“, какъ „неидеетство“. Не кто иной, какъ Черновъ, тогда, когда онъ тѣсно былъ связанъ съ Циммервальдомъ и не былъ связанъ ни съ однимъ коалиціоннымъ буржуазнымъ министерствомъ, прекрасно понималъ буржуазно-реформистскую природу тѣхъ элементовъ, которые подъ видомъ измѣненія тактики примѣнительно къ условіямъ русской дѣйствительности, пытались подмѣнить тактику революціоннаго социализма тактикой соглашательской измѣны социализму. Черновъ Циммервальдзецъ подчеркивалъ тогда, что мы имѣемъ дѣло не съ случайнымъ явленіемъ, а съ очень серьезными процессами, которые почти что закончились въ западно-европейскихъ социалистическихъ партияхъ, но которые только начинаются въ предѣлахъ русскихъ партій.

Примѣнительно къ условіямъ, которыя переживаемъ мы сейчасъ, эти теченія, социаль-революціонное и буржуазно-реформистское сказались на всѣхъ этапахъ, на всѣхъ проблемахъ, которые были поставлены въ порядокъ дня русской революціи. Не было ни одного большаго вопроса политическаго значенія, по которому бы мы не разошлись въ предѣлахъ нашей партіи. Если историкъ предъявить намъ обвиненіе, то оно будетъ заключаться не въ томъ, что мы раскололись, а въ томъ, почему мы такъ поздно раскололись. Впрочемъ, для объясненія втораго обстоятельства, историкъ найдетъ достаточно уважительныхъ причинъ. Обвинить насъ только тотъ, кто не знакомъ съ исторіей партіи и исключительными условіями, въ которыхъ жила наша партія въ дни революціи. Если большевики обнаружили въ своей средѣ на первомъ съѣздѣ группу неподходящихъ лицъ, то они, какъ партія только пролетариата, могли отсѣчь большое мѣсто довольно

быстро. Мы же связаны не только с авангардом, с передовой, самой сознательной частью революционной демократии, но мы связаны еще с широкими крестьянскими массами. И мы, естественно, не могли с такой быстротой продвигать этот очистительный опыт. Идея коалиции была глубоко внедрена в сознание трудового крестьянства, и оно изжило соглашательство далеко не так быстро, как пролетариат. Нам пришлось продвигать громадную работу—разъяснять по всем советам крестьянских депутатов, вести там упорную борьбу с правыми с.р., чтобы развить коалицию, чтобы перевести трудовое крестьянство на рельсы доподлинной революционной политики, чтобы приблизить и связать его тактику с тактикой передового авангарда трудовой демократии.

Раскол был неизбежен: если бы мы его не пережили сейчас, то пережили бы спустя некоторое время и в более тяжелых и трагических условиях, может быть, тогда, когда партия была бы на голову разбита враждебными настроениями. Но момент раскола в массовой партии определяется не указанием дприжерской палочки, а повелительно диктуется объективным ходом вещей.

Историческая причина раскола таким образом лежит далеко за пределами нашей партии, его нельзя объяснить узко-партийными моментами. Мы имеем дело с частным, конкретным видом общего международного явления. Война ярко обнаружила, что в пределах одной партии оказались чуждые элементы, и они не могли не разойтись в момент обостренной классовой борьбы, в момент решительной, смертельной схватки труда с капиталом. Ибо „уголовно наказуемо“ было бы длительное сожительство политических деятелей, из которых одни идут в ногу с рабочим классом, а другие, может быть, и одну руку, но довольно глубоко, запустили в лапы буржуазии и больше на словах, чем на деле способны служить интересам трудящихся масс: рабочей и крестьянской демократии.

Первые идут на приступ твердых современного буржуазного строя, другие пытаются подменить революционную классовую борьбу полюбовным соглашением с акулами капиталистической эксплуатации, выпрашивая и выматывая у них микроскопические подати для производительных трудовых классов.

Два мировоззрения—две тактики.

Социал-реформистское крыло русского социализма, в котором я отношу правых с.р., меньшевиков-оборонцев, „новожизнцев“ и целый ряд других промежуточных групп, естественно склонно, применяя свой масштаб, считать русскую революцию революцией буржуазной, призванной не ударить по капитализму, а, наоборот, расчистить ему свободную дорогу. Для них революция в переживаемой стадии отсталого русского капитализма, может быть революцией политической, политическо-социальной в том смысле, что она осложняется некоторыми социальными реформами, но ни в коем случае не социалистической. Россия,—твердят упрямо они,—задержалась на низком уровне своего буржуазно-экономического развития, и стеной, которая мешала ей подниматься к высшим формам капитализма, по

типу западно-европейского, было самодержавие. Оно сковывало всякую инициативу, всякую энергию, и не только трудящихся масс, но и господствующих буржуазных классов. Оно, построившее весь капитализм на глиняных ногах субсидии из казенного сундука, поддерживая его невиданными таможенными пошлинами, являлось с точки зрения чисто экономической, преградой, препоной по пути развития производительных сил страны. Поэтому объективная задача, поставленная историей перед революционной Россией, заключается не в борьбе с капиталом, а в создании настоящего, мощного, полнокровного капитализма, взамен хилого, худосочного, рахитичного. Нельзя не признать, что с последовательно марксистской точки зрения, схема эта неуязвима. Ибо аксиома для марксиста, что только развитый капитализм создает предпосылки для наступления социализма. Поскольку буржуазные классы окончательно еще не сложились, поскольку не пролетаризованы широкие массы, поскольку не вытеснена мелкая промежуточная буржуазия, поскольку не проделана эта предварительная работа капитала, — постольку нет условий для осуществления социалистического общества. Вот основные догмы, которые проходят красной нитью по всей марксистской литературе. Большевики с болью в сердце от них отказались, но зато их начали усваивать на практике правые с.-р.

Разница между правым и левым крылом марксистов Западной Европы лежит не в том, нужны ли эти предварительные условия для развития социализма, должен ли капитализм проделывать определенную стадию своего развития, чтобы дать возможность переключить угнетенному человечеству из царства господствующей буржуазии в царство труда, а вопрос сводится у них к тому, наступили ли уже эти условия. В настоящее время радикальные социалисты, к которым примкнул в последнее время и Каутский, отвечают на этот вопрос в утвердительном смысле. Да, — говорят они, — германские, английские, французские, австрийские капитализмы свою мясую выполнили. Социализм экономически подготовлен. Вот о чем там спорят. Но ни один последовательный марксист не может сказать, что страна, где капитализм слабо развит, где он идет детской поступью, спотыкаясь, что такая страна может вступить в фазу социальной революции. И не случайно, не в полемических лишь целях многие упрямые последователи Маркса из меньшевиков утверждают, что большевики не марксисты, а скорее анархо-синдикалисты.

Всем, кто в России говорит о социализме, как о задаче нашей революции, приходится отказаться от основной марксистской доктрины, которая гласит, что социализм возможен только на известной стадии развития капитализма, когда он изжил все свое положительное творческое содержание. От этого взгляда нужно отказаться радикально, безвозвратно, как это и сделали большевики, чтобы быть способными в условиях русской действительности творить не буржуазно-капиталистическую революцию, не загребать каштаны для буржуазии, а творить доподлинную трудовую социалистическую революцию.

Но меньшевики отъ своихъ догмъ отказаться не могутъ и не хотятъ. Вотъ почему они смотрятъ на русскую революцію съ испугомъ и тревогой, она кажется имъ анархистскимъ бунтомъ. Съ другой стороны, и правое крыло нашей партіи, несмотря на то, что оно официально не исповѣдуетъ доктрину марксизма, но благодаря тому, что оно пропиталось идеологіей чисто буржуазнаго реформизма, начинаетъ усваивать эту меньшевистскую догму и тоже твердитъ, что Россія не готова ни для какой иной революціи, кромѣ буржуазной. Насколько это противорѣчиво, неослѣдовательно и непонятно съ точки зрѣнія нашего мировоззрѣнія, я думаю, здѣсь доказывать не приходится. Мы въ своей программѣ минимумъ выставили социализацію земли, выставили требованіе уничтоженія частной собственности на землю въ странѣ, гдѣ земля является главнымъ національнымъ источникомъ всѣхъ богатствъ, гдѣ она поглощаетъ 90% всего національнаго достоянія. Это требованіе мы выставили тогда, когда весь капиталистическій мръ проходилъ полосу своего органическаго развитія, когда война не создала почвы для международнаго революціоннаго движенія. И вотъ находятся люди, именующіе себя социалистами-революционерами, которые вмѣсто движенія впередъ пятятся, какъ раки, назадъ, въ объятія меньшевиковъ. Мы, лѣвые социалисты-революціонеры, утверждаемъ: тотъ, кто говоритъ, что социализація земли возможна, тѣмъ самымъ говоритъ, что наша революція не буржуазная, а доподлинно трудовая, и вопросъ о томъ, сумѣетъ ли она развернуться въ македониальномъ масштабѣ, добѣжать до послѣдняго столба, на которомъ написано: „царство социализма“—разрѣшается уже не въ зависимости отъ характера русской революціи, а въ зависимости отъ того резонанса, который встрѣтитъ она въ другихъ странахъ. Вотъ чѣмъ определяется, суждено ли русской революціи быть передовымъ окопомъ социалистическаго переворота, или ей придется задержаться на какой-нибудь предварительной стадіи, чтобы выждать своихъ братьевъ по дѣлу, отставшихъ на тернистыхъ путяхъ своего классоваго освобожденія.

Недостаточное развитіе капитализма ставитъ, конечно, нѣкоторые техническія затрудненія для планомѣрнаго, вполне организованнаго перехода въ социалистическое хозяйство. Но, съ другой стороны, мы видимъ громаднѣйшій просторъ и возможности, которыхъ не знаетъ западно-европейскій капитализмъ, ибо мы знаемъ, что въ послѣдней империалистической стадіи своего развитія капитализмъ какъ разъ становится уже препятствіемъ для осуществленія социалистическаго строя. Не кто иной, какъ Роза Люксембургъ,—кажется, она является авторомъ книги, подписанной псевдонимомъ „Юніусъ“,—утверждаетъ, что если въ этой стадіи капитализмъ не будетъ разрушенъ до конца, то въ дальнѣйшемъ онъ не только не откроетъ рабочему классу болѣе свободнаго выхода на пути къ социализму, но можетъ совершенно убить рабочее движеніе и надолго отодвинуть наступленіе социализма. Не кто иной, какъ Роза Люксембургъ утверждаетъ, что наступила такая стадія капитализма, гдѣ онъ развиваетъ уже только однѣ разрушительныя, отрицательныя свои стороны. Итакъ, мы видимъ, что

на известной стадии развития капитализмъ чреватъ враждебными для социалистическаго переустройства послѣдствіями.

Когда грянула война, то какъ разъ самая квалифицированная часть рабочаго класса оказалась больше всего зараженной патриотизмомъ, ибо была втянута подачками империализма на предательские пути защиты своего національнаго капитализма. Вся профессиональная пресса, почти безъ исключенія, какъ въ Германіи, такъ и въ Англии, твердила одно и то же: „Мы заинтересованы въ дальнѣйшемъ развитіи нашего капитализма; если потерпѣть поражение наша страна, пострадаетъ и мы, рабочіе“. Они не понимали лишь того, что оказались плѣнниками своей буржуазіи, проникаясь этой мыслью, они отречались отъ идеи международной солидарности трудящихся, отъ идеи интернационализма.

Развитой капитализмъ имѣетъ, слѣдовательно, двѣ стороны: одну свѣтовую, гдѣ накаплиются условія для болѣе легкаго перехода въ царство социализма, и другую, тѣневую, гдѣ накапливаются условія, препятствующія росту социалистическаго сознанія. Вотъ почему какъ разъ страна, гдѣ имѣется подавляющее населеніе съ трудовымъ социальнымъ укладомъ, но индустриально отсталое, оказалась болѣе способной на активную политическую борьбу съ буржуазіей, чѣмъ страны высокаго развитіа капитализма. И не случайность,—историкъ, навѣрное, сумѣетъ это понять лучше, чѣмъ правые с.-р. и меньшевики,—что во время международной войны страна съ самымъ развитымъ капитализмомъ, гдѣ имѣется партія, которая десятки лѣтъ насчитывала по милліону членовъ, гдѣ имѣются профессиональные союзы, социалистическія газеты, небывалыя экономическія организаціи, гдѣ имѣются парламентскія социалистическія группы въ 100 человекъ, гдѣ за партію голосуетъ четыре съ половиной милліона населенія,—такая страна какъ разъ оказалась менѣе способной принять участіе въ борьбѣ труда съ капиталомъ, чѣмъ слабая, разбитая, разгромленная Россія, гдѣ самодержавіе недавало возможности рабочему классу спаяться, гдѣ почти что не было организованнаго крестьянства. Я думаю, что къ намъ примѣнима въ полной мѣрѣ поговорка: „Не бывать бы счастьемъ, да несчастье помогло“. Не случайно Россія выпала великая миссія быть первой на путяхъ борьбы съ международнымъ капитализмомъ, и не учиться, а учить другіе народы, какъ нужно поступать съ въковыми классовыми врагами.

Мы, лѣвые социалисты революціонеры, начисто отмѣтаемъ всѣ схематическія, догматическія соображенія, путающія по рукамъ и ногамъ правыхъ социалистовъ, и говоримъ, что мы ставимъ себѣ задачей, какъ можно больше вытѣснить буржуазію, закрѣпляя завоеванія пролетаріата и трудового крестьянства, и не считаемся при этомъ съ тѣмъ, сходится ли наша тактика съ предначертаніями того или иного теоретика. Мы говоримъ: въ Россіи произошелъ переворотъ, который показываетъ, что съ перваго дня революціи всѣ силы находятся на сторонѣ трудовыхъ элементовъ. Рабочій классъ и трудовое крестьянство, связанные общими задачами, является въ данный моментъ единственной реальной силой, которой должно принадлежать политическое господство,

а, следовательно, и власть въ странѣ, а разъ такъ, то въ исторіи не было примѣровъ, чтобы цѣлы классъ правилъ не въ своихъ интересахъ, а въ интересахъ чужого класса. Не было примѣровъ, чтобы одинъ классъ, который имѣеть физическую силу, на основаніи какихъ-то теоретическихъ схемъ и соображеній, занимался самоограниченіемъ, помогая объективно своимъ социальнымъ врагамъ. Мы не проводимъ поэтому никакой черты между социализаціей земли и социализаціей другихъ источниковъ нетрудового пользования. Говорить, въ этомъ признакъ максимализма. Кто такъ говоритъ, тотъ показываетъ, что онъ ровно ничего не понялъ въ событіяхъ 1917 г. и съ упрямствомъ дятла твердить истину, усвоенную въ 1905 г.: максималисты это тѣ, которые хотятъ социализаціи фабрикъ и заводовъ, социаллисты-революционеры это тѣ, которые хотятъ только социализаціи земли. Дятлы эти упускаютъ при этомъ одну только вещь: въ 1905 г. мы вели борьбу изолированно, въ крайне неблагоприятной внутренней и международной обстановкѣ, а сейчасъ мы побѣдили на внутреннемъ фронтѣ и еще сомкнемъ его съ фронтомъ мирового социалистическаго движенія. Дѣло не въ томъ, кто что себѣ зарубилъ на носу въ 1905 г., а въ опредѣлившемся реальномъ соотношеніи силъ на національной и международной аренѣ борьбы съ капиталомъ. Мы не утверждаемъ — наша революція минималистская, максималистская: это дѣло тѣхъ, кто занимается политическимъ прожектерствомъ. Мы одно утверждаемъ: пробудившаяся къ сознанию трудящаяся масса, взявшая въ свои руки власть, будутъ естественно закрѣплять эту власть и сдѣлаютъ максимумъ возможнаго, чтобы буржуазію сбить со всѣхъ ея позицій.

Ограничится ли это установленіемъ рабочаго контроля, будетъ ли это полной передачей фабрикъ и заводовъ въ руки совѣтскихъ республикъ, это опредѣлится ходомъ русской революціи. Но социалистическая партія не ставитъ себѣ заранее черты, коей не перейдетъ. Мы должны держаться на позиціяхъ, завоеванныхъ рабочимъ классомъ и трудовымъ крестьянствомъ, и идти съ боемъ дальше. Не наша задача тянуть трудящихся назадъ, указывая, что они, "слишкомъ далеко" идутъ, слишкомъ тѣснятъ помещиковъ и капиталистовъ, не понимая того, что это противорѣчитъ некоторымъ высказываніямъ Маркса и Энгельса. Эту задачу мы съ удовольствіемъ предоставимъ какой угодно политической партіи, но настаиваемъ лишь на одномъ: пусть эти люди именуютъ себя, какъ угодно, только не революционными социалистами. Намъ кажется несерьезнымъ политическимъ прожектерствомъ гадать на тему, будетъ ли у насъ полный социализмъ или полусоциализмъ и т. д. Все это не даетъ никакого новаго оружія въ руки рабочаго класса и трудового крестьянства. Единственно, что мы констатируемъ, это то, что вся власть находится въ рукахъ трудовыхъ элементовъ, и они постараются использовать всѣ политическіе и экономическіе ресурсы въ интересахъ своихъ классовъ. И все, что они смогутъ сдѣлать — они сдѣлаютъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, не давая себя задумать. Они пройдутъ весь путь, который лежитъ передъ ними, поскольку это имъ разрѣшатъ моральныя и физическія силы, поскольку они не встрѣ-

твить полного равнодушия со стороны западно-европейской социалистической демократии. Только последняя может ограничить, как самый темп развития революции, так и возможные достижения.

Исходя из сказанного, мы утверждаем, что процесс русской революции совершенно ясно определился, как процесс социалистического переустройства общества. Государственная власть поэтому, естественно, может быть только в руках угнетенных классов — пролетариата и трудового крестьянства. Никакая „коалиционная“ власть невозможна в процессе классовой борьбы, когда классы будущего поднимают меч и каждую минуту, каждую секунду готовы опустить его на классы прошлого. Отметая самым решительным, категорическим образом возможность совместной работы с буржуазией, мы тем самым выносим суровый приговор всем „надклассовым“ организациям. И что бы ни говорила буржуазная пресса, чтобы ни утверждали правые с.р., меньшевики, „Новожизнцы“, в связи с роспуском Учредительного Собрания, конфликт этот нельзя объяснить злой волей каких-нибудь классов или партий. Передь нами явления более глубокого исторического смысла. Дело в том, что до открытия „общенационального“, „выбклассового“ Учредительного Собрания, где представлены не только трудящиеся классы но и буржуазия независимо от того, каким количеством депутатов она запаслась, власть революционными путем уже перешла от одного класса к другому, власть перешла от коалиционного, буржуазного правительства в руки чисто классового правительства, в руки рабочих и крестьянских советов и их исполнительного верховного органа — Совета Народных Комиссаров. И ясно для каждого, кто понимает смысл происшедшего, что в этот момент сверх-классовый, „общенациональный“ орган воли является анахронизмом, не может выполнить тех задач, которые конкретно могут стоять только передь классовыми организациями. Если бы Учредительное Собрание было созвано в период коалиционной власти, оно могло бы сыграть некоторую роль, как этап на путих от буржуазного правительства к правительству народному — народной власти. Если бы Учредительное Собрание не было саботировано буржуазией и соглашателями и было созвано своевременно, оно несомненно могло бы иметь положительное значение. Но послѣ того, как потоком революционной борьбы промежуточная стадия была перейдена, Учредит. Собрание не открывало перспектив в будущее, а пыталось, наоборот, повернуть историю вспять: оно хотѣло новести революцию от трудового классового господства обратно к „общенациональной“, „всесоюзной“ власти. Другими словами, оно несомненно явилось шагом назад, оно несло сейчасъ съ собою не идею революции, а контръ-революцию. Это мы должны были помнить в виду и не игнорировать объективную логику вещей.

Цѣлый ряд разногласий залегъ такимъ образомъ между двумя тактиками: революционно-социалистической, съ одной стороны, и буржуазно-реформистской, съ другой. Сбитые со своихъ позиций лѣвыми социалистами, правые безсильно цѣплялись за Учредительное Собрание, съ тѣмъ, чтобы изъ него сдѣлать тормазъ, который задержалъ бы

могуще движение трудящихся къ социализму, силу, которая повернула бы революцію вспять.

Если бы каждый разъ мы подходили съ точки зрѣнія техническихъ разногласій ко всѣмъ вопросамъ, поставленнымъ въ порядокъ дня русской революціи, мы несомнѣнно запутались бы и изъ-за деревьевъ не увидѣли бы лѣса. Нужно установить общій руководящій принципъ, который только и дѣлаетъ понятными всѣ тактическія расхожденія, и его мы уже не разъ формировали однимъ положеніемъ: мы имѣемъ дѣло съ одной стороны, съ представителями революціоннаго социализма, а съ другой — буржуазнаго реформизма. Всѣ наши разногласія по вопросамъ „текущаго момента“ сводятся къ одному основному ихъ определяющему разногласію.

Иди отъ общаго къ частному, мы поймемъ это частное, поймемъ всѣ мелкія каждодневныя разногласія, которые, несомнѣнно, если русской революціи суждено развернуться, будутъ непрестанно накапливаться. Чѣмъ больше углубляется социальная революція, чѣмъ настоятельнѣе трудящіеся классы идутъ отъ одной позиціи къ другой, чѣмъ энергичнѣе будетъ поддержка западно-европейскаго пролетариата, — тѣмъ болѣе жестокой, враждебной оппозиціей намъ будутъ тѣ, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія буржуазнаго реформизма, которые святы и гадятъ, какъ русская революція медленнымъ черепашинымъ шагомъ, „никого не обижая и никого не задѣвая“, разрѣшаетъ неотложные вопросы, которые она можетъ разрѣшить въ предѣлахъ „буржуазнаго общества“.

Вотъ же основной принципиальный критерій мы должны применить, чтобы съ другой стороны понять, почему возможенъ тѣсный контактъ между лѣвыми социалистами-революционерами и большевиками. Если существуютъ разногласія между лѣвыми с.-р. и большевиками, то въ области социальной они обосновываются, главнымъ образомъ, на одномъ вопросѣ — на отношеніи къ социализаціи земли. Когда Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ впервые опубликовалъ разработаннй нашей партией земельный законопроектъ, то Ленинъ заявилъ, что большевики сдѣлали это не какъ представители партии, а какъ представители правительства, которое должно болѣе считаться съ голосомъ трудового крестьянства, чѣмъ со своей программой. Это совершенно правильная постановка вопроса. Но нужно сдѣлать шагъ впередъ и сказать, что если подавляющее большинство, 90% трудового крестьянства, стоитъ на почвѣ социализаціи земли, то значитъ, всякая партія, которая хочетъ защищать интересы трудового крестьянства, которая хочетъ быть не только партией пролетариата, но и партией трудового крестьянства, должна прислушаться къ голосу многомиллионныхъ тружениковъ земли и включить социализацію земли въ свою программу. Все трудовое крестьянство, не исключая крестьянъ-большевиковъ, на всѣхъ съѣздахъ единогласно голосуетъ за социализацію земли. Изъ этого партія должна сдѣлать соответствующій выводъ, чтобы дѣйствительно всецѣло отражать интересы двухъ основныхъ классовъ трудящихся, которые являются главной движущей силой русской революціи: трудового крестьянства и пролетариата.

На русскую революцию можно смотреть либо как на буржуазную, либо как на трудовую социалистическую. Кто смотрит на нее как на трудовую, те могут найти общий язык и могут выработать общую социальную тактику, как нашли общий язык и выработали общую тактику и наши политические враги: правые эсеры и меньшевики.

Мы имеем сейчас группировки не по исторически сложившимся политическим партиям, а четко обозначившимся в процессе революции течениям. Мы видим на одном фланге тесно, плечом к плечу, представителей эсеров и социал-демократов. На первый взгляд вещь не вероятная, а ходом русской революции вполне себя оправдавшая.

Политические группировки определяются сейчас не программами, а исключительно способностью осуществить их. Все остальное уходит в такие боевые моменты на задний план и может быть выброшено частью или полностью за борт истории ходом революции. Поскольку мы оцениваем русскую революцию, как трудовую, а не буржуазную, пусть максималисты, социалисты-революционеры, большевики, кто угодно, мы найдем общий язык, поскольку на деле будем осуществлять ее. И, наоборот, довольно трудно найти общий язык с теми, кто является представителями не каких-нибудь партий, а другой идеологии буржуазного реформизма и оказываются органически неспособными делать то великое дело, которое ходом истории иногда бессознательно и стихийно делает сам трудовой народ и будет делать, бы ему изменили не только те интеллигентские группы, которые до сих пор дезертировали, а еще и все оставшиеся.

Отдельные люди, отдельные интеллигентские категории могут изменять классу, могут не понимать положения вещей, могут идти против исторического потока, но сами классы никогда себя не изменят и никогда не откажутся от тех завоеваний, которые оказываются по ходу истории возможны. И в этом отношении как бы ни было тяжело, порой трагично положение пролетариата и крестьянства, когда интеллигенция, которую трудовой народ воспитал своей кровью и трудом, от него отворачивается, как бы это ни казалось жалко на общем положении вещей, как бы ни затрудняло ход русской революции,—это не может быть определяющим фактором, ибо громадные классы, какими являются трудовое крестьянство и пролетариат, не откажутся ни от одного из завоеваний в силу того, что какой-нибудь кучка людей не правится, что социальная революция делается не в белых перчатках, а грязными, мозолистыми руками.

Это нужно твердо запомнить, это нужно знать, особенно той группе людей, которая думает на саботаже трудовой революции сорвать завоевания революции. Можно интеллигентским саботажем сделать революцию более болезненной; можно осложнить гражданскую войну до крайности, можно провоцировать такие формы гражданской войны, каких, может быть, и старушка история не видала,—все это возможно, но нельзя остановить этими потугами колеса истории, нельзя задержать хода русской революции, как нельзя задержать всего

исторического, социально-обоснованного процесса. И какъ бы ни были ужасны испытанія, и какъ бы ни тревожила насъ судьба завтрашняго дня, мы спокойно смотримъ въ будущее, ибо знаемъ, что ни этого бойкота, ни саботажа, ни срыва, ни все то, чѣмъ такъ упрямо и энергично занимаются обанкротившіяся партія, не загубятъ русской революціи. Есть громадная сила, идущая ей на выручку. Это творческая энергія массъ, творческой пафосъ ихъ. Если трудовое крестьянство и рабочій классъ быстро, какъ этого требуетъ революціонное время, изъ самихъ себя создадутъ кадры не ученыхъ колпаковъ, а настоящихъ политическихъ работниковъ, если съ другой стороны оправдаются великія наши ожиданія, если русская революція, по своей природѣ и смыслу и по результатамъ, окажется революціей не національной, а международной, если ей суждено играть роль авангарда международной социалистической революціи, — то она необходима, несокрупима, какъ гранитная скала. И какъ бы тяжело она ни переживала послѣдніе, можетъ быть, мѣсяцы своего одиночества, своей изолированности, поджидал своихъ братьевъ изъ Западной Европы и всего капиталистическаго міра, она доживетъ до великаго дня освобожденія всего угнетеннаго человѣчества.

Б. Камновъ.

Письма въ деревню.

Первое письмо.

Второй Всероссийскій крестьянскій съездъ первую половину своихъ засѣданій имелъ бурно въ напряженной атмосферѣ политической борьбы. Съездъ дѣлился на правыхъ и лѣвыхъ. Въ первой части были правые социалисты-революціонеры центра, какъ они себя называли, въ лѣвой части—лѣвые социалисты-революціонеры и большевики.

Правымъ социалистамъ-революціонерамъ пришлось много употребить усилій, чтобы раздѣлить крестьянъ. Было пущено въ ходъ все. Въ „Дѣлѣ Народа“ (газетѣ центрального комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ и Чернова) печатались погромныя статьи о лѣвыхъ эсъ-эрахъ и большевикахъ съ еврейскими фамиліями, статьи, полныя лжи; устно въ закрытыхъ засѣданіяхъ крестьянъ поджигали и подстрекали противъ лѣвой части съезда, паговаривая имъ много неправильнаго и прямо клеветническаго.

Занятій съезда вести было нельзя. Каждый день вносились вѣ-очередныя заявленія, которыя мучили и раздражали съездъ, каждый день занятія срывались тѣмъ или инымъ скандаломъ и саботажемъ.

Лѣвая часть съезда рѣшила не сдаваться. Ночью было засѣданіе фронтовой группы. фракціи лѣвыхъ социалистовъ-революціонеровъ и большевиковъ, и тамъ сговорились не вносить съ своей стороны ни одного вѣ очереднаго заявленія, ни одного „за“ и „противъ“: ни „къ порядку“, ни „по мотивамъ голосованія“, сговорились не шумѣть и не возмущаться вслухъ. И на другой день лѣвая сторона зала соблюдала полную тишину и дисциплину. Это не помогло, саботажъ продолжался. Онъ усилился, когда былъ въ порядкѣ обсужденія поставленъ левъ вопросъ о войнѣ и мирѣ. Шли переговоры о мирѣ въ Врестѣ, и важно было, чтобы крестьянство сказало свое слово относительно хода мирныхъ переговоровъ. Этого то не хотѣли допустить правые эсъ-эры.

Девять мѣсяцевъ морочили они голову крестьянству своимъ оборочествомъ, девять мѣсяцевъ заставляли крестьянъ послать своихъ дѣтей на войну и смерть, и теперь одобрить мирные переговоры конечно они согласиться не могли. Но они знали, что даже и тѣ

крестьяне, которые по темноте шли за ними, здесь с ними не дей-
дуть, поэтому решили просто не дать вопросу о мире стать в обя-
зательный порядок дня. Поднялся такой шум и такой саботаж, что
приходилось несколько раз закрывать заседание.

В это же время выяснилось, что больше ста (100) правых
социалистов-революционеров попали на съезд по ложным мандатам.
Сами себя лавидавали. Все губернские советы и исполнительные
комитеты по провинциям еще не были переизбраны народом, все
были полукадетские, право-эс-эровские. По правилу надо было
посылать по два представителя от губернского исполнительного коми-
тета. Они же послали от своих реакционных исполнительных
комитетов по 6, 8, и даже по 10 представителей. И получилось по
самым точным сведениям мандатной комиссии то, что мандаты
всех видных правых эс-эров, особенно саботажников и соглашателей
с буржуазией, были посланы по телеграфу в количестве 6,
8, 10 от одного исполнительного комитета.

Мандатная комиссия хотела сдѣлать немедленный доклад объ
этомъ. Правые эс-эры, почувявъ, что ихъ поймали, рѣшили не дать
себя проверить и съ криками, бранью и гамомъ ушли со съезда и
изъ зала, порвавъ на такомъ формальномъ новодѣ, какъ проверка
мандатовъ.

Большинство съезда, оставшись въ залѣ, рѣшило продолжать свои
работы. Послѣ откола правой части съезда, работы съезда пошла
живо и горячо. Не было саботажа и шума, вопросы ставились по
существу, подходил къ нимъ со всей искренностью, не тая заднихъ
полемическихъ цѣлей, и рѣшалось въ полномъ соответствии съ ходомъ
нашей революціи и съ духомъ лѣвыхъ социалистическихъ программъ:
революціи иногда постъ жаркихъ споровъ выносились, въ концѣ кон-
цовъ, единогласно противъ одного, двухъ, при 2—5 воздержавшихся.

Былъ выбранъ новый исполнительный комитетъ Всероссийскаго
совета крестьянскихъ депутатовъ, и съездъ закрылся, рѣшивъ цѣлякомъ,
и представители фронта, и тыла, поѣхать по роднымъ мѣстамъ
для правильного освѣщенія событія въ Петроградъ и для объясненія
цѣлей теперешней революціи.

Когда правые откололись, тѣ лѣвая часть два раза послала свои
делегации къ крестьянамъ, унедичимъ съ правыми эс-эрами, зовя на
общую работу и заранѣе отказывалась отъ всякихъ требованій и ульти-
матовъ, въ видѣ условій соединенія. Въ отвѣтъ были ультиматумы,
требованія покориться ихъ условіямъ, и такимъ образомъ все попытки
создать общую работу оказались безуспѣшны. И цѣлякомъ вся отвѣт-
ственность лежитъ за это на правыхъ эс-эровъ.

Второй Всероссийскій съездъ показалъ вѣсьмъ, насколько поли-
тически выросло крестьянство, насколько оно становится надежнымъ
въ борьбѣ за революцію, за свое освобожденіе. И „расколъ“ и „отколъ“
на съездѣ не былъ страшенъ, это была послѣдняя дань политической
несолидарности и безпомощности, въ которой раньше долгие вѣка при-
бывалъ народъ.

Письмо второе.

Третій Всероссийскій Крестьянскій Съездъ показалъ, что крестьянство за короткое время революционизировалось настолько, что безъ прений и колебаній Крестьянскій Съездъ пошелъ въ Тавричскій дворецъ, чтобы слиться въ общей работѣ со Съездомъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, чтобы при всеобщемъ энтузиазмѣ принять всю его программу цѣликомъ и чтобы поддержать и одобрить Совѣтскую власть такъ же искренно и съ силой, какъ представители воинства и пролетаріата.

Работы Съезда Совѣтовъ приходили уже къ концу, когда подѣхали крестьяне. Съездъ Совѣтовъ принялъ основной законъ о социализации земли, его принципиальные 19 положеній на общемъ засѣданіи Совѣта Рабочихъ, Крестьянскихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, а детализацию закона, всѣ остальные пункты законопроекта положилъ въ основу, предложивъ окончательную разработку Крестьянской Секціи Съезда Совѣтовъ и окончательное утверждение вновь избранному Центральному Исполнительному Комитету Совѣта Крестьянскихъ, Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Крестьянская Секція оставшись одна, проработала 2 недѣли надъ законопроектомъ о социализации земли, соединилась для работы со Съездомъ Земельныхъ Комитетовъ и дала за двѣ недѣли напряженной работы крупные результаты. Крестьянскій Объединенный Съездъ разбился на Комисси (или секціи), по 30—40 человекъ въ Комисси. Всего 26 Комиссій—лѣсная, законоподготовительная, по снабженію инвентаремъ, по общественной обработкѣ полей и т. д. Въ Комиссіяхъ было сильное крестьянство, во всѣ Комисси не хватало руководителей, „интеллигентовъ“, и приходилось крестьянамъ исключительно однимъ разбираться въ сложныхъ порой пунктахъ и параграфахъ и комментировать ихъ на многие лады. Характерно, что рядъ поправокъ, вносимыхъ секціями, были насквозь социалистическими и поправки объ общественной обработкѣ полей были предметомъ горячаго отстаиванія и большого энтузиазма при принятіи ея. Хорошо было смотрѣть на работу коллективного ума—крестьянства. Выросла радость, гордость и увѣренность въ думѣ за дальнѣйшія судьбы крестьянства, какъ класса, какъ опредѣленной социальной категоріи.

Наша точка зрѣнія, социалистовъ-революционеровъ, на крестьянство будто еще лишній разъ получала подтвержденіе. Крестьянство—не только материалъ для исторіи, не только пережитокъ извѣстнаго строя, подлежащій глубочайшей социологической трансформаци, и даже уничтоженію, но власть будущаго, жизнеспособный и устойчивый историческй, классъ несущій міру и новый строй и новую правду.

Крестьянскій Съездъ, кончивъ свои работы, проголосовалъ со всеми поправками весь законъ, полный энтузиазма проявлять утверждение закона своимъ единогласнымъ голосованіемъ.

Законопроектъ былъ на окончательное чтеніе и утвержденіе переданъ въ Всероссийскій Центральный Исполнительный Комитетъ Со-

вѣтовъ Крестьянскихъ, Рабочихъ, Солдатскихъ и Казачьихъ Депутатовъ, и тамъ былъ утвержденъ всѣми голосами противъ одного при 2—3 воздержавшихся. И только тогда, когда законопроектъ сталъ закономъ, и былъ отпечатанъ, Крестьянскій Съѣздъ разѣхался съ тѣмъ, чтобы приняться уже за практическое осуществленіе социализации земли.

Третій Крестьянскій Съѣздъ былъ уже новымъ этапомъ на пути тернистаго и великаго историческаго прохожденія крестьянъ къ социализму.

Четвертый Съѣздъ Совѣтовъ Крестьянскихъ, Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ долженъ выявить передъ нами крестьянство еще болѣе осознавшимъ себя и цѣли революціи и слаявшимся съ пролетариатомъ въ одно неразрывное цѣлое трудящагося класса. История не ждетъ ни насъ, ни нашихъ теорій, она опережаетъ всѣ замыслы, самыя дерзкія начинанія, и возможно, что въ величайшемъ дѣлѣ претворенія и преображенія дѣйствительности рѣшающее слово—чудо скажетъ крестьянство, принявшее въ настоящее время лозунгомъ и боевымъ кличемъ общественную обработку полей.

М. Спиридонова.

ВЪВГЛЯ ЗАМѢТКИ ПО ОСНОВНЫМЪ ВОПРОСАМЪ СОЦІАЛИЗАЦІИ ЗЕМЛИ.

I.

Соціализація земли не есть еще социализмъ на землѣ. Это—избитая истина. Социализація есть лишь приближеніе къ социализму; она ведетъ къ нему, поскольку является переходной формой землепользованія, при которой земля обобществляется, социализируется.

До изданія основного закона о социализаціи земли можно было пользоваться землей лишь *на правахъ собственности или аренды*. Теперь такого вида пользованія существовать больше не будетъ, всякая собственность на землю новымъ закономъ отмѣняется въ предѣлахъ Россійской Федеративной Совѣтской Республики, земля изымается этимъ закономъ изъ товарооборота. Отнынѣ всякій желающій обрабатывать землю своимъ трудомъ получитъ доступъ къ пользованію землей, и это не будетъ больше ни правомъ собственности или аренды на землю, ни правомъ на землю *tout court*, а исключительно—*правомъ пользованія землей*, которая сама по себѣ и по существу остается „ничьей“, „божьей“, какъ говорили въ старину.

Земля такъ и останется ничьей постольку и до тѣхъ поръ, пока социализація земли не окажется проведенной во всѣхъ странахъ міра. Тогда установится само собой право всего человѣчества на пользованіе землей: право пользованія землей, какъ и право собственности на землю, ибо сказать, что земля—ничья, или, что *земля принадлежитъ всему человечеству*, это значитъ сказать одно и то же.

Пока отдѣльные государства грозятъ обобществленію земли тѣмъ, что они, каждое въ отдѣльности, могутъ стать собственниками земли (национализація!), до тѣхъ поръ остается одинъ лишь выходъ—считать землю ничьей. Когда же государственныя грани сотрутся или расши-

рятся до ихъ предѣльнаго конца, т. е. охватятъ всю нашу планету въ цѣломъ, тогда *націонализація*, расширенная до предѣловъ *гуманизации*, не можетъ больше ничѣмъ угрожать социализаціи земли.

Итакъ, на мѣсто многообразнаго права *собственности* на землю устанавливается исключительное право *пользованія* землей на уравни-тельно-трудовыхъ началахъ,—такова одна изъ основныхъ чертъ социализаціи земли.

* * *

Право пользоваться землей сельскохозяйственнаго значенія при социализаціи земли получаютъ всякій гражданинъ и гражданка, пожелавшіе обрабатывать землю собственнымъ трудомъ безъ помощи наемныхъ рабочихъ.

Такимъ образомъ устанавливается другой основной принципъ социализаціи земли: *трудъ считается исключительнымъ источникомъ права на пользование землей* для веденія сельскаго хозяйства.

Этимъ самымъ *упраздняется наемный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ*; упраздняется онъ со всѣмъ тѣмъ одиознымъ, что всегда неразрывно связывалось съ представленіемъ о наемномъ трудѣ: всяческой эксплуатаціей и всяческимъ угнетеніемъ.

Но что поставить на мѣсто наемнаго труда въ тѣхъ случаяхъ, когда придется имѣть дѣло съ научными институтами, должнствующими обслуживать сельское хозяйство: сельскохозяйственными школами и академіями, образцовыми фермами, опытными полями и т. д.? Это, въ огромномъ большинствѣ случаевъ убыточные предприятия, въ лучшемъ случаѣ — они едва-едва окупаются. Они смогутъ существовать лишь на общественныя и государственныя средства или, во всякомъ случаѣ, лишь при ихъ поддержкѣ.

Въ данномъ случаѣ источникомъ права пользованія землей будетъ не трудъ, а цѣль, понимаемая въ смыслѣ общественной полезности — необходимость поднять уровень сельскохозяйственныхъ знаній и сельскохозяйственнаго промысла. На этомъ основаніи, въ такихъ случаяхъ будутъ пользоваться землей разные общественныя организаціи, совѣтскія учрежденія и государство.

Это не исключаетъ возможности вести это хозяйство на коммунистическихъ или артельныхъ началахъ. Можно себѣ представить, какъ такое хозяйство ведется союзомъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ (батраковъ). Но разъ на лицо государственная или общественная субсидія, то извѣстная ей доля прямо или косвенно падаетъ и на трудъ.

Правда, это тогда не въ собственномъ смыслѣ слова „наемный“ трудъ, но во всякомъ случаѣ оплачиваемый государствомъ трудъ, подчиненный общимъ нормамъ рабочаго контроля. Никакая софистика тутъ помочь не можетъ: принципъ наемнаго труда сохраняется.

Онъ можетъ упраздниться лишь въ томъ случаѣ, когда эти научныя институты, опытные поля и проч. войдутъ частью въ чрезвы-

чайно-крупные по территориальным размерам сельскохозяйственные предприятия, ведущиеся на коммунистических началах. Там на место наемного труда станет простое распределение труда: определенные члены этой большой коммуны, которая будет, быть может охватывать уезд, губернию или даже целую область, будут прилагать свой труд в этих опытных показательных и научных учреждениях и пользоваться за это долей общего производимого коммуной в целом. Это заменить оплату труда в прямой или скрытой форме.

Есть еще случай, когда при социализации земли можно себе представить необходимость оплачиваемого труда, так напр., когда какой-либо общественной организации придется обеспечить на некоторое время, до момента получения страховой премии или пенсии, лишившимися родителей малолетними сиротами, лишившимися трудоспособности или возможности работать на участке земледельцами и т. п. В этих случаях, когда общественными силами не справиться будет с этой землей, придется прибегать к наемному труду. Не оставлять же участок незасеянным и необработаным исключительно из-за чистоты принципа социализации земли!

При условии существования коммунального хозяйства на обширной территории эти случаи „исключения из общего правила“ также отпадают.

В капиталистическом строе, в переходное время этих „исключений“ не избежать. Это не колеблет основного и общего правила, что источником права пользования землей при ее социализации является личный труд земледельца.

* * *

Как мы говорили, земля (а также недра, леса, воды и проч.), переходя в пользование всего трудового народа *без всякого выкупа*, явного или скрытого,—так же точно и с наименьшей твердостью должны мы отстаивать положение, что *с земли*, как таковой, не может взиматься *никаких налогов*.

Нельзя же, на самом деле, взимать налоги с того, что никому не принадлежит и находится во всеобщем пользовании, как напр., с воздуха, солнечного света и т. д., а теперь и с земли.

Другое дело—*земельная рента*. Ее сам бог велел обложить налогом. Недаром в новом законе говорится так определенно об обложении именно земельной ренты и ничего другого.

Нельзя сомневаться, что рента будет существовать и при социализации земли, хотя последовательно проведенный принцип потребительно-трудовой нормы при падении граждан землей и должен был, казалось-бы, упразднить самую ренту. Ибо при таком падении принимаются в расчет и качество земли, и форма землепользования, и система полеводства, одним словом—*все*. Откуда же взятая рента?

Но въ томъ то и бѣда, что полнаго, послѣдовательно проведеннаго уравнительнаго надѣленія по потребительно-трудовой нормѣ: нельзя себѣ и представить, въ особенности при существующемъ положеніи вещей. Отсюда—возможность существованія ренты.

Но разъ она есть, то единственный налогъ, какимъ слѣдовало бы ее обложить—это полная *конфискація* самой *земельной ренты*. Этимъ достигалась бы совершенная уравнительность. Конфискація должна конечно производиться въ пользу государства, на нужды соответствующихъ земельныхъ отдѣловъ совѣтовъ.

* * *

Количество земли, причитающееся на долю всѣхъ, кто имѣетъ право на пользование землей, опредѣляется трудовой и потребительною нормой, существующей въ данномъ полѣ: *не меньше* того, что нужно для безбѣднаго существованія семьи, *не больше* того, что въ силахъ обработать семья, не прибѣгая къ наемному труду.

Врядъ-ли съ первыхъ же шаговъ проведения социализаціи земли вскорѣ удастся удовлетворить всѣхъ чающихъ получить земли въ пользование. На первыхъ порахъ не помогутъ ни отводъ определенныхъ лѣсныхъ участковъ подъ пашню, ни всяческая меллорачія и интенсификація. На все это нужно время мало-ли, много-ли, но всетаки—время.

Волей-неволей приходится устанавливать на мѣстахъ очередь для надѣляемыхъ; во всю широту встаетъ также при этомъ вопросъ о переселеніи.

Очередь при надѣленіи землей диктуется самой жизнью: въ первую очередь должно надѣляться мѣстное население—малоземельное и безземельное, но трудившееся на землѣ, какъ напр., сельскохозяйственныхъ рабочихъ (батраковъ). Затѣмъ уже—пришлое население, не жившее въ данной мѣстности ко времени опубликованія закона о социализаціи земли.

Совершенная нецѣльность, какъ это предлагаютъ нѣкоторые, сначала создать *tabula rasa*, повытряхнувъ всѣхъ земледѣльцевъ съ ихъ насаженныхъ мѣстъ и изъ налаженныхъ хозяйствъ, а затѣмъ уже приступить къ общему уравнительному надѣленію, начавъ съ батраковъ и пролетаріевъ.

Это значило бы на годы разрушить всю сельскохозяйственную жизнь деревни, понизить до минимума производительность земли также на многие годы и совершить ничѣмъ неоправдываемую социальную несправедливость, которая бы привела къ гражданской войнѣ на мѣстахъ.

Задачи социализаціи земли совершенно иные: отнять у тѣхъ, у кого избытокъ, въ пользу тѣхъ, у кого недостатокъ земли до уравнительно-трудовой нормы и, наконецъ, дать возможность всякому желающему *потрудиться* на землѣ, доступъ къ пользованію ею.

Въ основѣ социализаціи лежитъ принципъ созиданія, но никакъ не разрушенія. Отсюда стремленіе ввести коллективныя формы хозяйства, какъ болѣе продуктивныя по сравненію съ единоличными. Повышая производительность, устанавливая новыя социальныя отношенія въ деревнѣ, проводя въ жизнь принципъ коллективнаго права, — социализація земли ведетъ прямымъ путемъ къ социалистическимъ формамъ хозяйства. Новый законъ подтверждаетъ это каждой строчкой, каждымъ параграфомъ своего текста.

Ал — о в ъ .

Равенство въ голодѣ или социализмъ?

Русская революція развивается, несмотря ни на какія заклинанія и теории „научнаго социализма“, своимъ собственнымъ, единственнымъ въ исторіи, ей однимъ присущимъ путемъ. И точно такъ же, какъ въ 1905 году всеобщая стачка изъ политическихъ побужденій и вооруженное возстаніе являлись средствами борьбы, противъ которыхъ протестовали изъ-за ихъ „неосуществимости“ западно-европейскій „научный социализмъ“, точно такъ же *теперь* постановка цѣлей нашей революціи далеко оставляетъ за собой ту традиционную программу, которая была присуща революціямъ XIX вѣка, примѣру которыхъ якобы должны были подражать революціи въ отсталыхъ капиталистическихъ странахъ.

И точно такъ же, какъ примѣръ русскихъ способовъ борьбы въ 1905 году вызвалъ попытку примѣненія тѣхъ же средствъ ея за границей, точно такъ же и теперь цѣли русской революціи должны, независимо отъ ихъ практическихъ результатовъ, оказать гигантское вліяніе на социалистическое движеніе за предѣлами Россіи—и на Западѣ и на Востокѣ, на который первая русская революція уже оказала могущественное воздѣйствіе.

И потому чрезвычайно важнымъ является внимательное разсмотрѣніе тѣхъ цѣлей, которыя объективно—соотношеніемъ классовыхъ силъ—ставятся на разрѣшеніе русской революціей, и которыя субъективно поддерживаются, какъ ихъ собственныя цѣли, опредѣленными классами.

Уже потому одному, что социализация земли вышла далеко за рамки политическаго переворота, революція наша приняла характеръ *соціальной революціи*. Этимъ самымъ она еще разъ доказала то безспорное положеніе, что трудящаяся масса, которая свергаетъ политическую власть господствующихъ классовъ, вовсе не имѣютъ надобности останавливаться на полдорогѣ и передавать власть отъ одной буржуазной группы другой.

Но если субъективно въ русской революціи производящіе эту революцію классы не могли замѣнить *своихъ цѣлей* цѣлями, имъ совершенно чуждыми, то объективно соответствовали ли тѣ цѣли, кото-

рыя поставили себѣ угнетенные классы—цѣли *соціального переворота и обобществленія производства*—той степени хозяйственнаго, финансоваго, культурнаго, организаціоннаго развитія, которая позволила бы удержать достигнутыя завоеванія?

И въ эту сторону направляютъ свои стрѣлы представители „научнаго социализма“, претендующіе на исключительную монополію научности своей точки зрѣнія. Ихъ доводы весьма просты и несложны. Они считаютъ, что мѣры теперь осуществляемыя—мѣры социалистическія, „но Россія находится еще на очень низкой ступени экономическаго развитія. Поэтому буржуазный строй долженъ сохраниться и послѣ революціи“. Такъ говорятъ одни. „У трудящихся массъ нѣтъ достаточно опыта и навыка, чтобы справиться съ производствомъ послѣ его обобществленія“—заявляютъ другіе. „Социализмъ можетъ быть дѣлѣнъ на хозяйственнаго полнокровія страны, производительная мощь которой, возростая, сбрасываетъ тѣсную одежду стараго соціального строя, мѣняя на болѣе просторную“—пишутъ въ „Дѣлѣ Народа“ третьи. „Теперь вводить социализмъ—это значить вводить равенство въ голодѣ“—истерически вопятъ четвертые.

Что можно выдѣлѣть въ видѣ болѣе или менѣе основательныхъ аргументовъ изъ этихъ заявленій? 1) То, что частная инициатива и предприимчивость развиваетъ производительныя силы болѣе, чѣмъ общественное, регулированное хозяйство; 2) что эта предприимчивость, движимая личнымъ интересомъ, построенная на правѣ частной собственности, позволяетъ привлечь огромныя капиталы для увеличенія производства и ихъ усовершенствованія, чего нельзя сдѣлать при общественномъ хозяйствѣ; 3) что навыки рабочаго класса въ управленіи производствомъ еще настолько недостаточны, что овладѣть теперь процессомъ производства онъ совершенно не въ состояніи.

Первый аргументъ какъ будто вполне убѣдителенъ. Дѣйствительно, до сихъ поръ преобладающимъ стимуломъ въ хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ людей былъ личный интересъ, личные задачи. И въ осуществленіи личныхъ интересовъ конкуренція отдѣльныхъ индивидуумовъ, и какъ производителей, и какъ потребителей, создала то, что принято называть „законами политической экономіи“. Цѣны на товары, заработная плата, предпринимательская прибыль, процентъ на капиталъ—все это создало исторически нѣкоторыя отношенія болѣе или менѣе постоянныя, которыя принято называть „законами экономіи“. Но самъ личный интересъ, постепенно эволюціонируя, создалъ общественныя отношенія, которыя его отрицали. Безграничная конкуренція на міровомъ рынкѣ создала группу привлеченныхъ хищниковъ, устранившихъ своихъ конкурентовъ съ поля битвы и сконцентрировавшихъ въ своихъ рукахъ огромныя капиталы. Съ того дня, когда это произошло, личная инициатива отдѣльныхъ лицъ стала становиться все болѣе фикціей. Когда синдикатъ назначаетъ опредѣленныя цѣны, то отдѣльному предпринимателю нѣтъ никакой возможности проявлять здѣсь свою инициативу и свою предприимчивость: нѣтъ, онъ является только рабомъ рынка, только послушнымъ приказчикомъ синдиката, если не хочетъ быть выброшеннымъ на мостовую совершенно разореннымъ.

Синдикат диктует цены, синдикат регулирует производство, синдикат завоевывает рынки... Но синдикат все это делает сложнейшим аппаратом с специалистами-директорами, распорядителями, управляющими, инженерами и т. п. А что делает отдельный предприниматель, вложивший свои капиталы в производство и вошедший в состав синдиката? Он может *ничего не делать*, и от этого производство не потерпит никакого ущерба.

Таким образом, в монополистическом фазисе капитализма „законы экономики“ перестают играть ту роль, которую они играли во время эпохи „свободной конкуренции.“ И это логически ведет к тому, что вместо „законов экономики“, в новейшем империалистическом фазисе капитализма наступает простой грабеж и производителя, и потребителя. „Частная предприимчивость“ ведет к тому, что за крупным промышленником, банкиром, биржевиком узаконяется *право* на узаконенный и поддерживаемый всеми писанными и неписанными законами грабеж населения.

И те, кто *теперь* еще лепечет о необходимости проявления в целях развития народного хозяйства частной инициативы и предприимчивости, просто *не доросли* еще до понимания настоящей, отрицающей *в самом корне* „законы экономики“ фазы капитализма.

Не может быть „развитие производительных сил“ и техничeskия усовершенствования происходят, как результат частной инициативы? Если бы это было так, то, быть может, мы бы могли хотя до известной степени признать „прогрессивность“ применения частной инициативы.

Но на самом деле наблюдается нечто совершенно противоположное. Синдикаты в такой же степени *задерживают технический прогресс*, как когда-то конкурирующие предприятия двигали его вперед. Общеизвестно, что предприятия и группы их, которые имеют старое оборудование, стараются скупить новые изобретения, вызывающие необходимость коренного переустройства оборудования и держать их *молч снудом* до тех пор, пока оборудование не износится. И если это не удавалось сделать, когда на рынок конкурировало много компаний, то это удается сделать теперь, когда целые группы производств объединяются в синдикаты и тресты.

Кроме того, развить неизвестно, что те, у кого и имеется техническая инициатива—изобретатели различного рода, часто вместе с незамысленными рабочими, почти никогда ничего не получают от использования своего изобретения? Значит, для их деятельности переход от капитализма к высшей фазе хозяйственной жизни, ничего не ухудшить, скорее наоборот.

Наконец, необходимо указать, что современная промышленность представляет собой все большее приложение науки к технике. Но всякий хоть сколько нибудь знакомый с развитием науки знает, что развитие научной мысли идет *совершенно независимо* от тех или иных экономических отношений, что путь развития научных построений идет совершенно самостоятельно руководствуясь своей

внутренней логикой *). А разъ такъ, то обобществленіе производства, естественно, не можетъ имѣть въ этомъ смыслѣ отрицательныхъ послѣдствій.

Но новѣйшій капитализмъ не только задерживаетъ ходъ технического прогресса, а, стремясь къ максимальной сверхъ-прибыли, онъ искусственно *сокращаетъ производство* въ цѣляхъ вздутія цѣнъ, понижая этимъ уровень жизни населенія. Такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія новѣйшій капитализмъ *реакционенъ* и не выполняетъ той „исторической задачи“, которую, казалось, онъ долженъ былъ бы исполнять.

Личная инициатива стала бесполезной и ненужной съ тѣхъ поръ и какъ появились акціонерныя общества и акціонеры, стригущіе купоны. И теперь вмѣсто личной предприимчивости выдвигается другая задача— сознание своей отвѣтственности передъ обществомъ и работа для общества.

Второй аргументъ касается воспроизводства капитала и его накопленія. Утверждалъ, что огромные капиталы можно собрать *только* при сохраненіи права частной собственности, совершенно упускаютъ изъ виду, что всѣ „свободные“ капиталы, выпускавшіеся на денежный рынокъ въ видѣ акцій, облигацій и т. п. по существу представляютъ собой или *фигтивный* капиталъ, основывающійся исключительно на кредитѣ, или дѣйствительное накопленіе реальныхъ капиталовъ въ странѣ. Въ первомъ случаѣ та фикція капитала, которая овеществлялась въ акціи, въ такой же степени овеществляется въ бумажномъ кредитномъ билетѣ, обезпеченномъ всѣмъ достояніемъ государства; и проблема бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ и безъ металлическаго обезпеченія можетъ во время „переходнаго періода“ замѣстить фикцію „свободныхъ“ акціонерныхъ капиталовъ индивидуалистическаго періода. При второмъ случаѣ процентъ на капиталъ во время „переходнаго періода“ будетъ не меньшимъ стимуломъ для помѣщенія свободныхъ капиталовъ въ государственный банкъ у ихъ новыхъ владѣльцевъ, чѣмъ это было раньше при помѣщеніи денегъ въ частныя банки.

Но не уменьшится ли вообще количество свободныхъ средствъ въ странѣ? Нисколько, ибо вѣдь произошло только *перераспределеніе* богатствъ между различными классами, но *не абсолютное уменьшеніе* ихъ. Свободныя деньги должны были отъ кого-то къ кому-то перейти, а не уничтожиться совершенно; средства орудія производства и земля также не уничтожились, а только перешли изъ однихъ рукъ въ другія. Пояснимъ это слѣдующей схемой: предположимъ что у буржуазіи было А свободныхъ средствъ, у трудящихся массъ В свободныхъ средствъ. Общая сумма свободныхъ средствъ въ странѣ = $A + B$. И буржуазія и трудящіеся взяли С свободныхъ средствъ ея. Тогда общая сумма свободныхъ средствъ въ странѣ = $(A - C) + (B + C) = A + B$.

Кредитъ, вѣдь, становится возможнымъ только при воспроизводствѣ капитала и его накопленіи. Но гдѣ доказательства, что это воспроизводство *невозможно* внѣ капиталистическаго строя? Вѣдь раньше капи-

*) Ю. Делевскій. Экономическій материализмъ и исторія науки. Пгр. 1907 Изд. „Трудъ и Борьба“.

галисты получали опредѣленные свободныя средства отъ *развитія производства* и только отъ него; но, вѣдь, при общественномъ производствѣ *самъ процессъ производства продолжается попрежнему*. Достаточно обществу наложить 5—10% на выпускаемый продуктъ, кромѣ всѣхъ издержекъ производства, чтобы процессъ накопленія продолжался непрерывно создавая новыя свободныя средства.

Однако, наша отсталая промышленность питалась свободными капиталами изъ за границы. Будутъ ли теперь притекать эти капиталы? Мы не видимъ никакихъ основаній, почему бы эти капиталы не притекали въ Россію „переходнаго періода“ въ видѣ *облигаціонныхъ* государственныхъ займовъ. Ибо для кредиторахъ безразлично, кто является его должникомъ: лишь бы онъ уплачивалъ ему проценты. А страна съ большими естественными богатствами конечно можетъ легко уплачивать проценты. Но кромѣ этого мы видимъ что есть вообще нѣсколько *возможностей* въ ближайшемъ будущемъ: и одна изъ вѣроятныхъ возможностей—это *крушеніе* капитализма въ передовыхъ странахъ. Тогда всѣ эти вопросы приобрѣтаютъ совершенно новую постановку. А если на Западѣ социализма не будетъ въ ближайшее время достигнуто? Тогда намъ, конечно, придется занимать капиталы и *во онѣ* находиться еще въ рамкахъ капиталистическихъ отношеній, приводя (въ видѣ опредѣленнаго *процесса*) коллективизацію средствъ производства внутри Россіи.

Но рабочіе не подготовлены къ овладѣнію процессомъ производства... Ну, а развѣ они были болѣе „подготовлены“ къ этому во время движенія 1848 года и во время коммуны? Конечно, на пути обобществленія производства имѣется много трудностей; но смѣшно *изъ этого* дѣлать препятствія для обобществленія производства. Вѣдь теперь почти весь техническій персоналъ на фабрикахъ, заводахъ, въ банкахъ служитъ акціонернымъ обществамъ—безличнымъ организаціямъ; почему же онъ не можетъ служить трудящимся массамъ? А если *ду намъ* нѣтъ достаточнаго количества своего подготовленнаго персонала, то почему намъ не пригласить его изъ за границы? Ибо теперь за границей *перепроизводство* интелленгенціи, которое породило капитализмъ. Вѣдь *во* вопросъ состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы *управлять* самимъ процессомъ производства; вопросъ идетъ о томъ, что трудящаяся масса должна *овладѣть* индустріей, *господствовать* и надъ самими средствами производства и, особенно, надъ распределеніемъ цѣнностей получаемыхъ въ *процессѣ* производства.

Поэтому то возраженія противъ коллективизаціи производства въ Россіи просто смѣшны. Но они не только смѣшны; они и вредны, насколько вселяютъ въ рабочихъ неувѣренность въ своихъ силахъ, насколько создаютъ фетишизмъ организационныхъ свойствъ капитализма. Въ самомъ дѣлѣ, раньше организаторъ, управитель, надсмотрщикъ, администраторъ былъ отдѣленъ отъ непосредственнаго исполнителя. Теперь управление и исполненіе сливается вмѣстѣ. И мы теперь присутствуемъ при началѣ этого грандіознаго процесса, освобождающаго его отъ авторитарныхъ формъ, и создающаго возможности огромнаго развитія производительныхъ силъ страны въ будущемъ.

Но это еще не все. Россія имѣетъ необычайно благоприятныя условия для проведенія обобществленія производства. Буржуазія у насъ необычайно слаба, пролетаріатъ относительно очень силенъ, крестьянство въ своемъ большинствѣ идетъ не съ буржуазіей а съ пролетаріатомъ. Война создала *субъективныя* условия для уничтоженія господства буржуазіи, вызвавъ небывалое озлобленіе противъ буржуазіи, какъ виновницы войны.

Но и *объективно* вся исторія развитія нашего капитализма подготавливала его къ огосударствленію. Зависимость отъ государства въ видѣ казенныхъ заказовъ; невѣроятныя таможенные пошлины; финансовая зависимость отъ казны, худосочіе самого капитализма при огромной, сравнительно, концентрации производства—все это не дѣлало особенныхъ трудностей въ его обобществленіи. И то, что наипросто капитализмъ неоднократно копировалъ то, до чего достигли передовыя страны Запада, *перескакивая* черезъ „естественныя ступени“ своего развитія показываетъ, что не только „неизбѣжный экономическій“ процессъ, но и сознательная человѣческая воля *можетъ вліять у насъ на замѣну низшихъ формъ хозяйства высшими*. Вспомнимъ развитие синдикатовъ, появившееся *одновременно съ развитіемъ ихъ въ Западной Европѣ*.

Такимъ образомъ и объективно и субъективно обобществленіе производства не встрѣчаетъ непреодолимыхъ препятствій къ своему проведенію въ жизнь¹⁾. Но что дадутъ намъ „критики лѣваго социализма“? Они возвращаютъ насъ къ давнопрошедшимъ временамъ свободной конкуренціи, частной инициативы и свободной торговли—къ тому, что *фактически уже* сдано въ архивъ исторіей. И что они дадутъ трудящимся массамъ, *если тѣ пойдутъ за ними*? Они возстановятъ „частную предприимчивость и инициативу“. Но развѣ архи-буржуазныя правительства, наоборотъ, не ограничивали во время войны эту безудержную грабительскую инициативу въ общественныхъ интересахъ? Развѣ *буржуазныя* правительства не принимались за регулированіе производства, что само по себѣ доказываетъ, что это регулированіе *совершеннѣе*, чѣмъ самая совершенная частная инициатива? Вводить регулированіе—это значить примѣнять паллятивы, которыя умиляютъ буржуа, но не уничтожаютъ господства предпринимателей. Или, быть можетъ, при возвращеніи назадъ буржуазія найдетъ гдѣ-нибудь капиталы, на которыя она построитъ производство? Но что дастъ рабочимъ массамъ это новое увеличеніе производства, даже если бы оно было возможно? Ничего, увеличеніе прибавочной стоимости, рискъ эксплуатаціи—и *только*. Вѣдь капиталистъ долженъ работать только для прибыли, которая немыслима безъ обирательства рабочаго, и вѣдь капиталовъ, кромѣ тѣхъ, которые у нея берутъ трудящіяся, у буржуазіи нѣтъ. И *было бы* безполезной задачей ихъ выискать. Значитъ вмѣсто равенства въ нищету получится *неравенство... въ той же нищетѣ*.

¹⁾ См. мою работу „Переходный періодъ“. (Между капитализмомъ и социализмомъ)“ Изд. „Революціоннаго Соціализма“ Пгр. 1918 г.

Одни теперь, „ограбленные рабочими“, будут иметь больше и нищеты чувствовать не будут, а широкие народные массы почувствуют эту нищету вплотную.

Производства продуктов капитализм, как таковой, *не увеличит*, транспорта *не улучшит*, потребления *не удовлетворит*, новых капиталов *не создаст*. Все это чистейшая и вреднейшая утопия.

Ведь по существу вся „нищета“ данного момента происходит исключительно в результате войны. Ликвидация последствий войны поднимет во много раз производительность народного труда, причем сам капитализм, как форма хозяйства, *здесь совершенно непричем*. И это нужно помнить тем, которые теперь критикуют „социалистические мѣры“. Они ничего лучшего не придумают. Ибо наилучший выход из положения, созданного войной, это все-таки *обобществление производства* и в смысле увеличения производительности народного труда, и в смысле справедливого распределения богатств. Ведь теперь, при переходных мѣрах, у буржуазии отнимается только право на эксплуатацию народного труда. Но разве когда нибудь расширение права эксплуатации увеличивало реально количество богатств в странах?

Разве первобытный рабский труд не был замѣнен крѣпостным трудом *съ меньшей эксплуатацией* трудящихся? Разве крѣпостной труд *съ усиленной эксплуатацией* не должен был замѣниться „свободным трудом“ рабочего? Разве прогресс техники использован капиталистическим режимом в полной мѣрѣ, и ее нельзя значительно улучшить, сэкономив живой труд? И разве теперь есть основание из факта *уменьшения эксплуатации* дѣлать вывод о неизбежном (?) уменьшении производительности народного труда?

Скорѣе наоборот. Ибо организованное общественное хозяйство гораздо экономнѣе, гораздо лучше сохраняет труд и позволяет утилизировать рабочие силы, чѣм распыленное, не использовавшее весть последних завоеваний техники, не знающее рынка анархическое хозяйство. И жестоко заблуждаются те, которые полагают, что у нас еще не кончилась эпоха „первоначального накопления“ и что нужно предоставлять частному капиталу грабительскую „инициативу“. Эта эпоха давно и безвозвратно миновала, и на ней теперь нельзя строить своих в существѣ реакционных утопий.

Но если таковы задачи, стоящи перед нашей революцией, то необходимо все-таки осуществлять опредѣленные мѣры обобществления и приближенія къ социализму въ известной послѣдовательности. Ибо ошибается тотъ, кто думаетъ, что обобществление производства — это мгновенная мѣра: *нѣтъ, это процессъ, продолжительности котораго мы еще не знаемъ*. Социализм осуществляется *ступенчатымъ способомъ*, и отъ цѣлаго ряда фактовъ (а прежде всего отъ плана его организации, который еще не выработанъ) зависитъ ускореніе или замедленіе темпа обобществления. Но мы знаемъ твердо одно: что мы *вступаемъ въ эпоху осуществления социализма, въ эпоху великой социализации, и отъ нашей эмерсии, выносливости, знаній зависитъ ускореніе наступле-*

ня социализма. Мы делаем великое мировое дело освобождения человечества от ига эксплуатации и частной собственности. И это нам твердо нужно помнить, когда вольные и невольные пособники буржуазии будут стараться втолкнуть нас, как это было в эпоху великих переворотов, в старое, привычное русло буржуазной революции.

В. Трутовский.

Организаціонное строительство рабочихъ въ первый годъ Россійской Революціи.

Рабочая жизнь.

I.

„Рабочая жизнь въ первый годъ Великой Россійской революціи“: можетъ-ли быть тема сложнѣ этой? И есть-ли возможность дать въ настоящій моментъ обзоръ этой жизни, которая, въ сущности является если не всѣмъ содержаніемъ нашей революціи, то большей частью ея?

Наша революція, являющаяся Великой и для зарубежныхъ народовъ, есть не что иное, какъ та-же рабочая жизнь. И потому мы совершенно не задаемся въ данный моментъ мыслью представить обзоръ ея на протяженіи протекшихъ 12-ти мѣсяцевъ, что въ сущности было-бы равносильно писанію исторіи „Перваго года Россійской Республики“. Нѣтъ, для этого еще не приспѣло время. Еще не опредѣлилась выростающая передъ нами картина революціи даже въ своихъ отдѣльныхъ чертахъ. И если мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что „вода во облацѣхъ“ не темна, то совершенно нельзя сказать, чтобы объективно, за истекшіе двѣнадцать мѣсяцевъ, для всѣхъ стало ясно, что именно день грядущій намъ готовить...

Итакъ, мы не пишемъ исторію рабочаго движенія за 1917 годъ. Задача наша—дать краткій обзоръ организаціоннаго строительства рабочаго класса за этотъ періодъ, преобладающихъ и боровшихся въ немъ тенденціи, и выявленіе, какъ уже добытыхъ имъ, завоеваній, воплотить которыя предстоитъ въ будущемъ.

Петербургскія баррикады въ іюль 1914 г. были послѣднимъ аккордомъ симфоніи борьбы съ царизмомъ рабочаго класса Россіи до февральской революціи. Далѣе, послѣ подавленія этой внешки возстанія, царское правительство удостовѣрилось въ серьезности революціонныхъ перспективъ. Наученное горькимъ опытомъ 1905 года, познавшее что такое революція—царское правительство заметалось въ поискахъ громоотвода, могущаго отвлечь вниманіе широкихъ народныхъ массъ отъ внутреннихъ неурядицъ. Громоотводъ былъ найденъ—

на Балканах нарастали события. И с легким сердцем правительство Николая Второго „вышло на поле брани“, бросив народы России в братоубийственную бойню, в лихорадочной боязни роста революционного движения.

Будущие историки определять в какой степени наш капитализм толкал Россию на путь империалистический. Но уже теперь ясно, что в войну Россия была вытолкнута главным образом, царизмом, до смерти боявшимся революции.

И он не ошибся. Империалистической войной рабочий класс России был отвлечен в сторону от классовой революционной борьбы, и обезкровлен морально и физически до такой степени, что не скоро смог оправиться. На протяжении слишком 30 месяцев войны он сначала изживал свои предрассудки и ошибки, а затем собирал силы, пытаясь возстановить свои печатные органы и организации. От участия в военно-промышленных Комитетах, Кооперативах и профессиональных союзах, он перешел к нелегальной, подпольной, социалистической пропаганде. Все это вместе взятое и создало благодарную почву, на которой выросла февральская революция 1917 года.

Ясно, что без этой кропотливо-муравьиной, но по существу титанической работы, невидимой для поверхностного наблюдателя общественной жизни, была бы невозможна февральская революция, а главное, ее головокружительный, почти безкровный повсеместный успех. Напрасно объяснять это обще-национальным подъемом и таким-же характером ее. Для каждого социалиста теперь очевидно и бесспорно, что во главе февральского движения шел рабочий класс, крепко спаянный внутри своей классовой дисциплиной. Это-то, последнее и сыграло решающую роль в определении (не словесном, а действительном) характера революции 1917 года. Тот факт, что во главе революции с самого февраля шли пролетариат и крестьянство, перешедшее в струю шинели, сделало ее социальной. Это положило глубокую борозду на все организационное строительство рабочих в первый год революции.

Чрезвычайно интересно отметить, что объективные и беспристрастные ученые правильно поняли характер нашей революции с первых дней ее. Читатель не посетует, если мы приведем ему несколько выдержек из статьи одного ученого, написанной сразу после переворота.

„Совершилось величайшее историческое событие, не только русского, но и всемирно исторического значения: царская власть... пала в России. Отныне русский народ является полновластным властелином своей судьбы: что он хочет, то и будет, ибо отныне нет никого, кто был бы выше народа.

„Чего же хочет русский народ? Об этом нам скажет Учредительное Собрание, которое должно решить не только вопрос о форме правления России и выработать весь уклад нашего нового государственного устройства, но и установить основы нового экономического порядка.

„Но что бы ни сказала Учредительное Собрание, одно ясно, русский народ не откажется от завоеванной имъ свободы и своей самодержавной власти. Навсегда прошло то время, когда русский народъ былъ въ рабствѣ“.

Какъ видите, онъ допускалъ, что Учредительное Собрание можетъ и не отвѣтить на запросы народныхъ массъ. Это еще болѣе ясно въ посылкующихъ словъ.

Разбирался въ причинахъ русской революціи и сравнивая ее съ революціей турецкой, свергнувшей Абдуль-Гамида, этотъ ученый указываетъ, что въ отличие отъ послѣдней „гвардейскіе полки, которые 27 февраля опрокинули русский тронъ, пришли безъ своихъ офицеровъ, или, если и съ офицерами, то лишь съ небольшою частью ихъ. Во главѣ этихъ полковъ стояли не генералы, а толпы рабочихъ, которые начали возстаніе и увлекли за собою солдатъ“.

Вотъ здѣсь мы и нащупываемъ отличительную черту русской революціи; турецкая революція была всецѣло политической, *русская— была или, вѣрнѣе, будетъ социальной*.

Въ этомъ и заключается глубокий всемірно-историческій смыслъ русской революціи, который нужно опредѣленно признать и понять. Въ Россіи произошла великая социальная революція, которая находится лишь въ первыхъ фазисахъ своего развитія.

И далѣе:

„...не армія, а рабочіе начали возстаніе. Не генералы, а солдаты пошли въ Госуд. Думѣ. Солдаты же поддержали рабочихъ не потому, что они послушно выполняли приказанія своихъ офицеровъ, а потому, что они сознали себя народомъ—не въ томъ смыслѣ, чтобы они почувствовали себя такими-же русскими людьми, какъ и офицеры, а въ томъ смыслѣ, что они почувствовали свою кровную связь съ рабочими, какъ съ классомъ такихъ-же трудящихся людей, какъ и они сами“.

„Таково социальное происхожденіе русской революціи, и въ этомъ ея характерная черта. Вотъ почему у насъ сразу возникло двѣ власти:— Временное Правительство, выбранное Гос. Думой, и Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ“.

„Солдатскіе депутаты въ этомъ Совѣтѣ, въ сущности—не что иное, какъ крестьянскіе депутаты. Крестьяне и рабочіе—вотъ два социальныхъ класса, которые сдѣлали русскую революцію“.

„И то обстоятельство, что произведя революцію, солдаты и рабочіе не передали власти въ руки Временнаго Правительства, но сохранили ее въ своихъ рукахъ, съ полной очевидностью указываетъ, что цѣль революціи въ глазахъ ея творцовъ еще далеко не достигнута. Въ глазахъ трудящихся классовъ революція еще только начинается.“

Какъ вы думаете,—кому принадлежали эти слова, написанныя въ мартѣ 1917 года?

Ленину? Зиновьеву? Каменеву?

Увы, даже не В. М. Чернову, занимавшему въ то время нѣсколько милощивую, „лѣвѣе“ меньшевиковъ позицію въ отношеніи опредѣленій характера нашей революціи.

Слова эти принадлежат ученому, которого даже такие социалсты, как И. Г. Церетелли и Ф. И. Данъ, называли буржуазнымъ социалстомъ. А именно—старому профессору политической экономіи... Туганъ-Барановскому (см. журн. „Вѣстникъ Кооперации“, 1917 г., февраль-мартъ).

Вмѣстѣ съ революціей, въ Петроградѣ и по всей Россіи возродились непартійныя революціонныя рабочія организаціи,—Совѣты Рабочихъ Депутатовъ, которые впервые образовались во время революціи 1905 года. Тогда они возникли по инициативѣ группы с.-д. меньшевиковъ—„пскровцевъ“, въ октябрѣ 1905 года, и просуществовали недолго. Совсѣмъ новую роль уготовила Совѣтамъ Рабочихъ Депутатовъ будущія революціи.

На протяжении истекшихъ 12-ти мѣсяцевъ *Совѣты Рабочихъ Депутатовъ* были двигателями нашей революціи въ сторону интернациональнаго социализма. Слившись сначала съ совѣтами солдатскихъ, а затѣмъ крестьянскихъ депутатовъ, рабочія секціи совѣтовъ все время стояли на стражѣ международнаго революціоннаго социализма,—въ то время какъ солдатскія и крестьянскія секціи и совѣты пережили полосу увлеченія социаль-оборонительными идеями. Оборонческія идеологи меньше всего оказали влияние на рабочую массу, и ихъ депутаты въ Совѣтахъ на протяжении всей февральской революціи вели съ оборонцами упорную борьбу, закончившуюся въ сентябрѣ и первой половинѣ октября полной побѣдой интернационалистовъ (разумѣю большевиковъ и лѣвыхъ социалистовъ-революционеровъ).

Какъ извѣстно, Совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ были главнымъ образомъ, политическими органами революціонной страны. „Полномочные органы революціонной демократіи“,—такъ ихъ и именовали представители всѣхъ партій отъ анархистовъ до народныхъ социалистовъ включительно. Теперь оборонцы (меньшевики и правые эсеры) отрицаютъ за ними права законодательныхъ органовъ. Не то было тогда, когда въ Совѣтахъ господствовали они. Постановленіе одного Петроградскаго Совѣта были закономъ для всей страны. Вспомните хотя-бы событія 21 апрѣля, когда послѣ недовѣрія, выраженнаго ими политикѣ Милюкова, произошелъ первый кризисъ революціоннаго министерства, закончившійся посылкой на министерскіе посты делегатовъ Совѣта—И. Г. Церетелли, М. И. Скобелева, В. М. Чернова и А. В. Пъшехонова.

Ясно, что такъ дѣйствовать могли только трудовые парламенты, какими отчасти и являлись Совѣты съ первыхъ дней своего существованія.

Однако нужно отмѣтить, что Совѣты были по началу и экономическими органами пролетаріата. Они руководили стачками, устраивали примирительныя камеры и третейскіе суды, помогали организаціи профессиональныхъ союзовъ, работу которыхъ выполняли ихъ „Отдѣлы Труда“. Эта замѣна профессиональныхъ союзовъ Совѣтамъ, вызванная совершенно особенными условіями развитія русской революціи, имѣла даже иногда своимъ послѣдствіемъ то, что нѣкоторые

Совѣты начали разсматривать профессиональные союзы, какъ подчиненные имъ органы, вмѣшиваясь въ область профессиональнаго движенія. Однако съ развитіемъ профессиональнаго движенія, послѣднее, въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ стало не только независимымъ отъ Совѣтовъ, но и стало сплошь и рядомъ въ непримиримой оппозиціи къ нимъ. Такъ именно было въ Петроградѣ во время перваго всероссійскаго съѣзда Совѣтовъ, когда Петроградскій Совѣтъ профессиональныхъ союзовъ далъ свою подлинъ подъ призывомъ на демонстрацію центральнаго комитета партіи большевиковъ подъ лозунгомъ „Вся власть Совѣтамъ“.

Совѣты Рабочихъ Депутатовъ за все время революціи оказались чрезвычайно жизнеспособными и боевыми органами. Въ моментъ, когда революціи угрожала смертельная опасность, они грудью становились на ея защиту. Такъ было въ августѣ, когда Корниловскія войска подошли къ Петрограду. Петроградскій С. Р. и С. Д. въ мгновеніе ока организовали защиту его. Рабочіе съ фабрикъ и заводовъ по призыву пришли на добровольное рытье окоповъ подъ столицей. Эти дни были трогательными днями единенія всѣхъ Совѣтскихъ партій. Вотъ когда создался единый революціонный фронтъ отъ и.-с.-овъ до большевиковъ и анархистовъ включительно. За все время революціи послѣ февраля не было подобныхъ дней. И величайшее преступленіе тогдашнихъ вождей большинства Ц. И. К. Совѣтовъ состоитъ въ томъ, что они отказались отъ созданія однородной революціонной власти. Послѣ явной взмѣны кадетской буржуазіи, симпатіи которой уже тогда были всецѣло на сторонѣ Корнилова, они предпочли вновь пойти съ нею на коалицію, на безчестную коалицію, зная заранѣе, что въ правительствѣ сидятъ злѣйшіе враги революціи.

Послѣ октябрьскихъ дней часто упрекали большевиковъ, что они совершили преступленіе, отказавшись отъ „единаго“ революціоннаго фронта изъ всѣхъ социалистическихъ партій—отъ и.-с.-овъ до большевиковъ—какъ это было принято говорить въ октябрѣ и ноябрѣ. Нужно сказать, что, собственно, „единаго“ фронта ни разу фактически не было послѣ 25 октября. Жизнь его не создала. А наоборотъ, всячески разрушала, бросая на одну сторону баррикады и траншеи гражданской войны большевиковъ и лѣвыхъ с.-р., а на другую— всю остальную часть „единаго“ фронта. Такой фронтъ, очевидно, не складывается словами, хотя бы и очень доброжелательными. И потому историческаго грѣха за это нѣтъ на большевикахъ, какъ нѣтъ и на лѣвыхъ соц.-рев. Разрушать несозданное— не преступленіе. Но нѣтъ прощенія тѣмъ партіямъ и вождямъ, которые разорвали созданный самой суровой революціонной дѣйствительностью по истинѣ единый фронтъ, и именно тотъ, о которомъ они сами мечтали всего два мѣсяца спустя: отъ и.-с.-овъ до большевиковъ включительно.

Такой фронтъ былъ въ дни корниловщины.

Этотъ грѣхъ, это преступленіе никогда не простятъ исторія меньшевикамъ и соц.-рев. Ибо съ этого момента началась гражданская война внутри демократіи.

* * *

Какую роль сыграли Совѣты Рабочихъ Депутатовъ въ октябрьскую фазу революціи, въ настоящее время трудно опредѣлять даже съ приблизительной точностью. Ясно только, что главную роль въ этомъ періодѣ сыграли Солдатскіе Совѣты, которые вооруженной рукой взяли власть въ свои руки. Тотъ фактъ, что въ процессѣ перехода власти къ Совѣтамъ решающую роль сыграли силы не рабочего класса, а деклассированныхъ солдатскихъ массъ, положилъ своеобразный отпечатокъ на политику Совѣтовъ, главнымъ образомъ внѣшнюю. Усталость солдатской массы отъ войны, истинный протестъ противъ солдатчины вообще создалъ благоприятную почву для идеологовъ „передышекъ“, „временныхъ“ капитуляцій революціи и прочихъ жалкихъ фразъ, соглашателей новой формации, какими по существу являются Ленинъ и его единомышленники, ратифицировавшие позорнѣйшій въ исторіи революціоннаго движенія актъ. Благодаря деклассированнымъ солдатскимъ Совѣтамъ, Совѣты Рабочихъ Депутатовъ не могли опредѣленно повести собственную политику и, какъ въ дни господства Керенскаго и Церетели, политика внутренняя и внѣшняя русской революціи опредѣлялась не рабочими Совѣтами, такъ и теперь они пошлелись въ хвостъ нервыхъ. И уже теперь ясно, что за капитуляціей Совѣтской Россіи въ международномъ движеніи послѣдуетъ капитуляція внутри. Величайшія завоеванія октябрьскаго переворота, какими являются рабочій контроль и социализация земли, станутъ подъ вопросъ, когда фактически мирный договоръ Россіи съ империалистами центральныхъ державъ войдетъ въ силу и начнетъ приводиться въ исполненіе.

Совѣтамъ Рабочихъ Депутатовъ предстоитъ изжить обаяніе новыхъ соглашателей, теперь уже не съ англо-французской, а съ германской буржуазіей. Это будетъ нелегко сдѣлать пролетариату, ибо процессъ изживанія обаянія авторитетовъ революціи и вождей, — довольно медленный и, главное, болѣзненный, настолько болѣзненный, что мы не увѣрены въ благополучномъ исходѣ его...

Мы видѣли, съ какими муками Крестьянскіе Совѣты сбросили съ себя обаяніе соглашателей Керенскаго и Чернова. Эту горькую чашу теперь предстоитъ испить Рабочимъ Совѣтамъ.

Совѣты Рабочихъ Депутатовъ еще не сыграли свою роль. Они вызвали подражаніе себѣ всюду въ Европѣ, гдѣ начиналось революціонное движеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что за ними великое будущее. А прошлое ихъ въ Россіи ждетъ еще своего историка.

II.

Революція выдвинула еще другую форму рабочихъ организацій, на долю которой выпала честь провести въ жизнь одинъ изъ пунктовъ рабочей программы минимумъ партіи социалистовъ-революционеровъ, а именно пунктъ „о прогрессивно расширяющемся участіи рабочихъ въ производствѣ“.

Мы имѣемъ въ виду фабрично-заводскіе комитеты.

Фабрично-заводскіе комитеты рабочихъ и служащихъ почти во всѣхъ промышленныхъ предприятияхъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ начали свою жизнь съ первыхъ же дней февральской революціи 1917 года. Въ началѣ дѣятельность ихъ протекала отъединенно другъ отъ друга, въ узкихъ стѣнахъ каждаго завода, и потому она оставалась недостаточно извѣстной не только широкой публикѣ, всегда поверхностно интересующейся вопросами организаціи рабочихъ, но и тѣхъ слоевъ ея, которые издавна стремились къ работѣ рука объ руку съ трудящимся классомъ. И даже работающіе въ профессиональныхъ союзахъ, больничныхъ и страховыхъ кассахъ очень долгое время не имѣли вѣрнаго представленія о сущности этихъ фабрично-заводскихъ комитетовъ, а главное, о тѣхъ надеждахъ, какія возлагались и до сихъ поръ возлагаются рабочими на эту совершенно новую форму организаціи въ исторіи движенія рабочаго класса Россіи.

Что-же представляютъ изъ себя эти комитеты, и какъ они возникли?

Это—дѣти русской революціи, кровь отъ крови и плоть отъ плоти ея. Въ февральскіе и мартовскіе дни население рабочихъ районовъ покинуло фабрики, заводы и вышло на улицы съ тѣмъ, чтобы навсегда покончить съ излишнимъ самого себя царизмомъ. Фабрики и заводы приостановились. Потомъ, недѣлю—другую спустя, когда были положены первые камни революціонныхъ политическихъ организацій, рабочія массы вернулись на заводы. Пришли и увидѣли, что многие изъ предприятий оказались брошенными на произволъ судьбы. Администраторы—генералы, инженеры, техники, мастера, имѣвшіе основаніе бояться, что рабочіе теперь соответственно расправятся съ ними за содѣянное ими въ прошломъ, разбѣжались. А въ прошломъ немало было на совѣсти у многихъ руководителей работъ на заводахъ—пачиная отъ хамскаго обращенія съ рабочимъ, дониманія его штрафами и кончая предательствомъ „неблагонадежныхъ“ въ политическомъ отношеніи въ руки охранки или сдачей ихъ въ солдаты и т. д. Словомъ, многие администраторы не безъ основанія боялись за свою участь и бѣжали изъ мѣстъ, гдѣ столько лѣтъ такъ сладко жилось.

Пришлось на этихъ заводахъ приступить къ работамъ безъ администраціи.

Но какъ? Вѣдь администрація—соль завода, главный двигатель его.

И тутъ-то вотъ начинается революціонное творчество рабочихъ въ области установленія новыхъ формъ производства.

Рабочіе немедленно избрали изъ своей среды „комитеты“ (въ многихъ мѣстахъ—„совѣты старостъ“), съ помощью которыхъ начала восстанавливаться нормальная жизнь на фабрикахъ и заводахъ. И тамъ, гдѣ прежде стояли администраторы, инженеры, генералы (на казенныхъ заводахъ) теперь работали члены заводскихъ комитетовъ. *Сама жизнь поставила ихъ въ положеніе руководителей многихъ предприятий.*

Широкіе социалистическіе круги общества объ этомъ совершенно не знали, и, можетъ быть, именно потому со страницъ газетъ не послышались опасливыя заявленія объ отвѣтственности, какую берутъ на себя рабочіе, активно вмѣшиваясь въ хозяйственную жизнь заводовъ, перенимая административныхъ навыковъ, при наличии буржуазной власти и—о, ужасъ!—даже при буржуазномъ строѣ.

Живая жизнь оказалась могучѣе многихъ словъ и понятій, созданныхъ до февральско-мартовскихъ дней, съ приходомъ которыхъ они стерлись, потеряли свой смыслъ и опали, какъ осенніе, пожелтѣвшіе листья, лишеныя соковъ.

Даже революція пошла по пути своего закрѣпленія. Сбѣжавшая фабрично-заводская администрація ждала, что вотъ—вотъ кончится это недоразумѣніе, называемое революціей, ибо не можетъ же въ самомъ дѣлѣ оказаться поверженной окончательно во прахъ въ 2—3 дня могучая царская власть, а съ нею и власть ихъ—бюрократія, царскихъ генераловъ и прочихъ владыкъ рабочаго класса. И увы, монархія оказалась разбитой безнадежно, она не возстапавливалась. Вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, присоединилась къ революціи.

И пришлось ее признать.

Далѣе, когда бѣглецы увидѣли, что рабочіе вовсе уже не такъ кровожадны, какъ ихъ себя представляли ранѣе и какими ожидали ихъ увидѣть, они стали возвращаться на заводы. И директора, и инженеры, и мастера—все пришли на мѣста. Часть изъ нихъ, совершенно ничтожную и безнадежно реакціонную, рабочіе не допустили къ работамъ. Остальные были допущены, но тутъ же къ нимъ приставили въ помощники членовъ заводскихъ комитетовъ. *И такимъ образомъ, былъ установленъ фактический контроль надъ всемъ, что дѣлалось на заводѣ.*

Такъ жили и дѣйствовали заводскіе комитеты, рожденные самой революціей. Никакихъ писанныхъ уставовъ у нихъ не имѣлось, и, благодаря этому, въ разныхъ комитетахъ были разные порядки. И вотъ, когда понадобилось имъ дать общее направленіе и директивы, въ первомъ революціонномъ апрѣлѣ созвана была конференція заводскихъ комитетовъ государственныхъ предприятий Петрограда, тоже прошедшая незамѣченной широкой публичкой и прессой, какъ и вся прочая дѣятельность заводскихъ комитетовъ. На конференціи рабочими были выработаны уставъ заводскихъ комитетовъ (проектъ инструкціи), поразившій однихъ своею дерзостью, а другихъ—предвосхищеніемъ многихъ мыслей, изъ которыхъ только нѣкоторыя были въ маѣ высказаны (но такъ и остались не выполненными) представителями коалиціоннаго министерства.

Вотъ что читаемъ въ §§ 5, 6 и 7 этого устава, сразу-же проведеннаго въ жизнь:

„Все распоряженія, касающіяся внутренняго распорядка завода (какъ-то: нормировка рабочаго времени и заработной платы, пріемъ, увольненіе рабочихъ и служащихъ, отпуска имъ и т. д.), должны исходить изъ общезаводскаго комитета съ удостовѣреніемъ о томъ начальника завода или начальниковъ отдѣловъ.

„Всѣ административныя лица, какъ то: начальникъ завода, начальники отдѣловъ и мастерскихъ, всѣ техническіе классныя чины и всѣ другіе административныя лица поступаютъ на службу съ согласія общезаводскаго комитета, который обязанъ заявлять объ ихъ приемѣ или на общемъ собраніи всего завода, или черезъ комитеты по мастерскимъ. Общезаводскій комитетъ имѣетъ право отвода тѣхъ лицъ изъ администрации, которыя не могутъ гарантировать нормальныхъ отношеній съ рабочими.

„Общезаводскій комитетъ является въ то же время органомъ, контролирующимъ дѣятельность заводскаго управления въ области административной, хозяйственной и технической.

„Въ цѣляхъ осуществленія этого предварительнаго контроля, общезаводскій комитетъ выдѣляетъ изъ своей среды представителей въ административный органъ заводоуправленія, хозяйственный и техническіе комитеты, а также во всѣ отдѣлы завода, причемъ представителямъ общезаводскаго комитета должны быть представлены для ознакомленія всѣ официальные документы заводоуправленія, всѣ смѣты по производству и расходамъ, а также всѣ входящія и исходящія бумаги“...

Изъ приведенныхъ параграфовъ устава можно отчасти видѣть, какое положеніе занимали заводскіе комитеты въ государственныхъ предпріятіяхъ съ самыхъ первыхъ дней революціи.

Не можетъ быть двухъ мнѣній о томъ, что путь этотъ былъ— самый правильный въ тотъ моментъ; къ признанію его цѣлесообразности и насущной необходимости для заводскихъ комитетовъ всѣхъ предпріятій скоро пришли и тѣ, кто боялся отвѣтственности, такъ какъ внимательство рабочаго класса въ буржуазное хозяйство при наличіи буржуазной власти не предусмотрено партійными программами, и тѣ, кто вообще всего боится, и до конца не рѣшились вступить на путь государственнаго контроля, регулированія и организаціи производства во всѣхъ областяхъ нашей промышленности.

Не побоялись вмѣшаться въ хозяйственную жизнь страны заводскіе комитеты. *Они вынуждены были это сдѣлать, ибо иначе заводы уже давно остановились бы, а масса рабочаго люда оказалась бы на мостовой, пополняя и безъ того начинающую расти армию безработныхъ.*

Дѣло въ томъ, что послѣ первыхъ недѣль революціи произошла какая-то странность. То на одномъ, то на другомъ заводѣ не оказывалось каменнаго угля, нефти, керосина, сырья, заказовъ и даже денегъ. А главное, администрація не принимала никакихъ активныхъ шаговъ къ тому, чтобы добыть все необходимое для нормальнаго хода работъ.

По всему было видно, что администрація заводовъ проводитъ италянскую забастовку, которая равносильна саботажу. Рабочіе стояли передъ ежечасной опасностью быть выброшенными на улицу, не доверили администраціи и метались, ища выхода изъ тупика, въ которомъ окончательно была загнана наша промышленность войной. И заводскіе комитеты посылаютъ своихъ представителей во всѣ концы города искать топлива, занимаютъ его на время у заводскихъ комитетовъ другихъ заводовъ, посылаются представители и на желѣзнодорожныя узлы—

гдѣ тошниво задерживается доставкой, на мѣста хранения и добычи угля и нефти—для выясненія причинъ отсутствія его: дѣйствуетъ ли тутъ злая воля промышленниковъ, которые хозяйственной разрухой хотятъ раздавить революцію, или несознательное отношеніе части рабочихъ къ революціонному моменту? Все это заводскіе комитеты пытались выяснить, установить точную связь между тѣмъ и другимъ и многое предупредить. Члены заводскихъ комитетовъ ведутъ переговоры съ представителями власти относительно заказовъ, финансоваго положенія завода и т. д. И въ результатѣ нефть и уголь появлялись, отсылались и заказы, и деньги. Воздерживались и рабочіе отъ неорганизованныхъ выступленій (какъ это было, напримѣръ, лѣтомъ 1917 г. на Путиловскомъ заводѣ).

Такъ дѣйствовали комитеты не только на казенныхъ заводахъ, но и на частныхъ. И если на послѣднихъ контроль рабочихъ осуществлялся гораздо слабѣе, чѣмъ на казенныхъ, то только потому, что они лучше были обеспечены топливомъ, сырьемъ и заказами, чѣмъ частные заводы, гдѣ заводскіе комитеты обременялись работой въ направленіи урегулированія чисто хозяйственныхъ вопросовъ.

Какъ видно, заводскіе комитеты дѣлали отчасти то, что до тѣхъ поръ выполняли профессиональные союзы (выработка тарифовъ), но съ другой стороны, они совершенно вышли изъ рамокъ стараго профессиональнаго движенія и положили начало новой формѣ его.

Но что же изъ того? Бояться, что мы идемъ новымъ путемъ, — совершенно не приходится. Русская революція во многомъ является еще и теперь образцомъ освободительнаго движенія для всей Европы. И развѣ не подтверждается это стремленіемъ рабочаго класса Англии, Германии и Австро-Венгрии создать Совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ?

Все, что въ сплахъ заводскихъ комитетовъ—дѣлалось ими. Но будетъ идеализаціей, если мы представимъ, что на всѣхъ заводахъ работы этихъ комитетовъ протекали гладко, плодотворно и организованно. Дѣло въ томъ, что контроль, осуществляемый заводскими рабочими организаціями въ большинствѣ чрезвычайно простъ и примитивенъ. Ибо не было, да и до сихъ поръ нѣтъ соответствующихъ техническихъ и коммерческихъ знаній у рабочихъ, чтобы можно было дѣйствительно контролировать промышленное предпріятіе. И пока рабочія организаціи не создали контрольнаго аппарата, который совместно съ государственной властью возьметъ подъ контроль производство и распредѣленіе—до тѣхъ поръ заводскіе комитеты ограничатся охраной даннаго предпріятія, предохраняя орудія производства отъ распродажи по частямъ, злостной порчи и т. п. явленій. Вѣдь не секретъ, что уничтоженіе хозяйственной разрухи не только не въ интересахъ нашихъ отечественныхъ капиталистовъ, а даже противоположно имъ. Уничтожить хозяйственную разруху значитъ укрѣпить молодой растущій организмъ нашей революціи—которая неизвѣстно чѣмъ можетъ завершиться для капиталистовъ. Въ лучшемъ для нихъ случаѣ развивающаяся революція лишитъ ихъ только части благъ. А въ худшемъ? Кто поручится, что она изъ русской не станетъ міровой, интернаціональной? И развѣ буржуазія враждующихъ теперь между собою государствъ не попытается тогда создать

черный интернационал капиталистов во имя саботажа революции во всех странах, создать такие условия жизни пролетарям, чтобы они, умирая от голода и захлебываясь в потоках собственной крови, забыли и думать о переустройстве жизни человеческого общества на действительных, а не мнимых началах свободы, справедливости и братства, к которым уже столько лет стремится пролетариат всего мира? И только безнадежно наивные люди могут думать, что наши промышленники окажутся, наконец, благородными и безкорыстно, из любви к России и человечеству, ради восторженных глаз революции поддержать ее. Все прошлое этих людей, всегда и всюду иسوветующих заповедь „в кармань порови“—говорить за то, что надежды наивных людей ни на чем, кроме прекрасодушия, не основаны. С этим надо покончить раз навсегда, поняв, что только сила и власть революционного народа и революционной государственной власти могут спасти страну от хозяйственной разрухи и что только в принудительном порядке можно контролировать, регулировать и организовывать производство.

Так родилась идея „рабочего контроля над производством и распределением продуктов“. Сформулирована она была 30-го мая 1917 г. на первой общегородской петроградской конференции Фабрично-Заводских Комитетов. В принятой ею резолюции по борьбе с хозяйственной разрухой говорилось: „Путь к спасению от катастрофы лежат только в установлении действительно *рабочего контроля над производством и распределением продуктов*. Для такого контроля необходимо: во первых, чтобы во всех центральных учреждениях, выдающих этим делом, было обеспечено большинство за рабочими организациями, профессиональными союзами, Сов. Раб. Депут. и центром заводских комитетов, не менее $\frac{2}{3}$ всех голосов, при обязательном привлечении к участию, как не отошедших от дела предпринимателей, так и технически-научно образованного персонала; во вторых, чтобы фабричные и заводские комитеты, а равно и профессиональные союзы получили право участвовать в контроле над каждым предприятием, с открытием для них всех торговых и банковых книг, и с обязательством сообщать им все данные“.

Мы, социалисты-революционеры, в своей программь-минимумь всегда выдвигали пункт „о прогрессивно расширяющемся участии рабочих в производствѣ“—в сущности тот-же рабочий контроль. Состояние народного хозяйства подвело рабочий класс к выполнению этого пункта, т. е. иных средств борьбы с разрухой не оказалось. Вызванный насущной необходимостью с течением времени „рабочий контроль“ утвердился в умах, как *право* рабочего участвовать в производствѣ и иностей не только как мускульная сила, но и как активно-мыслящая личность.

Таким образом наша рабочая программа выдержала грозный экзамен революции. Теперь уже всем ясно, что она была построена на действительно боевом революционно-социалистическом принципе, когда во главу угла ставила классовое сознание и организованность рабочего класса в его борьбе за новые формы общественного хозяй-

ства. Мы оказались правы, создавая нашу рабочую программу, не ставя ее в зависимость от развития капитализма.

„Участіе рабочаго въ производствѣ“, подъ лозунгомъ „рабочій контроль“, было официально утверждено, какъ *право*, лишь въ октябрьскій переворотъ. Лозунгъ этотъ былъ тогда столь-же боевымъ и популярнымъ какъ и лозунгъ „соціализаціи земли“.

Фабрично-заводскіе комитеты въ своемъ развитіи столкнулись съ профессиональными союзами. Въ первое время, когда профессиональное движеніе было еще слабо, к-ты не являлись конкурентами съ ними. Однако въ дальнѣйшемъ это имѣло мѣсто. Намъ извѣстны случаи даже враждебнаго отношенія фабр.-зав. к-товъ къ профессиональнымъ союзамъ (такъ напр. Ф.-З. К. Путиловск. зав. вынесла постановленіе не допускать на свои засѣданія представителей союза металлистовъ). Большая часть такого настроенія въ заводскихъ комитетахъ, старые профессиональные работники (Д. Рязановъ, А. Лозовскій и др.) утверждали, что нѣтъ нужды въ организаціи Центрального Совѣта Фабр.-Завод. К-товъ. Принудивъ эти строки вмѣстѣ съ другими членами первой конференціи (Петроградской—въ мѣс., и Всероссийской—въ октябрѣ) утверждали, что фабрично-заводскіе комитеты можно влить въ новую форму профессиональнаго движенія лишь путемъ созданія вначалѣ отдѣльнаго объединенія ихъ—Центрального Совѣта Фабр.-Завод. К-товъ. Жизнь уже подтвердила послѣднюю точку зрѣнія. Шестая Петроградская Конференція Фабр.-Зав. К. 23 января 1918 г. вынесла по этому вопросу резолюцію, которую мы считаемъ нужнымъ привести цѣликомъ. И. в. она намѣчаетъ вѣхи для коренной реорганизаціи обѣихъ формъ рабочаго движенія—комитетовъ и союзовъ.

Резолюція гласитъ:

„6-ая конференція фабрично-заводскихъ комитетовъ, принимая во вниманіе, что выдвинутыя октябрьской революціей передъ рабочимъ классомъ огромныя задачи регулированія и организаціи народнаго хозяйства требуютъ концентраціи всѣхъ его силъ и тѣснѣйшаго сотрудничества и слиянія въ общемъ дѣлѣ всѣхъ его экономическихъ организацій, находить, что наблюдающіеся сплошь и рядомъ тренія и столкновения между Профессиональными Союзамъ и ихъ объединеніями съ одной стороны и Фабрично-Заводскими Комитетами и ихъ объединеніями съ другой крайне вредятъ и мѣшаютъ этому дѣлу и приводятъ къ полной дезорганизаціи и къ напрасной затратѣ силъ обѣихъ организацій на одну и ту же работу; признавая далѣе практичку и опытъ Профессиональныхъ Союзовъ въ вопросахъ защиты и урегулированія труда, какъ основнаго фактора производства, и Фабрично-Заводскихъ Комитетовъ въ области организаціи и урегулированія производства, конференція считаетъ необходимымъ полное слияніе обѣихъ этихъ организацій въ единую производственную рабочую организацію.

Принимая все вышесказанное во вниманіе, 6-ая конференція Фабрично-Заводскихъ Комитетовъ гор. Петрограда подтверждаетъ принятія на совѣщаніи представителей Петроградскаго Совѣта Профессиональныхъ Союзовъ, Центрального Совѣта Фабрично-Заводскихъ

Комитетовъ и Петроградскаго Союза Металлистовъ нижеслѣдующія положенія:

1) Всѣ рабочіе и служащіе даннаго предприятия образуютъ основу и фундаментъ производственнаго Союза.

2) Исполнительнымъ органомъ производственнаго Союза на мѣстахъ является выборный рабочихъ и служащихъ предприятия Комитетъ.

3) Членами производственнаго Союза могутъ быть всѣ рабочіе и служащіе даннаго предприятия.

Примѣчаніе: Члены Фабрично-Заводской администраціи, если они не выбраны рабочими и Союзомъ, въ составъ производственнаго Союза входить не могутъ.

4) Верховнымъ органомъ производственнаго Союза является конференція делегатовъ Фабрично-Заводскихъ Комитетовъ данной отрасли производства, выбирающая правленіе производственнаго Союза. Правленіе выбираетъ изъ своего состава Исполнительный Комитетъ.

5) Съ реорганизаціей Союзовъ согласно намѣченнымъ принципамъ всѣ функціи, выполняемыя Центральнымъ Совѣтомъ Фабрично-Заводскихъ Комитетовъ передаются соответствующимъ производственнымъ объединениямъ.

6) Всѣ производственные Профессиональные Союзы даннаго города объединяются въ мѣстные Совѣты производственныхъ и Профессиональных Союзовъ.

7) Для скорѣйшаго и безболѣзненнаго созданія единой рабочей организаціи въ данномъ производствѣ, совѣщаніе предлагаетъ слѣдующее: а) существующіе въ отдѣльныхъ предприятияхъ делегатскіе Совѣты Профессиональных Союзовъ сливаются съ Фабрично-Заводскими Комитетами, образуя на мѣстахъ одну общую ячейку производственнаго Союза: б) центръ Фабрично-Заводскихъ Комитетовъ, Совѣтъ Профессиональных Союзовъ вмѣстѣ съ соответствующими Профессиональными Союзами созываетъ конференціи делегатскихъ Совѣтовъ и Фабрично-Заводскихъ Комитетовъ по отраслямъ производства, которыя направляютъ и оформляютъ этотъ процессъ слиянія.

Шестая общегородская конференція Фабрично-Заводскихъ Комитетовъ предлагаетъ всѣмъ Фабрично-Заводскимъ Комитетамъ руководствоваться выше означенными принципами по организаціи единаго производственнаго союза“.

III.

Перейду къ третьей формѣ организаціоннаго строительства рабочаго класса—профессиональному движенію.

По времени профессиональные союзы стали создаваться позже Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ и Фабрично-Заводскихъ Комитетовъ. Но за то они какъ-бы укрѣпляли первичную постройку, объединяя квалифицированный элементъ пролетаріата и направляя его по одному руслу расширенія и углубленія революціи вмѣстѣ со всѣмъ революціоннымъ народомъ, творившимъ ее. Хотя, объективно, надо сказать, что, въ то время, какъ Совѣты Рабочихъ Депутатовъ и Фабрично-За-

водскіе Комитеты играли исключительно активную, выдающуюся роль въ революціонномъ движеніи февральскаго и октябрьскаго періода; профессиональные союзы такой роли совершенно не играли. Первые въ опасные для революціи моменты были тревогу и *творили новос* движеніе массы въ каждый данный періодъ, вторые послѣ совершившагося факта обдумывали происшедшее, осознали его, подчасъ довольно медленно, иногда ненужно доктринировали (какъ, на примѣръ, въ вопросѣ о взаимоотношеніяхъ съ фабр.-зав. Комитетами), но въ общемъ и цѣломъ всегда принимали точку зрѣнія первыхъ двухъ видовъ рабочихъ организацій, главнымъ образомъ Совѣтовъ, хотя и съ фабр.-зав. Комитетами бывали иногда у нихъ довольно таки холодныя отношенія.

И уже указывалъ, что въ началѣ революціи С. Р. Д. былъ одновременно и Совѣтомъ по профессиональнымъ дѣламъ. Понадобилось даже созданіе Отдѣла Труда при С. Р. и С. Д. Однако уже на апрѣльскомъ совѣщаніи Совѣтовъ Р. и С. Д., по докладу его рабочей секціи, было постановлено поручить Отдѣлу Труда Петроградскаго С. Р. и С. Д., совместно съ петроградскими и московскими профессиональными союзами взять на себя инициативу по созыву Третьей Всероссийской Профессиональной Конференціи.

Конференція эта состоялась только 20-го іюля 1917 г. Вопросы, интересовавшие конференцію и обсужденныя на общемъ собраніи, были слѣдующіе: 1) задачи профессиональнаго движенія; 2) строительство профессиональныхъ союзовъ; 3) экономическая борьба во время войны; 4) законъ о коалиціяхъ и 5) о регулированіи промышленности. Остальные вопросы (8-часовой рабочий день, безработица, охрана труда, муниципальная политика и др.) обсуждалась въ секціяхъ.

Большой интересъ представляетъ составъ конференціи.

Согласно даннымъ мандатной комиссіи на конференціи присутствовало около 220 делегатовъ съ рѣшающимъ голосомъ и 27 съ совѣщательнымъ, представлявшихъ 967 союзовъ и 51 Центр. Бюро съ общимъ количествомъ всѣхъ членовъ въ 1.475.429 человекъ, изъ коихъ 1.120.819 объединенныхъ въ Центр. Бюро. По профессіямъ представленныя на конференціи рабочіе распределяются слѣдующимъ образомъ:

Металлистовъ	400.000
Текстильщиковъ	175.560
Рабоч. печати. дѣла	55.291
Работающ. иглой	51.545
Деревообдѣлочниковъ	28.601
Торгово-промышл. служащихъ	45.981

Цифры эти сами по себѣ показываютъ, какое малое мѣсто занимало профессиональное движеніе рабочихъ въ тотъ періодъ революціи. Да это и вполне естественно при наличіи Совѣтовъ и фабрично-заводскихъ комитетовъ, объединившихъ въ себѣ весь фабрично-заводской пролетаріатъ.

Политическое лицо конференции было социал-демократическое, но не революционно-социалистическое. Большинство конференции в общем и целом, сравнительно, мало отличалось от лица первого съезда Советов.

Очень важным шагом вперед, в смысле организационном, нужно признать решение Третьей конференции вступить на путь создания широких массовых профессиональных союзов. Вместо прежних узких, цеховых союзов с этого момента создаются рабочие организации по производствам, и таким образом, в результате подобного переустройства, вместо многих десятков мелких союзов мы будем иметь всего несколько крупных, с количеством членов, насчитывающих сотни тысяч.

К сожалению, благодаря отсутствию мало-мальски удовлетворительной статистики профессионального движения, мы до сих пор не знаем точно, как идет этот процесс реорганизации профессиональных союзов. Одно можно сказать, что он еще находится в первичной стадии своей. Но окончательное завершение процесса может дать сильные, главным образом, в культурном отношении, классовые экономические органы.

Конференция постановила созвать первый всероссийский съезд профессиональных союзов. Октябрьская революция задержала созыв съезда, и он состоялся только в январе 1918 г.

Приведу некоторые цифры из анкеты, произведенной на съезде относительно его состава.

На первом Всероссийском съезде профессиональных союзов присутствовало 416 делегатов с решающими голосами и 75—с совещательными. Из числа 416 делегатов с решающими голосами 38 делегатов явилось от 19 всероссийских объединений, 20 от 20 областных объединений, 68 от 48 местных советов проф. союзов и 289 делег. от 162 союзов.

Интерес к съезду был так значителен, что хотя открытие съезда было назначено на 3 января, делегаты прибывали вплоть до последнего дня, и многие союзы даже из далекой провинции (Сибирь, Туркестан) послали представителей с совещательным голосом.

Всего мелкие союзы делегировали с совещательными голосами около 60 представителей.

Общее количество организованных рабочих, представленных делегатами съезда, таково: 19 всероссийских объединений представляют 2.532.000.

Наиболее крупные объединения:

Металлисты	600.000	рабочих.
Текстильщики	500.000	"
Кожевники	200.000	"
Всеобществ. союзы младш. служащих .	180.000	"
Химики, моряки, речники торг. флота, торгово-пром. служащих	150.000	"

Иглы	125.000 рабочихъ.
Пищевики	120.000 "
Печатники	90.000 "
Другие значительно меньше.	

Изъ областныхъ объединеній лучше всего представленъ Центр. Промышленный районъ—8 объедин. съ 288,000 раб. (металлисты, торгово-пром. служ., стекло-фарфор. раб., сахарн. пром., пшечмажн. и др.). Югъ далъ представительство отъ 4 объединеній съ 217,000 чл. (горнорабочие, стекло-фарфор., печатники и др.). Затѣмъ Поволожье—120,000 член., Сѣверн. Петрогр. обл.—5 объединеній съ 73,000 член. и Сибирь (горнорабоч. Зап. Сибири)—12,000 чл. Всего делегаты областн. объединеній представляютъ 711,000 чл.

Делегаты отъ мѣстныхъ Совѣтовъ профессиональныхъ союзовъ представляли 1,878,000 чл. и опять-таки Московскій Центральныи Промышл. районъ представленъ полнѣе всего. Отсюда явились представители 12 Совѣтовъ объединяющихъ 770,000 членовъ.

Крупнѣйшій Совѣтъ—Московскій объединяетъ 500,000 чл.. Нижегородскій—75,000 чл., Тверской—50,000 чл. и т. д. Сѣверн. Петроградскій районъ имѣетъ на Сѣздѣ делегатовъ отъ 7 Совѣтовъ съ 551,000 чл., (въ томъ числѣ Петроградскій Совѣтъ—450,000 чл., другіе 27,000 и меньше).

Съ Юга явились делегаты отъ 8 Совѣтовъ съ 198,000 чл.; съ Поволожья 8 Совѣтовъ—114,000 чл., съ Кавказа отъ 5 Совѣтовъ—70,000 член., изъ Сибири, Средней Азии и съ Д. Востока—отъ 5 Совѣтовъ съ 53,000 чл.

Къ сожалѣнію, не удалось установить число союзовъ, объединяющихъ въ этихъ Совѣтахъ.

Такимъ образомъ, 162 союза, представленные делегатами отъ союзовъ, объединяютъ 2,638,812 чл. Союзы важнѣйшихъ отраслей промышленности делегировали и наибольшее количество делегатовъ. Такъ союзы металлистовъ послали 75 делегатовъ отъ 46 союзовъ, текстильщики—33 делегата отъ 11 союзовъ, горнорабочие—14 делегатовъ отъ 12 союзовъ. (Вообще районъ добычи угля и сырья—Донецкій бассейнъ, несмотря на гражданскую войну, представленъ былъ полно). Союзы по областямъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: Петроградская область—36 союзовъ—69 делегатовъ отъ 628,000; Центр. пром. область—51 союзъ—111 делегатовъ отъ 1,179,000; Поволожье—17 союзовъ—26 делегатовъ отъ 128,000; Югъ—42 союза—62 делегата отъ 535,000; Уралъ—13 союзовъ—16 дел. отъ 126,110; Кавказъ—2 союза—4 делегата отъ 33,500 чл.; дѣйствующая армія—1 союзъ—1 дел. отъ 7,000 чл.

Партійный составъ сѣзда былъ таковъ: большевиковъ—273, лѣвыхъ с.-р.—21, максималистовъ—6, анархо-синдикалистовъ—6, меньшевиковъ—66, правыхъ с.-р.—10, безпартійныхъ—34.

Первый всероссийскій сѣздъ профессиональныхъ союзовъ, работавшій въ октябрьскій періодъ революціи, былъ неудаченъ и не смогъ надлежащимъ образомъ спланировать работу. Это объясняется тѣмъ, что

онь проходились в сгущенной атмосфере цѣлаго ряда другихъ съѣздовъ. — Учредительное Собрание, Третій всероссійскій съѣздъ Совѣтовъ, Железнодорожный съѣздъ, Крестьянскій и др. Благодаря этому, съѣздъ былъ искусственно укороченъ, и не все намѣченные вопросы порядка дня обсуждены.

Центральное вниманіе съѣзда занялъ вопросъ о задачахъ профессиональнаго движенія въ связи съ текущимъ моментомъ. Крайняя точка зрѣнія, заключающаяся въ томъ, что отнынѣ профессиональные союзы должны стать *государственными органами* пролетарской совѣтской республики, не была принята конференціей. Она признала это несвоевременнымъ, но нашла, что „переходными мѣрами къ этому, а также къ слиянію всѣхъ экономическихъ организацій рабочаго класса является тѣснѣйшее сотрудничество и неразрывная организационная связь профессиональныхъ союзовъ съ пролетарскими политическими организаціями и въ первую очередь съ Совѣтами Р. и С. Д... Съѣздъ выразилъ только увѣренность, что въ результатъ намѣтившагося процесса профессиональные союзы неизбежно превратятся въ хозяйственно-производительные органы социалистическаго государства, участіе въ которыхъ для всѣхъ лицъ, занятыхъ въ данномъ производствѣ, будетъ государственно-обязательнымъ“.

Профессиональное движеніе переживаетъ дни измѣненія своей формы и сущности задачъ, какія ему предстоитъ разрѣшить въ ближайшемъ будущемъ.

Пока-же они, хотя и небоевые революціонные органы, но все-же несомнѣнно, что значеніе ихъ въ переустройствѣ всѣхъ экономическихъ взаимоотношеній въ совѣтской республикѣ—весьма значительно.

В. М. Левинъ.

Октябрьская революція и социальное страхованіе.

Стоявшія по пути освобожденія рабочаго класса препятствія сметены октябрьскою революціей. Аппаратъ принужденія—государственная власть, бывшая орудіемъ угнетенія господствующими классами рабочаго, сдѣлался достояніемъ трудовыхъ массъ. Перспективы широкаго социального строительства открылись передъ рабочимъ классомъ.

Старое умираетъ, нарождается новое, и творцомъ новаго является тотъ, кто голодный и оборванный ковалъ счастье сильнымъ міра сего. И въ творчествѣ новыхъ формъ красной нитью должна проходить одна основная мысль, одна идея, идея труда.

Если мы окинемъ взоромъ историческое прошлое всѣхъ государствъ, начиная отъ монархій и кончая „демократическими республиками“, если мы взглянемъ на ихъ настоящее, то увидимъ что вездѣ и всюду государственная власть въ союзѣ съ господствующими классами ставитъ себѣ одну цѣль—возможно большее закрѣпленіе рабочаго класса, достиженіе возможно лучшихъ условий для эксплуатаціи труда. Тѣ же урѣзанныя социальныя реформы охраны труда, которыя изрѣдка производятся парламентами или верховной властью, есть ни что иное, какъ нѣчто вынужденное подъ вліяніемъ желѣзнаго напора рабочаго класса. Это податки буржуазіи рабочимъ, это попытка погасить пламя священнаго негодованія рабочихъ.

Лучшей иллюстраціей игнорированія интересовъ труда является то обстоятельство, что только съ сравнительно недавняго времени правительства различныхъ государствъ стали заботиться объ учрежденіи специальныхъ органовъ рабочаго законодательства. Но все же до настоящаго времени общественная власть нигдѣ не создала министерства труда (кроме Россіи), которое носило бы единственно это наименованіе. Только въ двухъ государствахъ слово *трудъ* входитъ въ наименованіе министерства (въ Бельгіи министерство промышленности и труда; въ Соединенныхъ Штатахъ министерство торговли и труда). Но ясно, что при господствѣ буржуазіи рабочему классу удавалось только путемъ длительной борьбы отвоевать себѣ кой-какія улучшенія труда, заставить буржуазію дать хотя бы какое-либо куцое рабочее законодательство.

И если бы не эта борьба и вѣчная угроза могуществу капитала со стороны рабочаго, глухи и тѣмы были бы промышленники; даже чувство состраданія и гуманности не тронуло бы ихъ. Не лишены интереса данныя официальнаго сообщенія англійскаго правительства въ 40 годахъ прошлаго столѣтія о положеніи рабочихъ въ коняхъ: „Бываютъ случаи, что въ этихъ коняхъ работаютъ дѣти уже 4 лѣтъ, иногда 5, но обыкновенно работу начинаютъ въ 8—9 лѣтнемъ возрастѣ.

„Условія труда, вынаждающаго на самыхъ маленькихъ дѣтей, таковы, что эти дѣти должны спускаться въ шахту, какъ только начинаются работы, и оставляютъ ее лишь съ прекращеніемъ работъ.

„Проходятъ цѣлыя недѣли, въ теченіе которыхъ за исключеніемъ дней воскресныхъ дѣти не видятъ свѣта.

„Во всѣхъ округахъ, гдѣ въ шахтахъ работаютъ также и женщины, оба пола заняты однимъ и тѣмъ же трудомъ, при томъ одинаково продолжительнымъ для работниковъ и работницъ; мальчики и дѣвочки, подростки и молодыя дѣвушки, даже замужнія и беременныя женщины во время работы почти голы, а мужчины работаютъ во многихъ коняхъ совершенно голыми.

„Обычная продолжительность труда составляетъ для дѣтей и подростковъ рѣдко менѣе одиннадцати, чаще двѣнадцати часовъ, въ нѣкоторыхъ округахъ тринадцать, а въ водномъ округѣ даже четырнадцать часовъ и болѣе.

„Въ такомъ же положеніи находятся малолѣтніе рабочіе и на другихъ англійскихъ фабрикахъ и мануфактурахъ, гдѣ, какъ общее правило, работу дѣти начинали съ 7—8 лѣтъ и работали такъ же долго, какъ взрослые—иногда шестнадцать, даже восемнадцать часовъ сряду“.

Таковы краснорѣчивые факты изъ исторіи рабочаго движенія. Конечно, жизнь далеко ушла впередъ, многое перемѣнилось съ того времени. Почти всѣ государства вынуждены были подъ вліяніемъ желѣзной логики вещей позволить себѣ роскошь обзавестись рабочимъ законодательствомъ. Уже въ цѣломъ рядѣ государствъ мы видимъ, какъ постепенно въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій рабочее законодательство все болѣе и болѣе расширяется, вводятся новые страховые законы, старыя же законы перерабатываются, и кругъ лицъ, подлежащихъ дѣйствию этихъ законовъ, непрерывно увеличивается. Правда, это законодательство очень далеко отъ совершенства и желаетъ быть значительно полнѣе.

Сейчасъ трудно предрѣшить вопросъ о томъ, оборвется ли эволюціонное творчество западно-европейскихъ странъ въ области рабочаго законодательства, или оно непрежнему будетъ идти тихимъ, мирнымъ путемъ взаимныхъ компромиссовъ. Одно только стало яснымъ, что Россія сразу оборвала нить эволюціи и раскрыла новыя страницы своей исторіи.

Какія же перспективы лежатъ передъ рабочимъ классомъ Россіи? Каковы должны быть очередныя заданія рабочаго класса? Можно опредѣленно сказать, что въ числѣ другихъ неотложныхъ социальныхъ мѣропріятій передъ рабочимъ классомъ стоитъ вопросъ о проведеніи полнаго социальнаго страхованія. Рабочій классъ, отдающій свое здоровье, энергію и силу, имѣетъ право требовать себѣ полнаго обезпече-

ня на случай старости, инвалидности, несчастных случаев, болезни и безработицы. Требование полного социального страхования рабочего класса России давно поставил на своем знамени. Упорная борьба последних лет российского пролетариата окончилась проведением нескольких законопроектов по страхованию. Так, законом 2 июня 1903 года ответственность предпринимателей за несчастные случаи с рабочими была распространена на весь фабрично-заводский и горно-заводский пролетариат. Еще раньше, в 1888 году был издан закон об учреждении пенсионных касс для железнодорожников. 1905 год дал сильный толчок реформаторским усилиям царского правительства. Было выработано сразу три законопроекта по социальному страхованию; один касался страхования на случай болезни, другой — несчастных случаев, третий — старости и инвалидности. Правда, из них только 2 законопроекта — страхование болезни и увечий стали законами, да и то в значительно урезанном виде. Они охватили только около 20% всех рабочих России, главным образом фабрично-заводскую промышленность. Рабочие же, занятые в транспорт, прислуга, торгово-промышленный пролетариат, рабочие казенных заводов и железнодорожники были обойдены этими законами.

Буржуазно-коалиционное творчество мало что изменило в страховом законодательстве. За все время своего существования коалиционные социалисты-министры издали всего лишь один закон о страховании рабочих на случай болезни. Новый закон внес лишь небольшие изменения в старый, расширив круг страхуемых. Взносы же по обеспечению от болезни попрежнему в значительной доле были возложены на рабочих. Пособия были низки. Страховые присутствия и страховые советы попрежнему представляли из себя предпринимательские организации, где рабочие были незначительной группой, мало влияющей на страховое законодательство. И теперь, когда власть в стране перешла в руки самих трудящихся, открываются перед рабочим классом перспективы полного социального страхования.

Каков же должен быть руководящий принцип социального страхования?

Каков должен быть основная идея этого института, чтобы связать все многочисленные задачи его в одно стройное целое, пропущенное единой логической нитью?

Этим основным принципом, руководящей идеей всего страхового законодательства должно быть стремление охранить жизненный уровень застрахованного во всех случаях нужды. Пока рабочий имеет работу, возможность существовать и удовлетворять свои потребности обеспечена. Но достаточно по тем или иным причинам потерять эту работу, как начинаются бедствия пролетария. Голодает сам, голодает семья. За материальным падением благополучия следует нравственное падение. Как много ярких картин в истории рабочего движения, иллюстрирующих это! Локауты предпринимателей, грандиозная стачка или безработица, вызванная экономическим кризисом, и на улицы больших городов выбрасываются фабричные двупники. Чтобы не умереть с голоду, они торгуют собой. Проститу-

ция, растеть и никакая общественная буржуазная благотворительность не въ силахъ предотвратить общественное бѣдствіе. Растеть преступность, идетъ вырожденіе рабочаго класса, а съ нимъ культуры и прогресса человѣчества. Вотъ почему надо зло искоренять въ корнѣ, буржуазную филантропію отбросить, какъ негодное средство.

Рабочій классъ при всѣхъ условіяхъ долженъ имѣть право па жизнь. Безработица, инвалидность, увѣчье, болѣзни или старость—не могутъ лишить его жизненнаго уровня, той заработной платы, которая въ нормальное время его труда обеспечила ему его потребности.

Должно быть введено отъ всѣхъ этихъ золъ и несчастій страхованіе, которое бы обезпечивало рабочему его полный заработокъ. Страховые институты, страховыя организации должны получить публично-правовую санкцію, а не быть частными организациями самихъ рабочихъ на основахъ взаимопомощи и пр. Средства для страхованія не должны ни въ коемъ случаѣ вѣдаться съ заработка рабочихъ, т. к. этимъ мы нарушимъ основной принципъ, сохраненіе жизненнаго уровня рабочаго, его полнаго заработка. Вотъ почему все дѣйствовавшее законодательство страхованія въ Россіи и дѣйствующее въ настоящее время въ Западной Европѣ далеки отъ совершенства.

По страховымъ законамъ въ Европѣ средства для страхованія черпались путемъ отчисленія отъ заработка рабочихъ, къ которымъ предприниматель или государство приращивало отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ того, что взято съ рабочаго. Пособія при болѣзни, увѣчьи, старости, инвалидности, безработицѣ выдавались не въ полномъ объемѣ послѣдняго заработка рабочаго, а въ $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$ размѣра заработка. Этимъ все время нарушался основной принципъ страхованія, охраненія полностью жизненнаго уровня. Такъ, вычеты сокращали бюджетъ рабочаго, а неполное пособіе заставляло понизить до крайности и безъ того скудный потребности рабочаго класса. Кромѣ этого, недопустимо сокращеніе жизненнаго уровня тогда, когда сами обстоятельства иногда требуютъ его повышенія. Такъ, при болѣзни, когда необходимо усиленное питаніе, что сопряжено съ увеличенными расходами, или при беремености, когда возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ расходовъ, которыхъ совершенно не предусматриваетъ обыкновенный бюджетъ рабочаго или работницы. Поэтому социальное страхованіе должно не только заботиться о выдачѣ полнаго заработка рабочаго при несчастіи, но еще учесть и возникающее при бѣдствіяхъ, постигающихъ рабочаго, эти новые расходы и ихъ по возможности оплатить.

Чтобы совершенно уничтожить бюрократическо-чиновничій духъ въ страхованіи, необходимо передать управленіе кассами самимъ рабочимъ. Старые законы предусматривали управленіе кассами совмѣстное рабочихъ съ предпринимателями, что часто вело къ урѣзыванію и безъ того урѣзанныхъ правъ рабочихъ. Къ тому же такой способъ совмѣстнаго управленія приводилъ къ тому, что вызывалъ у самихъ рабочихъ недовѣріе къ больничнымъ кассамъ и часто толкалъ рабочихъ на различнаго рода злоупотребленія въ полученіяхъ пособій и пр. И если здѣсь намъ возразить и укажутъ на то, что вѣдъ предприниматели участвуютъ полностью въ расходахъ по страхованію, какъ же

они не будут принимать никакого участия в управлении, то мы ответим, что здесь предприниматели имеют право только платить, а управляться рабочие сумеют сами.

Конечно, нельзя закрывать глаза на то, что проведение полного социального страхования потребует больших расходов. Надо признать открыто, что в настоящий момент, быть может, проведение всего страхового законодательства особенно сопряжено с большими трудностями, в виду того тяжелого экономического и финансового кризиса, который переживает Россия, когда заболеваемость повысилась до невероятных размеров, вследствие дурного питания, когда безработица широкой волной прокатилась по всей России. Момент острый, момент ликвидации военного хозяйства и перехода к мирному производству. К этому еще присоединяется целый ряд других причин, уже связанных с особенностями нашей страны, как экономически отсталой, с слабо развитой промышленностью.

В то время, как сильно развитый капитализм отличается глубиной, а в силу этого экономический кризис, хотя и глубокий, скоропроходящий, отсталые страны особенно остро его переживают, как кризис затяжной, надолго поражающий промышленную жизнь страны. Эти чисто объективные препятствия будут серьезным тормозом по пути осуществления полного социального страхования. Но мы надеемся, что и эти препятствия изживутся, и пролетариат добьется того, что напечаль на своих знаменах.

Уже теперь наше страховое законодательство увеличилось двумя широко разработанными положениями о страховании рабочих от болезни и безработицы. Основные принципы, о которых мы выше говорили, как о необходимой гарантии полного социального страхования соблюдены. пособия будут выдаваться в размере полного заработка. Взносы в размере 10% отчислений с заработка застрахованных целиком возложены на предпринимателей. Круг страхуемых расширять. Он охватывает собой всех наемных рабочих, начиная от прислуги, дворника, швейцара и кончая служащими частных и казенных учреждений, заработная плата которых не превышает трехкратного среднего заработка чернорабочего данной местности.

Предстоит громадная работа по проведению этих новых положений в жизнь. В некоторых городах, так например Петроград, уже приступлено к объединению всех больничных касс в единую общегородскую кассу. Организуются районные объединения, филиалы, обстраиваются новые лечебницы, детские больницы. Предприниматели, с большим упорством не желавшие подчиняться декретам, сдаются.

21 января 1921 г. страховым Советом была окончательно фиксирована цифра взносов предпринимателей по страхованию от безработицы в размере 4% с заработка рабочих. Таким образом настоящим постановлением окончательно зафиксированы новые издержки на производство содержания предпринимателями кадра безработных, без которых самый капиталистический способ производства немыслим. Капиталистическая промышленность при постоянных кризисах и оживлениях сопряжена то с расширением, то с сокра-

ценемъ производства, а слѣдовательно съ расчетами рабочихъ. Постоянный кадръ безработныхъ рабочихъ разныхъ специальностей необходимъ предпринимателямъ, а потому вполне резонно всю тяготу на содержаніе этого кадра возложить на капиталистовъ-предпринимателей. Правда, 4% взносы рассчитаны на мирное состояніе промышленности, когда безработица воддетъ въ свою нормальную колею; при теперешнемъ же состояніи промышленности трудно учесть, какова должна быть сумма для удовлетворенія нуждъ всѣхъ безработныхъ. Но какъ бы то ни было, начало страхованія уже положено. Въ комиссаріатъ труда начинаютъ поступать „жалобы“ предпринимателей на „незаконныя требованія рабочими“ взносовъ предпринимателей въ фондъ безработныхъ.

Петроградъ организуетъ кассы безработныхъ.

Страховая компанія въ разгарѣ.

И. Самохваловъ.

БИБЛИОТЕКА ЧИТАЛЬНИ
ИМЕНИ Я. М. СЕРДЮКОВА

Критика и библиографія.

Книга безсильнаго плача.

(И. Эренбургъ. „Молитва о Россіи“. Издательство „Сѣверные Дни“, Москва, 1918 г. Цѣна 2 р.).

Добро, чистое, но безвольное сердце билось ровно, билось мѣрно; въ мѣру страдало, въ мѣру утѣщалось, и мѣръ, и жизнь были ровны и тихи. И было такъ хорошо—можно было сострадать, было о чемъ помолиться.

Было у сердца свое тихое дѣло, была у сердца своя тихая вѣра; былъ у него свой Младенецъ-Богъ, а у Бога была Добрая Мама, а еще была у сердца Родина. Школьной указкой утвержденная на всѣхъ картахъ въ тѣхъ-то и тѣхъ-то границахъ, равнинная, спокойная, молебница и плакальница, мягкая, огромная Россія.

Вдругъ настало нѣчто. Все перевернулось, но не знало сердце, что настало, какой силой все перевернулось.

И въ смятеннѣмъ сердцѣ, въ ужасѣ и боля, хочется помолиться съ вѣрою, надеждою и—не можетъ... страшно... И больно плачетъ, плачетъ, плачетъ...

Тининны не стало—выстрѣлы и вопли.

Мѣрности не стало—жизнь въ страшныхъ корчахъ.

Горе вырастаетъ вовсе ужъ безъ мѣры.

Надъ лагуной жизни воле будто горы.

Состраданья будто никому не надо

— Пьяны хмѣлемъ гнѣва, не святой водою,

А молиться негдѣ, некому и не съ кѣмъ.

И у сердца дѣла прежняго ужъ нѣтъ. Какъ теперь работать! Кровь... стрѣляютъ, жгутъ.

„Завтра—какъ сегодня“—прежде такъ бывало—можно было вѣрить. А теперь, какъ вѣрить? Все кинитъ, бунтуетъ—каждый часъ—иное.

Но съ Родиной и Богомъ случилось хуже.

Выросъ Богъ внезапно.

Благостный Малютка, полный всепрощенья, возмужалъ и выросъ въ грознаго гиганта, дышащаго гнѣвомъ и карой, и желѣзной метлой провелъ по челу земли, сметая все, еще вчера свищепное, незыбленное, сбрасывая вчерашніе кумиры въ раздутое имъ пламя уничтоженія.

И уже не Добрай Мамой, по величавой, непонятной въ своей глубокой скорби и жалъ будто гнѣвъ, даже гнѣвъ, Матерью смотреть на объятую тревогой землю Та, для кого у смятеннаго сердца уже нѣтъ имени.

— А Родина?—Нѣтъ Родины!

Въ непонятномъ порывѣ къ жертвѣ (зачѣмъ жертва—вѣдь въ ней страданіе?), къ подвигу (зачѣмъ подвигъ—вѣдь въ немъ тревога, движеніе?) кусокъ за кускомъ отрывала она отъ прежнихъ (незыблемыхъ по школьной картѣ) границъ и бросаетъ ихъ иному, жадному миру.

— „Родина зачѣмъ, же отдаешься ты?!

Зачѣмъ даришь тѣло свое чужому“?!

Сердце, доброе сердце въ недоумѣнья.

И Родина уже не равнина, лоно спокойствія,—мятежное взбаламученное море. И мечется сердце, равниной вскормленное, равнинѣ преданное сердце.

И уже не спокойна Родина, уже не плакальница, не престолъ молитвъ, но хмельная злымъ хмелемъ, кровавой брагой, вольница, что на пиръ зоветъ, что сбликаетъ въ бой и проклятыя гонить не внемлющимъ.

Не понять ее, сегодняшнюю, устремленную въ нѣмую даль, сердцу прежнему, что вепять глядѣть...

Не понять.....

Но страшно, и горько и больно..

Не плачуть, не молятся, но поютъ и клянутъ.

Возжигаютъ не свѣчи, но выстрѣлы.

Не понять!

И нечего сказать, некого позвать, и самому не уйти некуда.

И слабое, будто обиженное сердце хочетъ молиться, думать—молится, но только плачетъ, и плачетъ слезами добрыми, но безсильными.

„О России

Миромъ Господу помолимся...

. . . А толкомъ

Я сказать не сумѣю...

Только пусто въ моемъ сердцѣ,

И стоитъ оно любовью до верху полнос...

Милые, пейте!..

Прочтешь и... не жаль, ни молиться, ни плакать съ нимъ вмѣстѣ не хочется, хоть и знаешь, что горе его не поддѣльное.

Потому не жаль:—женское его горе, безсильное.

„Дѣтямъ—говорить—скажете:

Осенью тысяча девятьсотъ семнадцатаго года мы ее распяли“,

ее—Россию значить.

Полно такъ ли, товарищъ? (знаю, ты бы братомъ зваться хотѣлъ, такъ по твоему логиче, сердечнѣе, но мы иные—мужи и воины—оттого и въ прозваны на-шемъ холодомъ звучнѣе, и „товарищъ“ намъ больше по сердцу).

Въ октябрѣ, говоришь, семнадцатаго...

Такъ узнай, пойми и запомни: въ юльѣ—четырнадцатаго.

Ну, а осудили ее на крестъ и тащили къ кресту много въ рядѣ лѣтъ раньше.

И ты, товарищъ, не столь далеко быть въ тѣ дни отъ покоевъ Пилатовыхъ гдѣ могли понять и, пожалуй, понимали, „въ чемъ истина“, но предпочли не понять и умыть руки!

„Ну, а въ октябрѣ, что же было?“—спросишь. Въ октябрѣ было величайшее: „Отче! въ руки Твои предаю духъ мой“.

Въ руки Отца своего, Всечеловѣчества, предала въ октябрѣ Россія душу, вѣру и судьбу свою.

Но „не вѣдали они, что творили“, и ты вмѣстѣ съ ними, товарищъ.

Не было у васъ вѣры даже съ „горчичное зерно“.

И скажу: воли.—Если бы тогда не было у Него учениковъ, безумцевъ въ твердости вѣры своей, если бы и они, какъ вы, усумнились:—Духъ былъ бы убитъ навсегда,—Воскресеня бы не было.

И нынѣ вы зовете насъ безумцами и беспочвенными мечтателями, но знайте: безумие вѣры нашей дѣлаетъ возможнымъ Воскресеніе.

Вы же забыли объ этомъ.

И мы живемъ и боремся, что бы быть готовыми и достойно встрѣтить день Воскресеня, вы же—не живете и гаснете въ безплодныхъ слезахъ. Осушите ихъ, если можете, и готовьтесь съ нами выковать мостъ къ великому Завтра.

Не любовь безплоднаго состраданія, но зовущая къ жертвѣ и подвигу, не молитвы женщины со свѣтильникомъ, не равнинный, но горный путь; не слезы, но пылающій взоръ, скрещенный съ блескомъ плавильныхъ огней, жгущихъ осколки прошлаго для постройки будущаго:—вотъ новая родина, новая Россія.—Поймите, примите и полюбите ее.

Скальдъ.

„ВОЙНА И МІРЪ“.

В. Маяковский. Война и Миръ“. К-во „Парусъ“. Пгр. 1917 г. Ц. 2 р. 25 к.

Поэма Маяковского написана въ 1916 году, когда нѣкоторые наши благонамѣренные литераторы еще успѣшно состязались въ „патриотическихкихъ“ неистовствахъ. Съ тѣхъ поръ утекло много воды, настроенія сильно измѣнились, — но интересно отмѣтить, что въ глухую пору войны нашелся въ Россіи искренній поэтъ, сдѣлавшій попытку подняться надъ кровавой кашей и немного „распутать мысли“. Поэма была заранѣе обречена на удушеніе царской цензурой; долго говорили, что Маяковский написалъ „вещь, которую нельзя никакъ напечатать“. Послѣ революции появились 3-я и 5-я части и прологъ (последній, кстати сказать—самая слабая часть поэмы), а недавно наканунѣ ликвидаціи войны, какъ вѣнокъ для предстоящихъ торжественныхъ похоронъ, поэма вышла полностью (какъ то даже странно, что нѣтъ ни одного бѣлаго мѣста!).

„Война и Миръ“ есть попытка охватить мировую войну въ мировомъ же масштабѣ, — освѣтить ту атмосферу, въ которой могла вспыхнуть такая гроза. Конечно, картина городской развратной культуры — лучшая прелюдія къ хаотической симфоніи битвы народовъ. Война—только вскрытіе огромнаго нарыва, различные названія котораго теперь хорошо всѣмъ извѣстны.

Гниетъ земля:
лампы огни ей
взрываютъ кору горой волдырей.

Дрожа городовъ агоней,
люди мрутъ у камня въ дырѣ..

Роковое нагромождеше причинъ приводитъ къ неизбѣжнымъ слѣдствіямъ:

И стало невыносимо ясно:
если не собрать людей пучками ротъ,
не взять и не взрѣзать людямъ вены, —
зараженная земля сама умретъ—
сдохнуть Парижи,
Берлины,
Вѣны!

Центральное мѣсто въ поэмѣ занимаетъ 3-я часть, какъ по величинѣ, такъ и по силѣ. Великолѣпныя докорации: „сѣдоволосые океаны“, „солнце—суровый, вѣчный арбитръ“; боги бѣгуще въ страхѣ передъ военной грозой изъ рая. Открывается любопытное явленіе: ненавидимая поэтомъ война вдохновляетъ его на рядъ незабываемыхъ образовъ, въ которыхъ сгущено все трагическое ея величіе:

Огневержецъ!
Гдѣ ни найдешь, караа?
Впугаюсь ракетѣ,
въ небо вбѣгу.
Съ неба красная,
рдѣя у края,
кровь Цегу.

. . . . .
А надъ всѣмъ этимъ
Дьяволъ
заревомъ зѣвотъ дымить:
это въ созвѣздіи желѣзнодорожныхъ линій
стоятъ,
озаренное пороховыми заводами,
небо въ Берлинѣ.

Такимъ образомъ, Маяковский, борющійся съ войной своимъ человѣческимъ чувствомъ, мудро принимаетъ стихію войны, какъ художникъ. Идеология поэмы чужда тенденціи: это вѣра въ новыхъ людей, которые будутъ „Бога самого милосерднѣй и лучше“. Только тотъ, кто „всего себя вытрясъ“,

Достоинъ
новыхъ дней принять причастіе.

Этой поэмой Маяковский получилъ право на вступленіе въ ряды значительныхъ поэтовъ больной и трагической, возстающей на себя культуры нашихъ дней, которой, быть-можетъ, суждено обновленіе. Звуковая, образная и синтаксическая выѣшность поэмы обладаетъ обычными достоинствами вещей Маяковского; недостатокъ (тяжесть синтаксиса, памфренинная грубость) совсѣмъ мало.

Иннокентій Оксеновъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

М. Павловичъ (Мих. Вельтманъ). Азія и ея роль въ мировой войнѣ.

Изд. газеты „Новая Жизнь“. Пгр. 1918 г. Цѣна 1 руб. 75 коп., стр. 72.

Россія, находящейся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ азиатскими странами и ведущей съ ними постоянныя торговли и иные сношенія, крайне интересны всѣ работы, посвященныя этимъ страдамъ и ихъ современному положенію. Брошюра (или по изыѣшнимъ временамъ — книга) М. Павловича, давно занимавшагося вопросомъ „объ оживленіи“ международнымъ империализмомъ отсталыхъ странъ путемъ постройки великихъ желѣзнодорожныхъ путей черезъ цѣлые континенты, даетъ довольно много цѣннаго матеріала для выясненія роли въ мировой войнѣ различныхъ азиатскихъ странъ, ставшихъ объектами высоко-развитаго империалистическаго капитализма. Авторъ совершенно правильно начинаетъ свою работу съ указанія на огромную роль металлургической промышленности въ созданіи современныхъ международныхъ конфликтовъ и на влияние въ этомъ современныхъ капиталистическихъ олигархій.

Сама работа состоитъ изъ двухъ частей: первая называется „Борьба за раздѣлъ Азіи“ и касается только одного китайскаго вопроса. При этомъ данный вопросъ трактуется довольно поверхностно и недостаточно полно, сводясь исключительно къ историческому анализу отношеній къ Китаю Россіи, Японіи, Германіи и Америки. Нѣтъ никакихъ указаній на степень заинтересованности въ китайскихъ дѣлахъ различныхъ державъ и о количествѣ вложенныхъ въ китайскія предприятия капиталовъ иностранцевъ; не упоминается совершенно о попыткахъ самихъ китайцевъ освободиться отъ иностранной эксплуатаціи и раздѣла. Совершенно не затронутъ вопросъ о Монголіи, Восточномъ Туркестанѣ, Тибетѣ, Афганистанѣ и другихъ сферахъ влияния ближайшаго будущаго и настоящаго.

Эту часть работы слѣдовало бы развить въ большей степени. Другая часть работы посвящена „передней Азіи“—Турціи, Персіи и Малой Азіи. Этимъ вопросомъ авторъ занимался и ранѣе, и потому эта часть его работы гораздо болѣе обстоятельна. Въ ней имѣется рядъ главъ о французскомъ, англійскомъ и германскомъ капиталѣ и его заинтересованности въ дѣлахъ Ближняго Востока. При этомъ почти исключительно затрагивается Багдадская желѣзная дорога, изъ-за которой, правда, главнымъ образомъ ведется война. Нѣтъ совершенно указаній на другую огромную мировую магистраль, имѣющую несомнѣнное отношеніе къ результатамъ современной войны: о трансперсидскомъ рельсовомъ пути. Довольно подробно разработанъ вопросъ о „раздѣлѣ Турціи“ и объ интересахъ различныхъ державъ въ этой области. Въ приложеніи приведенъ рядъ опубликованныхъ „секретныхъ документовъ“ нашей дипломатіи, доказывающихъ, что вопреки ходячему мнѣнію, значительную роль въ данной войнѣ, вмѣстѣ съ другими империализмами, игралъ и империализмъ русскій.

Эта брошюра, вскрывающая конкретно на опредѣленныхъ данныхъ хищническіи-империалистическій характеръ всякой современной войны, будетъ далеко небезполезна для прочтенія всѣмъ тѣмъ, кто еще не убѣдился наглядно въ томъ, что отсталыя страны для передовыхъ являются ничѣмъ инымъ, какъ объектомъ неприкрытаго грабежа, находящаго себѣ выраженіе въ империалистической бойнѣ народовъ. И русскимъ читателямъ, быть можетъ стоящимъ наканунѣ того, чтобы съ Россіей повторилась судьба Китая и Турціи, слѣдуетъ внимательно ознакомиться съ интересной книгой Павловича.

В. Трутовскіи.

Н. Ленинъ. Имперіализмъ какъ новѣйшій этапъ капитализма. Изд. „Жизнь и Знаніе“. 1917 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Современный капитализмъ, давно переросшій рамки капитализма эпохи свободной конкуренціи, къ сожалѣнію, слишкомъ мало освѣщается въ новѣйшей русской литературѣ. И значительная часть русскихъ социалистовъ все еще полагаетъ, что мы живемъ въ классическій вѣкъ эпохи свободной конкуренціи. Книга Ленина цѣлымъ рядомъ фактическихъ указаній разсѣиваетъ это заблужденіе. Анализируя на цифровыхъ данныхъ ту фазу, которой теперь достигъ капитализмъ въ видѣ концентрации производства, монополій, господства финансоваго капитала и роли въ этомъ банковъ, авторъ приходитъ къ выводу, что для капитализма въ его современной фазѣ развитія нѣтъ иного выхода, кромѣ постоянныхъ войнъ за раздѣлъ мира, завоеванія колоній и порабощенія стальныхъ странъ.

Авторъ, характеризуя имперіализмъ, опредѣляетъ его какъ „умирающій капитализмъ“ (стр. 124). Для доказательства авторъ указываетъ на регулированіе банками производства, на „переплетеніе“ различныхъ отраслей индустрии, на устраненіе анархіи въ производствѣ. Но почему это должно характеризоваться, какъ „умирание капитализма“? Вѣдь это—организованный капитализмъ, вмѣсто неорганизованнаго. Но развѣ онъ хотя въ малѣйшей степени устраняетъ предпринимательскую прибыль? И развѣ невозможенъ случай такого *застойнаго* состоянія капиталистическаго общества, когда узаконеніе монополій и сосредоточеніе власти въ рукахъ олигархіи создадутъ вмѣсто классовъ *касты*, свергнуть вышши изъ которыхъ будетъ крайне затруднительно? Тогда никакого „умирания“ капитализма не будетъ, и отлившее кастовое устройство мѣщанскаго царства приобрететъ цементированную прочность. *Если* массы возстанутъ, *если* они пожелаютъ свергнуть иго капитала, *если* активная сила ихъ напора будетъ сильнѣе оказываемаго имъ сопротивленія:—только тогда можно ждать сверженія капитализма. Констатированіемъ же фактовъ и указаніемъ на „отрицаніе отрицанія“ много дѣлу не поможешь.

Книгу можно рекомендовать широкимъ массамъ въ виду обилія фактовъ, разсѣивающихъ существующія предвзятые заблужденія.

В. Трутовскій.

Ник. Сухановъ. Интересы Россіи въ войнѣ и мирѣ. (Къ заключенію мира). Изд. „Соціалиста“. Пгр. 1918 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Настоящая брошюра является переработкой другой брошюры, написанной еще въ 1915 году, „Наши лѣвыя группы и война“ и брошюры „Почему мы воюемъ?“ Кромѣ того, примѣнительно къ данному моменту въ брошюру введенъ цѣлый рядъ дополненій, въ связи съ германскими мирными предложеніями. Авторъ очень внимательно анализируетъ товарообмѣнъ между Россіей и Германіей, вскрываетъ вздорность разсужденій только о „германскомъ засильи“ и о „германскомъ имперіализмѣ“ вредномъ для Россіи, разбираетъ нашу таможенную политику и приходитъ къ выводу, что кромѣ незначительной кучки буржуазии, *нѣтъ* противорѣчя экономическихъ интересовъ между главными общественными классами въ Россіи и въ Германіи. По мнѣнію автора, Германія не будетъ получать контрибуціи съ Россіи, такъ какъ это практически бесполезно, а съ другой стороны Германія не станетъ лишать Россію — рынокъ ея сбыта—послѣднихъ ресурсовъ для покупокъ: это значило бы убить курицу, несущую золотыя яйца. Что касается аннексій, то западныя провинціи, теперь взятые нѣмцами, не являются источниками сырья, а являются источниками „засилья“ Россіи въ дѣлѣ снабженія дешевыми фабрикатами. Отбросить Россію отъ

Балтийскаго моря нѣмцы могутъ, но это важно только для нашего экспорта, который долженъ значительно уменьшиться вслѣдствіе индустриализаціи страны и того, что раньше мы вывозили только по необходимости.

Основа нашей экономической политики заключается въ томъ, чтобы не выпускать сырья изъ Россіи безъ крайней къ тому необходимости. Наконецъ, авторъ приходитъ къ выводу, что процессъ войны такъ подрываетъ и подорвалъ наше народное хозяйство, что этого ущерба не возмѣститъ никакимъ результатомъ ея.

В. Трутовски.

Книги по рабочему вопросу.

Лурье. Германское профессиональное движение и война. (Изд. „Книги“).

Небольшая книжка Лурье (Ларина) „Германское профессиональное движение и война“ (изд. „Книги“) открываетъ передъ читателемъ много, что съ перваго взгляда совершенно ускользаетъ отъ вниманія поверхностнаго изслѣдователя нѣмецкаго профессиональнаго движенія за періодъ войны. Рядомъ цифръ авторъ показываетъ, какой глубокой ударъ былъ нанесенъ войной профессиональнымъ нѣмецкимъ союзамъ. Если количество членовъ въ 1914 году, наканунѣ войны въ свободныхъ профессиональныхъ союзахъ, находившихся подъ идеальнымъ руководствомъ с.-д., достигало до 2,511.000, то война и мобилизація свели въ 1917 году эту цифру до 900 тысячъ. Такимъ образомъ труды многолѣтней работы 2½ годами войны были совершенно уничтожены; союзы по размѣрамъ были отброшены на десятокъ лѣтъ назадъ. Меньшія отдѣленія союзовъ въ городахъ начали вымирать и распадаться, культурно-просвѣтительная и агитационная дѣятельность упала до минимальныхъ размѣровъ. Юридическіе секретариаты и канцеляріи сократили свою работу. На ряду съ этимъ составъ профессиональныхъ союзовъ въ Германіи совершенно измѣнился за время войны. Если до войны 40% состава професіон. союзовъ принадлежали къ с.-д. партіи, то въ 1917 году уже только 180 тысячъ принадлежали къ с.-д. партіи. 4/5 состава—это люди совершенно чуждые партіи с.-д. Вотъ почему такъ велико расхожденіе проф. союзовъ съ с.-д. партіей гдѣ уже „меньшинство“ стало большинствомъ.

Количество профессиональныхъ органовъ печати упало. Количество страницъ у оставшихся уменьшилось съ 329 страницъ до 186. Тиражъ тоже упалъ.

Поистинѣ глубокой ударъ нанесенъ войной рабочему классу, отняты у него не только тысячи жизней товарищей, не только уничтожены цѣнности труда, но разбиты его классовыя организаціи, мощныя орудія освобожденія. Обращаютъ на себя вниманіе въ книжкѣ и тѣ факты, которые устанавливаютъ обостреніе небывалой классовой борьбы послѣ войны.

За время войны предпринимательскіе союзы переживали періодъ лихорадочной дѣятельности. Ихъ организаціи насчитываютъ до 70 имперскихъ и 76 областныхъ союзовъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи „желтые союзы“. Всѣ эти силы будутъ направлены капиталистами противъ рабочихъ лишь только окончится война.

Ими все сделано для того, чтобы срок заключенных тарифов с рабочими был подогнан к одному и тому же числу.

Грозит всеобщий локаут послѣ войны и всеобщая стачка со стороны рабочих. Профессиональные союзы готовятся принять этот бой во всеоружии.

Вот тѣ факты которые послѣдовательнымъ рядомъ цифръ авторъ излагаетъ передъ читателемъ.

Книга безусловно интересна, заслуживаетъ вниманія и во многомъ разѣиваетъ тѣ неправильныя мнѣнія, которыя сложились у многихъ о нѣмецкихъ профессиональныхъ союзахъ въ периодъ военной грозы.

М. Самохваловъ.

В. Майскій. „Въ мѣръ германскаго профессиональнаго движенія“ (Издательство „Соціалистъ“).

Небольшая брошюрка Майскаго написана довольно популярно и живо. Авторъ рисуетъ читателю довольно подробно картину дѣятельности профессиональныхъ союзовъ Германіи, начиная съ центрального союза и кончая мѣстнымъ отдѣленіемъ союза, подробно останавливаясь на дѣятельности центрального правленія, областного правленія и правленія мѣстнаго союза. Вся организація большого союза проникнута строгой идеей централизма, полного подчиненія низшихъ органовъ, высшимъ. Эту централизацию, правда демократическую централизацию, авторъ горячо привѣтствуетъ. Хорошо поставленная агитационная дѣятельность, хорошо организованная борьба профессиональныхъ союзовъ съ предпринимателями, подчиненность мѣстныхъ союзовъ центру—является высшей идеей профессиональнаго строительства по мнѣнію автора. Подчиненность эта доходитъ до того, что мѣстный союзъ, прежде чѣмъ предъявить тѣ или нныя требованія предпринимателямъ, испрашиваетъ разрѣшенія на это у высшихъ инстанцій. Точно также въ послѣдующей стадіи борьбы мѣстный союзъ все время сносится съ центральнымъ, ставя его въ извѣстность о ходѣ стачки и проситъ разрѣшенія каждый разъ на дальнѣйшее веденіе стачки. Хорошая освѣдомленность дѣятелей профессиональнаго движенія съ условиями промышленности и дѣлами отдѣльныхъ предприятий и ликвидация благодаря этому къ общему благополучію многихъ конфликтовъ между трудомъ и капиталомъ—вѣнецъ профессиональнаго творчества.

Отрицательныя стороны профессиональнаго германскаго движенія авторъ видитъ только въ дробленіи профессиональнаго движенія, въ существованіи на ряду съ свободными с.-д. союзами, союзомъ христіанскихъ и отсутствіе союзовъ у ж.-д. рабочихъ. Конечно, нельзя отрицать этого недостатка, но кромѣ него есть и еще болѣе серьезныя недостатки германскихъ союзовъ, о которыхъ авторъ умалчиваетъ. Это опортунизмъ союзовъ, полная приспособленность ихъ къ условиямъ буржуазно - капиталистическаго правопорядка, это отсутствіе революціонныхъ началъ, боязнь всѣхъ новыхъ формъ борьбы капитала съ трудомъ, боязнь за громадныя фонды союзовъ. Война лучший свидѣтель этому. Опасеніе, что союзы потеряютъ свои фонды, если забастовкой станутъ протестовать противъ войны, опасеніе гнѣва кайзера и опалы профессиональныхъ союзовъ сдѣлала союзы ручными у буржуазіи и кайзера. Опортунизмъ, отсутствіе новыхъ началъ революціонной борьбы во всей практикѣ профессиональнаго движенія Германіи,—самый

крупный недостатокъ союзомъ и вся мощь союзомъ становится такимъ образомъ мнимой мощью.

Но авторъ этого видѣть не хочетъ. Для него вышій образецъ профессиональныхъ союзомъ—это германскій.

Наши русскіе союзы и ихъ функція онъ видитъ въ свѣтѣ германскихъ и принадлежа къ ученикамъ „великихъ учителей“ с.-д. Германии, онъ готовъ во всемъ копировать нѣмецкій образецъ.

И. Самохваловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на литературно-политическій журналъ
НАШЪ ПУТЬ

Журналъ Революціоннаго Соціализма
издаваемый при Ц. К. Парти Лѣвыхъ Соціалистовъ-Революціонеровъ (Интернад.)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ:

Р. В. Иванова-Разумника, Б. Д. Камкова, С. Д. Мстиславскаго.

ПОСТОЯННЫЕ СОТРУДНИКИ:

А. Авраамовъ, Александръ Блокъ, А. Биценко, Андрей Бѣлый, М. Брагинскій, А. Ганинъ, Сергѣй Гедройцъ, Сергѣй Есенинъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, Б. Камковъ, В. Карелинъ, А. Калегаевъ, М. Крушинскій, Н. Клюевъ, М. Левенсонъ, В. Левинъ, Евгений Лундбергъ, С. Мстиславскій, М. Натансонъ, Петръ Орѣшинъ, П. Прошьянъ, М. Самохваловъ, Свежъ, М. Спиридонова, А. Терекъ, В. Трутовскій, А. Устиновъ, А. Чапыгинъ, А. Ширяевецъ, А. Шрейдеръ, И. Э. Штейнбергъ, Шахъ-Эддинъ, Константинъ Эрбергъ и др.

Размѣръ каждой книги журнала — 10 — 12 печ. л.

Подписная цѣна на 3 книжки — 12 рублей.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала:

Спб., Лиговская, 44 (тел. конторы и редакціи—кв. 300), во всѣхъ районныхъ Комитетахъ партіи лѣвыхъ социалистовъ-революціонеровъ (интернаціоналистовъ).

Въ Москвѣ:—въ конторѣ газеты „Знамя Труда“, Скобелевская пл., гостин. „Дрезденъ“, комн. 154. При коллективной подпискѣ, а также рабочимъ и солдатскимъ клубамъ, кооперативамъ, народнымъ домамъ, народнымъ библиотекамъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору—10% скидки.

Секретарь редакціи принимаетъ по средамъ и пятницамъ съ 11 до 1 ч. дня.

Спб., Ляговка, 44, телеф. кв. 300.

Открыта подписка на 1918 годъ
на большую ежедневную политическую и литературную газету

„ЗНАМЯ ТРУДА“.

(2-й годъ изданія).

Органъ Центр. Ком. партіи лѣвыхъ соц.-революціонеровъ.

ПОСТОЯННЫЕ СОТРУДНИКИ:

А. Авраамовъ, Н. Алексѣевъ, В. Алгасовъ, Александръ Блокъ, А. Биценко, Андрей Бѣлый, М. Брагинскіи, Л. Венециановъ, А. Ганинъ, Сергѣй Гедройцъ, Сергѣй Есенинъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, Б. Камковъ, В. Карелинъ, А. Калегаевъ, М. Крушинскіи, Н. Клюевъ, В. Левинъ, Евгений Лундбергъ, Д. Магеровскіи, Б. Малкинъ, И. Майоровъ, С. Мстиславскій, М. Натансонъ, Петръ Орѣшинъ, П. Прошьянъ, Левъ Ровичъ, С. Рудаковъ, Свенъ, М. Спиридонова, А. Терекъ, Е. Терновъ, В. Трутовскій, А. Устиновъ, В. Фадѣевъ, А. Чапыгинъ, Д. Черепановъ, В. Шимановскіи, А. Ширяевецъ, А. Шрейдеръ, И. З. Штейнбергъ, Шахъ-Эддинъ, Константинъ Эрбергъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ ГАЗЕТЫ

„ЗНАМЯ ТРУДА“

подъ редакціей Р. В. Иванова-Разумника.

Постоянные отдѣлы:

Арсеній Авраамовъ—Искусство въ свѣтѣ революціи.
Александръ Блокъ—Россія и интеллигенція.
Андрей Бѣлый—На перевалѣ (статья).
Ивановъ-Разумникъ—Литература и революція.
Евгений Лундбергъ—Подъ знакомъ зодіака.
В. Шимановскій—Искусство и трудъ (о театрѣ).
Шахъ-Эддинъ—Живопись и скульптура.
К. Эрбергъ—Письма о творчествѣ.
Хроника литературы, живописи, театра и музыки. Библиографія.
Революционная хрестоматія.

За январь—мартъ 1918 года было напечатано:

А. Блокъ. Поэма „Двѣнадцать“. „Скифы“, статьи изъ серии „Россия и интеллигенція“ („Интеллигенція и революція“ и др.), стихи. **А. Бѣлый.** Статья „Рожденіе въ ясли“, стихи. **А. Ганинъ.** „Священный кличъ“, стихи. **П. П. Гайдебуровъ.** „Смерть Іоанна Грознаго“, и др. **С. Гедройцъ.** Поэма „Искушенія св. Антонія“, „Военные рассказы“. **С. Есенинъ.** Поэма „Пришествіе“, стихи. **Ивановъ-Разумникъ.** „Благоразумные и безумные“, „Поэты революціи“, „Великая могила“ (о Некрасовѣ) „Мечъ Бренна“. отрывки изъ статьи „Двѣ Россіи“. **Ник. Клюевъ.** „Красныя пѣсни“. стихи. **Е. Лундбергъ,** „Слово и дѣло“, „1917 годъ“ „О точкахъ зрѣнія“. **И. Оксеновъ.** „Военно-революционная поэма“. **П. Орѣшинъ.** Стихи, статьи. **А. Ремизовъ.** „На землѣ миръ“. **Революционная хрестоматія**—статьи: П. Кропоткина „Война и революція“, Герцена—Объ Учредительномъ Собраніи; „Исторія Парижской коммуны“ и др. **Скальдъ.** Искусство и революція. **А. Терекъ.** „Нѣдра“ (начало серии статей-рассказовъ). **А. Чапыгинъ.** Отрывки изъ повѣсти „На лебязьихъ озерахъ“. **Чужь-Чуженинъ.** Стихи. **В. Шимановскій.** Статьи о театрѣ. **А. Ширяевецъ.** „Стенька Разинъ“, стихи. **К. Эрбергъ.** Творческая личность.

Съ апрѣля печатается:

А. Блокъ. Драмат. поэма, стихи, статьи, переводы изъ Верлена, Ш. Леконта и др. **А. Бѣлый.** Отрывки изъ новой повѣсти, серия стиховъ „Весенняя предвѣстія“, статья „Кризисъ сознанія“, „Революционная стихія въ мировой музыкѣ“. „Священная Россія“, „Чѣмъ могутъ быть совѣты“. „О Николаѣ Клюевѣ“, „О поэмахъ С. Есенина“ и др. **А. Ганинъ.** Стихи. **П. Гайдебуровъ.** Статьи о театрѣ. **С. Гедройцъ.** Стихи и рассказы. **С. Есенинъ.** Поэмы: „Октоихъ“, „Преображеніе“, „Инокія“, Отрывки изъ поэмы „Сотвореніе міра“. **Ивановъ-Разумникъ.** Статьи о современной литературѣ, „Наши и не наши“, „Изъ дневника революціи“. **Е. Лундбергъ.** „О сборникахъ Скифы“, „Театръ Гайдебурова“. „Диккенсъ и революція“ и друг. **И. Оксеновъ.** Стихи. **П. Орѣшинъ.** Стихи и статьи. **Революционная хрестоматія:** серия статей „Исторія интернационала“, изъ статей А. Герцена, М. Бакунина, П. Лаврова, Р. Вагнера, К. Маркса, Бланки, В. Гюго, Маццини, Прудона и др. **А. Терекъ.** Статьи и рассказы. **А. Чапыгинъ.** Отрывки изъ новой повѣсти, рассказы. **А. Ширяевецъ.** Волжскія пѣсни. **Шахъ-Эдинъ.** О современной живописи и скульптурѣ, „Александръ Ивановъ и новая живопись“, „Подъ знакомъ Леонардо“. Выставки. **К. Эрбергъ.** Стихи, статьи о творчествѣ.

Комплекты №№ 1—153, оставшіеся въ небольшомъ количествѣ, продаются въ конторѣ газеты.

Подписная цѣна съ 1-го января 1918 г.	На	На	На
	3 мѣсяца.	2 мѣсяца.	1 мѣсяць.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Въ Россію	16 75	11 50	6 —
За границу	19 75	13 50	7 —

Подписка принимается только съ 1-го и до 1-го числа и не болѣе какъ на 3 мѣсяца.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ конторѣ „ЗНАМЯ ТРУДА“, Скобелевская площ., гостинница „Дрезденъ“, комн. 203.

2) Во всѣхъ районныхъ комитетахъ партіи лѣвыхъ с.-р.

ОТДѢЛЕНІЯ: 1) Въ Петроградѣ, Лиговская, 44, кв. 300.

2) Въ Саратовѣ, при гор. к-тѣ партіи лѣв. с.-р.

„Революціонный Соціализм“

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КОМИТЕТЪ

ПАРТІИ ЛѢВЫХЪ СОЦ.-РЕВОЛ. (интернац.).

1. А. Устиновъ.—Интернаціональ и война. Ц. 20 к.
2. Ивановъ-Разумникъ.—За что воюють великія державы. Ц. 25 к.
3. А. Устиновъ.—Земельный вопросъ. Ц. 20 к.
4. П. Орѣшинъ.—Зарево. Стихи. Ц. 3 р.
5. Вокругъ Учредительнаго Собранія.—Сборн. статей. Ц. 1 р. 50 к.
6. М. Спиридонова.—Рѣчи и статьи. (Печатается).
7. В. Трутовскій.—Переходный періодъ. Ц. 2 р.
8. Отдѣленіе церкви отъ государства и свобода совѣсти.
Сборникъ статей. Ц. 20 к.
9. Резолюци I съѣзда партіи лѣвыхъ социалистовъ-революціон.
интернаціоналистовъ. Ц. 15 к.
10. Основной законъ о землѣ. Съ предисловіемъ М. Спиридоновой.
(Печатается).
11. Протоколы I съѣзда партіи лѣвыхъ соц.-рев. интернаціонал.
(Печатается).
12. Ивановъ-Разумникъ.—Годъ революци. Ц. 4 р.
13. Б. Камковъ.—Двѣ тактики. (Печатается).
14. Сборникъ памяти Каляева. Ц. 1 р.
15. А. Комовъ.—Къ вопросу о теоретическихъ основахъ социали-
стической программы. (Печатается).
16. В. Левинъ.—Рабочее движеніе въ Россіи въ первый годъ ве-
ликой революци. (Печатается).

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Спб.—Лиговка, 44, кв. 300.

Москва—Гост. „Дрезденъ“, комн. 154.

«Революційный Соціалізмъ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КОМИТЕТЪ

ПАРТІИ ЛѢВЫХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ
(ИНТЕРНАЦІОНАЛИСТОВЪ).

Вышли новыя книги:

Ивановъ-Разумникъ.

ГОДЪ РЕВОЛЮЦІИ

Статьи 1917 года. Спб. 1918. Стр. 204+VIII. Ц. 4 р.

В. Трутовскій.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРІОДЪ

(Между капитализмомъ и соціализмомъ).

Спб. 1918. Стр. 110. Ц. 2 р.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ:

Спб.—Лиговка, 44, кв. 300.

Москва—Гост. „Дрезденъ“, комн. 154.

ВЪ СКЛАДЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА
„РЕВОЛЮЦІОННЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ“

(Спб.—Лиговка, 44, кв. 300.

Москва—Гост. „Дрезденъ“, комн. 154).

Продаются новыя книги:

I.

СКИӨЫ

Сборникъ Первый.

СОДЕРЖАНІЕ:

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: „СКИӨЫ“—Предисловіе. Сергѣй Есенинъ—Марѳа Посадница. Поэма. Андрей Бѣлый—Изъ дневника. Стихи. Андрей Бѣлый—Котикъ Летаевъ. Романъ. Валерій Брюсовъ—Древніе скиөы. Стихотвореніе. Михаилъ Пришвинъ—Страшный судъ. Разсказъ. Николай Клюевъ—Земля и желѣзо. Стихи. Алексѣй Ремизовъ—Яснѣ. Русалія, въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Сергѣй Есенинъ—Голубень. Стихи. А. Терекъ—Прологъ къ роману „Оглашенныя“. Арс. Авраамовъ—Въ дебряхъ эстетики. Андрей Бѣлый—Желѣзъ Аарона. Левъ Шестовъ—Музыка и призраки. ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ: А. Герценъ—Опять въ Парижѣ (неизданная статья). С. Мстиславскій—Памяти А. И. Иванчина-Писарева. Вѣра Фигнеръ—А. И. Иванчину-Писареву (воспоминанія). Вѣра Фигнеръ—Письмо къ А. И. Иванчину-Писареву. Ивановъ-Разумникъ—Испытаніе огнемъ. Ивановъ-Разумникъ—Соціализмъ и революція.

Спб. 1917 г. ЦѢНА 5 РУБЛЕИ.

II.

СКИӨЫ

Сборникъ Второй.

СОДЕРЖАНІЕ:

Ивановъ-Разумникъ—Поэты и революція. Андрей Бѣлый—„Пѣснь Солнценосца“. Николай Клюевъ—Пѣснь Солнценосца. Сергѣй Есенинъ—Стихословъ. Поэмы: Товарищъ. Усѣ. Пѣвущій Зовъ. Отчаръ. Петръ Орѣшинъ—Дулейка. Дѣдъ Краснойбай. Стихи. Андрей Бѣлый—Война. Родинѣ. Стихи. Андрей Бѣлый—Котикъ Летаевъ. Романъ (окончаніе). Николай Клюевъ—Избѣжныя пѣсни. Стихи. Евгенийъ Замятинъ—Островитяне. Повѣсть. Сергѣй Есенинъ—Подъ отчимъ кровомъ. Стихи. Алексѣй Ремизовъ—Gloria in excelsis. Алексѣй Ганинъ—Причастье Тайны. Стихи. Алексѣй Ремизовъ—Слово о погибели Русской Земли. Ивановъ-Разумникъ—Двѣ Россіи.

Спб. 1918 г. ЦѢНА 7 РУБЛЕИ.

III.

С. Мстиславскій.

БРЕСТСКІЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Спб. 1918 г. Ц. 2 р.

IV.

Сергѣй Есенинъ.

ГОЛУБЕНЬ

Вторая книга стиховъ. Спб. 1918 г. Ц. 3 р.

V.

Ромэнъ Ролланъ.

ВОЛКИ

Военно-революционная драма изъ эпохи 1793 г.
Переводъ Ѳ. Сологуба и А. Чеботаревской. (Печатается).

Главный складъ и контора изд-ва „СКИФЫ“

Спб., Суворовскій пр., 32-в.

ТИПОГРАФІЯ НИКОЛАЕВСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ.

Издательское товарищество „Революционная Мысль“.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

„ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ“.

Предыдущія изданія этой „Исторіи“ (первое—1907 г., четвертое—1914 г.) выходили во времена тяжелаго цензурнаго гнета и поэтому не могли не заключать въ себѣ нѣкоторой недоговоренности и въ основныхъ положеніяхъ и въ выводахъ; рядъ главъ нуждался поэтому въ дополненіяхъ, многое въ переработкѣ. Все это и сдѣлано авторомъ для новаго изданія. Настоящее, 5-е дополненное и переработанное изданіе „Исторіи русской общественной мысли“ раздѣлено на восемь частей; каждая составляетъ особый выпускъ, заключающій въ себѣ законченный отдѣлъ истории общественной мысли XIX вѣка. Содержаніе этихъ восьми выпусковъ слѣдующее:

ЧАСТЬ I. Отъ Радищева до декабристовъ.

ЧАСТЬ II. Отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ. Пушкинъ. Лермонтовъ.

ЧАСТЬ III. Сороковые и пятидесятыя годы. Западники и славянофилы. Бѣлинскій. Герценъ.

ЧАСТЬ IV. Шестидесятыя годы. Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ.

ЧАСТЬ V. Семидесятыя годы. Лавровъ. Бакунинъ, Михайловскій.

ЧАСТЬ VI. Отъ шестидесятыхъ годовъ къ восьмидесятымъ. Толстой. Достоевскій.

ЧАСТЬ VII. Девяностыя годы. Марксизмъ. Чеховъ и Горькій.

ЧАСТЬ VIII. Отъ девяностыхъ годовъ къ революціи 1917 г. Библиографія. Указатель именъ.

Каждая часть представляетъ собою законченное цѣлое.

Каждый выпускъ будетъ имѣть размѣръ около 12 печ. лист. (200 стр.).

Цѣна выпуска—3 р. 50 к.

Заказы принимаются въ издательствѣ „РЕВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ“.

Петроградъ. Литейный, 21.